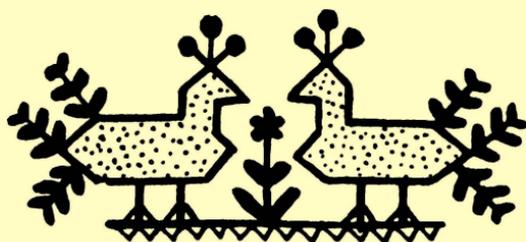

**Бубриховские чтения:
проблемы функционирования
и контактирования языков и культур
прибалтийско-финских народов**

Петрозаводск 2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Бубриховские чтения:
Проблемы функционирования
и контактирования языков и культур
прибалтийско-финских народов**

Сборник научных статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2008

ББК 81.66
Б901

Под редакцией
канд. филол. наук, доцента *Т. И. Старшовой*

Бубриховские чтения: Проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов: Сб. науч. ст. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. — 252 с.

ISBN 978-5-8021-0847-5

Данный сборник включает в себя материалы научной конференции «Бубриховские чтения: Проблемы контактирования и функционирования прибалтийско-финских языков и культур», посвященной 60-летию финно-угорского отделения Петрозаводского государственного университета.

В статьях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов Петрозаводского государственного университета, Карельского педуниверситета, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, а также зарубежных авторов на основе богатого лингвистического, культурологического и исторического материала рассматриваются вопросы контактирования прибалтийско-финских народов, анализируется современное состояние функционирования языков и культур, прогнозируются перспективы дальнейшего развития.

ББК 81.66

ISBN 978-5-8021-0847-5

© Петрозаводский государственный
университет, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

© <i>Zaikov P., Bogdanova L.</i> Karjalan kielen nykytila, kehitys ta käyttö Karjalan Tasavallassa (sosiologisen tutkimuksen valossa).....	3
© <i>Starshova T.</i> Karjalan kansallinen kirjallisuus ja kielten sekä kulttuurien kontaktointi.....	8
© <i>Karlova O.</i> Hävieve kylä – hävieve ni kieli?.....	22
© <i>Flink T.</i> Inkeriläisten palautukset Neuvostoliittoon vuosina 1944–1955.....	32
© <i>Богданов Е. В.</i> К вопросу о франкоманстве Л. Онерва	44
© <i>Копталева Ю. Э.</i> Исторический и этнокультурный аспекты ингерманландской фитонимии	62
© <i>Лебедева Н. А.</i> Ареальная дистрибуция структурных моделей финской ойконимии Ингерманландии.....	75
© <i>Мамонтова Н. Н.</i> Географические названия на современных картах Карелии (традиции и нормы).....	97
© <i>Кузьмин Д. В.</i> Восточно-финские типы в топонимии Карелии.....	107
© <i>Логина Е. В.</i> Каковы дураки на вид: сочетание сем ‘внешность’ и ‘умственные способности’ в лексике финских говоров	122
© <i>Храмцова О. А.</i> Проблемы инвентаризации и описания единиц повседневного речевого общения на финском языке в сопоставлении с русским	137
© <i>Хрушкова А. В.</i> Фамилии представителей привилегированного сословия Финляндии в XVII – XVIII вв.....	145
© <i>Миронова В. П.</i> Тема сватовства в карельской и финской эпической традиции: к вопросу о единстве мотивов и образов	157
© <i>Власова М. В.</i> Творцы мироздания в карельских эпических песнях.....	167
© <i>Пашкова Т. В.</i> Народные поверья как признак номинации некоторых названий болезней	178

© <i>Пашкова Т. В.</i> Некоторые вопросы номинации названий болезней в карельском языке (на основе названий птиц и животных).....	189
© <i>Ковалева С. В.</i> Заимствованные элементы в лексике новописьменного карельского языка	194
© <i>Жукова О. Ю.</i> «Белая волюшка» – основной объект оплакивания в вепсских свадебных причитаниях	202
© <i>Рогозина В. В.</i> Экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов в вепсском языке	210
© <i>Коробейникова С. В.</i> Современные концепции построения учебников иностранного языка для общеобразовательной школы.....	219
© <i>Богданова Е. Г.</i> Итоги реализации Международного проекта «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия 2005–2007».....	235

Karjalan kielen nykytila, kehitys ta käyttö Karjalan Tasavallassa (sosiologisen tutkimuksen valossa)

Nykyjäh globalisation aikana on tärkietä tutkie karjalaisen kansallista ičetuntuo, rahvahan ta viranomaisien merkitystä karjalaisen kulttuurin ta karjalan kielen revitalisatioissa, paissa oman kielen säilyttämisen tärkeyvestä.

Viimesen viijen vuuvven aikana karjalan kielen opastamini ei ole kasvan, vain päinvastoin supistun silminnähtävästi. Jos parahimpina vuosina karjalan kieltä Karjalan Tasavallassa opassetih 2,5 tuhannella lapsella, ni nykyjäh opassetah vain 1,5 tuhannella koululaisella. Niinpä Louhen piirissä viisi vuotta takaperin karjalan kieltä opassetih viijessä koulussa, nyt vain yhdessä Kiestinkin koulussa ta vain 20 lapsella. Sama tila on Muijejärven piirissä, missä karjalan kieltä opassetah vain Tiiksin koulussa. Muissaki koululoissa kieltä opassetah pienemmässä miärin kuin ennen. Mistä tämä johtuu? Koulujen johtajat ta Karjalan opassusministerijön ruatajat sanotah, jotta koululla ei ole varoja kielen opastamish ta vanhemmat ei mielelläh tahota, jotta koululoissa opassetais karjalan kieltä.

Jotta suaha selvä kuva karjalan kielen nykytilasta, sen opastamisesta, kehityksestä ta käytöstä tämän vuuvven huhtitoukokuussa oli luajittu kysely kaikissa piirilöissä, paičči Puodožin piiri, mi on täysin venäjänkielini. Kansallisien asioijen ministerijö yhdessä yliopistojen, lehti-, radijo ta televisijotoimituksien ruatajien, Karjalan Rahvahan Liiton kera valmissetih kyselypaperit, kut siitä täytettih paikan piällä piirikeskuksissa ta eri kylissä ta kaupunkiloissa. Oli tärkietä suaha tietyä, kuinka iče karjalaini rahvas suhtautuu oman kielen elvyttämish, onko riittävästi voimua piiritasolla säilyttyä

karjalaini kulttuuri ta karjalan kieli, mitä pitäis ruatua, jotta kieltä käytettäis ta opassettais enemmän kuin nyt.

Kaikkijah oli kysely 2400 henkie, niijen joukossa piirien ta kylien piälliköt, koulujen johtajat, kaiken kaikkie 63 henkie. Tästä luvusta 25 (38%) ruatajua ollah kansallisuuveltah karjalaisie, 29 (46%) venäläistä, 3 (4,7%) henkie suomalaista, muuta kansallisuutta 6 (9,5%) henkie. Näistä kysytyistä 36 (57%) henkie ilmotti pakajavan karjalaksi. Toisin sanoin, on täysi mahollisuus huolehtie siitä, jotta karjalaista kulttuurie olis voinun ylläpityä.

Yli puolet koulun johtajista (53%) sano olovan karjalaini, vaikka ei kaikki suateta paissa karjalaksi. Hyö ollah perillä siitä, jotta karjalan kielen säilyttämieni suuresti on kiinni siitä, opassetahko sitä koululoissa vai ei. Nykyjäh karjalan kielen opastajie on 57 henkie, joista karjalaisie 54 henkie, muut venäläiset. Suurin osa niistä on ruattu pitkäh karjalan kielen opastajina, heilä on korkie pätevyys, ns. I kategoria on 10 henkellä, II kategoria on 12 henkellä ta korkein kategoria 14 henkellä. Koulun kirjastoissa on karjalankielistä kirjallisuutta, vaikka sitä vastauksien mukah ei ole vielä riittävästi.

Karjalan kielen opastajina ruatah naiset (56 henkie) ta vain yksi mies, josta voimma piättyä, jotta karjalan kielen opastamieni on melko täysin naisien hartijoilla. Suurin osa opastajista käy jokavuotisilla karjalan kielen kesäkurssiloilla, missä heilä on mahollisuus paissa koko päivän karjalaksi ta nostua omua kielitaituo.

Karjalan kieltä koululoissa opassetah kerran netälissä. Poikkeuksena on Petroskoin suomalais-ugrilaini koulu, jossa karjalan kieltä opassetah 2–3 tuntie netälissä ensimmäisestä yhtehtoista luokkah suati. Opastamisen tulokset sentäh ollah melko hyvät, vaikka moni opastujista on täysin venäläini. Erikoisen hyvin opassetah karjalan kieltä niise Puatanen koulussa, missä kieltä opassetah kaikilla lapsilla pari tuntie netälissä. Eipä ihme, jotta juuri näijen koulujen koululaiset moneh kertah on oltu tasavallan kielikilpailujen voittajina.

Tosin erähissä Aunuksen piirin koululoissa (Tuuksan, Kuittisen, Kotkatjärven ta Aunuksen koilussa № 3) tänä vuotena ruvetah opastamah karjalan kieltä kaikissa luokissa.

Karjalan kielen säilyttämini on yhteyvessä siih, paissahko sitä vanhemmat lapsien kera perehissä. Yritämmä näyttüyä tilua allaolijan taulukon avulla.

Taulukko 1

	Kalevala	Aunus	Prääsä	Karhumäki	Louhi
Vanhemmat paissah lapsien kera karjalaksi	65%	74%	59%	44%	40%
Ei paissa	35%	26%	41%	56%	60%

Kyselyn yhteyvessä tutkijat käytih melkein jokahisessa koulussa. Selvisi, jotta kieltä opassetah oikein vähän, vain tunti netälissä, seki toičči päiväjärjessyksen ulkopuolella. Kieltä opassetah vain viijenteh luokkah suati, siitä kielen opassusta lopetetah. Vain muutomassa koulussa sitä opassetah yläluokilla. Toisissa koululoissa sitä opassetah joko fakultatiivisesti tahi karjalan kielen kerhossa. Mistä silloin johtunou, jotta koululoissa näin vähän opassetah karjalan kieltä. Vastauksena siih on monta seikkua. Ensinnäki, koulunjohtajat ei suhtauvuta vielä karjalan kielen opassukseh vakavasti, vai ajatellah, jotta se ei kuulu heijän tehtävih. Toiseksi, koulunjohtajat ollah sillä kannalla, jotta niillä karjalaisilla, kenen lapsilla ruvetah opastamah heijän muamon kieltä, pitäy kirjuttua erikoini paperi, missä hyö sitä vuajitah. Kylissä eläjät karjalaiset ei ole totuttu kirjuttamah kaikenlaisie papereita, varsin koulunjohtajilla. Toičči hyö varatahki sitä luatie, jos nähäh jotta opastajat ei kovuan haluta opastua karjalan kieltä. Tämä kyllä kovasti ihmetyttäy. Mintäh karjalaisien pitäy kirjuttua erikoini anomus. Eikö karjalaisilla niin kuin muilakin Venäjän kansalaisilla ole oikeutta omah kieleh ta omah kulttuurih?

Venäjä Federation opassuslajissa pykälä 6 sanou ”Jokahisella Venäjän kansalaisella on oikeus suaha koulutus omalla muamon kielellä”. Eikö tämä laki anna karjalaisellaki oikeutta omah kieleh. Mintäh koulunjohto rikkou tätä lakie ta vuatiu karjalaisilta erikoista anomusta? Eihän tämmöistä anomusta tarvita, konsa koulussa opassetah muita kielie. Niin, jotta miun mielestä tämmösillä anomuksilla ei ole mitänä laillista merkitystä. Niissä koululoissa, missä opassutah karjalaiset lapset, karjalan kieltä pitäy opastua ilman mitänä anomuksie. Toisin on asie, jos venäläiset tahi muut kansallisuuvet tahotah opastua karjalan kieltä. Niiltä voipi kysyö semmoista anomusta, jotta heilä pakollisesti ei opassetais karjalan kieltä. Mintäh Puatanen koulussa ei kysytä mimmoistakana anomusta vai opassetah karjalan kiletä kaikilla lapsilla, eikä se vienyn mimmoisihkana riitoh. Merkilläpantavua on, jotta juuri Puatanen koulun opastujat ollah parahimpie tasavallan kielikilpailuissa. Eikö muut koulut voitais ottua esimerkkie mainitusta koulusta.

Koululaisilta kyseltih heijän kielitaitotasosta, vastaukset oltih tämmöset.

Taulukko 2

		Kalevala	Aunus	Prääsä	Karhumäki	Louhi
1	Pakajan karjalaksi täysin ta ymmärrän	3%	9%	2%	4%	2,8%
2	Ymmärrän, en pakaja	63%	28%	24%	16%	23%
3	Tiijän muutoma sana	30%	54%	63%	74%	61%
4	En tiijä karjalan kieltä	4%	19%	11%	6%	13%

Karjalan kielen säilyttäjinä perhissä ollah ämmöt ta ukot (n. 30% vastuajista näin sanottih), ta vasta 25% sano, jotta muamot ta tuatot. Vastauksista ilmeni, jotta 50–60 ikähiset ihmiset karjalaisissa kylissä

vielä hyvin tiijetäh karjalan kieltä, onnakko heijän lapset melkeinpä ei paissa karjalaksi, vaikka vielä maltetah sitä.

Kysymykseh ”Tahottako, jotta teijän lapset tiijettäis ta paistais karjalaksi” 90% vassattih positiivisesti ta vain 10% negatiivisesti.

1234 henkeltä oli kysytty: ”Mitä pitäy ruatua, jotta säilyis ta kehittyis karjalaini kulttuuri ta karjalan kieli”. Vastahukset oltih tämmöset:

- pitäy olla lehet karjalan kielellä – 378 henkie (30%);
- pitäy olla enämpi karjalankielistä kirjallisuutta lapsilla – 161 henkie (13%);
- pitäy olla enämpi radivo ta televisiolähetyksie – 236 henkie (20%);
- pitäy järjestyä karjalan kielen kurssie aikuhisilla ihmisillä – 183 henkie (15%);
- järjestyä kuoro ta tanssijoukkoja – 370 henkie (30%);
- muuta karjalankielistä toimintua 150 henkie (15%).

Sitä paičči toivottih, jotta lapsie opassettais lapsientarhoissa pakajamah karjalaksi ta esittämäh karjalankielisie näytelmie, enemmän kirjuttua lehtilöissä karjalaisen kulttuurin säilymisen tärkevestä, järjestyä televisiossa karjalan kielen kurssit, julistua vuosi 2008 karjalan kielen vuuvveksi, kaikki hallintotalojen ta kauppojen nimet kirjuttua venäjän kielen rinnalla karjalaksi, kylien nimet niise panna karjalaksi, enemmän opastua koululaisilla karjalan kieltä (yksi tunti netälissä on liijan pieni miärä).

Karjalan kansallinen kirjallisuus ja kielten sekä kulttuurien kontaktointi

”Karjalan kielipolitiikka erosi muiden Neuvostoliiton alueiden kielipolitiikasta siinä, että kirjakieleksi valittiin ei paikallinen karjalan kieli vaan naapurimaan Suomen kieli” (Kangaspuro, 1998, 134). Tarton rauhansopimuksen (1920) pykälä karjalan kielen tunnustamisesta viralliseksi kieleksi jäi täyttämättä.

Suomen kieli tuli tuotannon välineeksi eri kirjailijaryhmille.

Kirjailija Matti Masajev on analysoinut kaikki Karjalassa ilmestyneet kirjailijoiden bibliografiset hakuteokset. Niitä on julkaistu kuusi, viimeisin 1994 (Masajev, 1998). Sadastakymmenestä liiton jäsenestä suomensuomalaisia on ollut 24, karjalaisia 16 ja venäjänsuomalaisia 10.

Suomalaisten joukkoon kuuluivat eri kautta ja eri syystä Karjalaan muuttaneet suomensuomalaiset (Jalmari Virtanen, Lauri Letonmäki, Ragnar Rusko, Santeri Mäkelä ym.). Eräillä heistä oli ollut kirjoittajan kokemusta omassa maassa. Juuri he aloittivat suomenkielisten julkaisujen perustamisen, kehittivät kulttuuri- ja valistustyötä. Myöhemmin tähän työhön liittyivät 1930-luvulla Yhdysvalloista, Kanadasta ja Suomesta tulleet toisen allon muuttajat. Heidänkin joukossa oli kirjailijoita – Mikael Rutanen, Eemeli Parras, Tatu Vätäinen ja Ludvig Kosonen. Suomalaiset toivat Karjalan kirjallisuuteen kotimaisen kriittisen realismin ja työväenkirjallisuuden perinteitä.

Muutettuaan Karjalaan he rupesivat kuvaamaan ajan uusia ilmiöitä (luokkataistelua, kollektivisaatiota, metsätyömailta, voimaloiden rakentamista ja maan teollistumista) ja käyttivät runsain mitoin

venäläistä poliittista sanastoa. Sen huomaa jo teoksien otsikoistakin: J. Virtasen ”Kenraaliharjoitus”, ”Bolshevikkien muistolle”, ”Sosialistinen kilpailu”, ”Sovetti-Karjalalle”, J. Paukun ”Eespäin, kollektivistit”, ”Alas kulakit” ja E. Parraksen ”Punanurkka” – runojen, O. Johanssonin ”Kollektivistit takoo itse oman onnensa” – kuvauksen ja muiden teosten otsikoista.

Suomalaisten käyttämä kieli koki täten 1920–30-luvulla hyvinkin voimakasta venäjän vaikutusta, mikä tuon tuostakin herätti keskustelua kielenhuollon tarpeesta.

Toisaalta suomalaiset (A. Nummi, R. Rusko, E. Parras, O. Johansson ym.) yrittivät värittää tekstejä, varsinkin replikoinnin osalta, myös karjalaisilla murteilla ja sanastolla. He käyttivät niitä antaakseen teoksilleen paikallisen värityksen, ilmaistakseen omia havaintoja karjalaisista, pyrkimättä ja pystymättä tietenkin murteen täydelliseen hallintaan.

”Kemiä alas”, ”Perämies Iivanan matka Uhtualle”, ”Kiimasjärveltä Repolaan” ja muita kuvauksia vienankarjalaisesta maaseudusta kirjoittanut Arvi Nummi (Pakarinen), esim., pyrki värittämään niitä kansankielellä ja tuomaan tekstiin karjalaisia reaaliota. ”Kemiä alas” – kuvauksessa kerrotaan, kuinka karjalaiset korpiasukkaat näkevät ensimmäistä kertaa höyryaluksen:

”– Jo on mokoma...

– Kun ei hiän piessa kuatione, kun on niin korkee...

– Emäs... kun puuhuttaa savuu ... on rymä kuin mikähän samovuari. Kun ei jo piessa palane kokonaan...” (Nummi, 1971,39).

Vastaavanlaisia esimerkkejä voitaisi tuoda R. Ruskon ”Murtuminen” – tarusta, E. Parraksen ”Maura” – romaanista ja useista muista teoksista.

Toisen ryhmän suomeksi kirjoittaneista muodostivat inkeriläiset. 1920-luvulla Karjalan kirjallisuuteen astuivat inkeriläissyntyiset J. Pauku, M. Husu, T. Raita, Y. Savolainen, L. Helo ynnä muut.

Joukossa oli sivistyneistön edustajia, joiden toiminta ulottui laajalle kulttuuri- ja valistusalueelle. Näihin tehtäviin he olivatkin kutsuttu Karjalaan.

Suomen kieli oli heidän äidinkieltensä, he olivat saaneet suomenkielisen koulutuksen; moni heistä ei edes taitanut venäjää. Siksi venäläisen kirjallisuuden vaikutus tuotantoonsa oli vaatimatonta, vaikka maan kirjallisuusprosessit ajan mittaan löivät vahvan leiman heidänkin teoksiinsa.

Inkeriläisten runous säilytti alkuvaiheessa kansanomaisen pohjan. Esim., Toivo Raidan lyyriset ”Tytölleni” ja ”Kevätkuutamossa” – runot ovat syntyneet kansanrunon perinteen pohjalta. Ensimmäisessä kannel itkee haikeita tunteita, joita myötäelää luonto. ”Kevätkuutamossa” on erinomaisia sointuja ja kuvia keväisestä luonnosta: ”metsä maaemon rinnasta mahloja juo”, ”lintu lempensä lumoja laulaa”, ”luonto morsiusmyrteissä unelmoi” jne. Kalevalaisen runouden vaikutusta huomaa jopa vallankumouksellisessa ”Rintamatoverusten juhlassa”.

Juho Paukku vuorostaan kuvatessaan raskasta oksienkarsijantyön työtä käyttää soinnukasta sananpyörittelyä:

”Tuli tyttö tirhakka,
Vipi vapi viuhakka,
Ripi rapi riuhakka,
Sipi sapi siuhakka”.

Kansanomaista poetiikkaa käyttivät menestyksellä myös J. Larva (”Mistä laulaisin”), M. Pursi (”Kevät”, ”Ainon lempi” – runot) ja monet muut.

Inkeriläisyys tuli esiin Karjalan kirjallisuudessa synnyinmaahan, sen tunnusmerkkien kuvina sekä kertomuksina inkeriläisten kohtaloista, huomattavasti vähemmän kielellisenä erikoisuutena.

Eraät runoilijat, myös uuden polven (T. Flink, V. Husu, L. Pönniö, V. Savolainen ym.), toivat kyllä tekstiinsä kotoista inkerinmurretta.

Mainittakoon, että sen käyttö yhdistyy kuitenkin lähinnä muistoihin lapsuuden kodista ja liittyy vanhempiin sukupolviin, äiteihin ja mummoihin kaikista vastoinkäymisistä huolimatta pystyneisiin säilyttämään sen. Herkkää rakkautta mummoon ilmaiseva L. Pönniön runo ”Mummin juurta” on kirjoitettu murteella ikäänkuin todistaakseen tekijän väitettä – ”Jäi vunukkoihin rakkaan mummin juurta ”(Jos linnulta siivet saisin 265). Samoin A. Hiiri käy keskustelua äitinsä kanssa runossaan Kotiääni. Kuvaavia ovat pojan suomi ja äidin inkeri:

“Äiti, olethan kotona.

Sänkysi, tuolisi tuossa”.

...

“Miun koti on Hyvilässä.

Tänne mie jäämään en suostu.

Minnuu siel uottaa äiti-

Ettekö ymmärrä työ”,

– purkaa tuskallista iänkaikkista kodin kaipuuta runoilijan yhdeksänkymmenekäinen äiti (Jos linnulta siivet saisin 219).

Toisille runoilijoille murre muistuttaa lapsuuden aikoja. K. Korvela kotipuolella käydessään keskustelee tuntemattoman vanhuksen kanssa, joka sanoo ”äitini murteella” (Juuret). Myös Petroskoin kaduilla vanhojen mummojen puheessa kuultu inkerin murre saattaa hyvällä korvaa ja olla runoilijalle ihanana tervehdyksenä ”Inkerin perukoilta / rannoilta kotimaan” (A. Hiiri).

Suomi tuli myös vienankarjalaisten kirjakieleksi. Vienassa se alkoi tulla kirjakieleksi kansan oma-aloitteisesti jo 1800-luvun lopulla. ”Karjalaiskylien miehet, joilla oli taloudellisia yhteyksiä Suomeen, tajusivat kirjakielen tärkeyden. Venäjää he eivät juuri osanneet, mutta suomi oli helposti ymmärrettävä kieli. Venäläisiäkään kouluja ei silloin ollut joka kylässä. Niin alkoivat eräissä kylissä toimia ”koulut”, joissa vanhemmat ukot, itsekin vielä lukutaidossa heikkoja, keräsivät

opinhaluisia lapsia pirttiinsä ja alkoivat opettaa heille suomalaisia puustaimia” (Konkka, 2003, 124). Ja juuri vienalaisilla alueilla juurtui luonnollisesti suomenkielinen kouluopetus 1920-luvulla. Eräät tulevat kirjailijat olivat opiskelleet suomenkielisissä kouluissa ja jatkossa itsekin toimineet opettajina (P. Perttu, J. Rugojev, esim.). Miltei kaikki he pitivät kielen opettajinaan suomalaisia klassikkoja.

Vienekarjalaisten tuotantoon liittyy elimellisesti kotoisen murteen käyttö. On virheellistä väittää, kuten tekevät eräät nuoret tutkijat (N. Tshikina, esim.), ettei karjalankielistä kirjallisuutta ollut ennen 1990-lukua ja sen synty liittyy vasta G. Lettijevan, V. Karakinan ja eräiden muiden kynäilijöiden teoksiin.

Jo 1920–30-luvulla oli julkaistu paljon karjalankielisiä tekstejä. Niinpä ensimmäisen kansallisen kirjallisuuskerhon toimesta v. 1923 ruvettiin julkaisemaan käsinkirjoitettua ”Nuori raataja” – lehteä, jossa oli paljon ”mukavaa luettavaa: kertomuksia ja runoja, hupaisia karjalankielisiä murrejuttuja...” (Rugojev, 1982,95). Kerhon perustajana oli suomalainen A. Nummi (Pakarinen). Sen piiriin kuuluivat karjalaiset Iivo Nikutjev, Risto Bogdanov, Nikolai Jaakkola, myöhemmin tuli uusia jäseniä.

Risto Bogdanov Vuonnisesta hallitsi sekä suomen kielen että karjalan kielen murteet. Hänen kynänjälkiään löytyy lukuisista 1920-30-luvun julkaisuista, niin kaunokirjallisia kuin kansanrunouden tallennuksia. 1930-luvun kielikiistoissa ”hän ei asettunut niiden joukkoon, jotka vaativat, että karjalan kirjakielen hintana on oltava suomen kirjakielen täydellinen häätäminen Neuvosto-Karjalasta. Risto Bogdanov tiesi ja tajusi, että karjalainen kansanrunous on vaikuttanut ratkaisevalla tavalla suomen kirjakielen kehitykseen ja että nämä kielet ovat paljon lähempiä toisiaan kuin läheiset sukukielet yleensä”, kirjoittaa J. Rugojev (1982,100-101).

Iivo Nikutjev julkaisi kertomuksia karjalaksi ja suomeksi. Karjalankieliset olivat erittäin suosittuja kansan keskuudessa, kuten

muistelevat aikalaisensa. Eräs vuokkiniemeläinen nainen kertoi J. Rugojeville: ”Kerran Iivo julkaisi Raatajassa karjalankielisen kertomuksen joka alkoi sanoilla: ”Armahaiseni Muarie. Kirjutan koissa stolan piässä...” Siitä hauska jutusta tuli ”vetonumero”, sitä luettiin kaikkialla kylänäyttämöillä” (sama).

Nikutjevin tekstejä on säilyt vähän. V. 1934 Valtion kustannusliike Kirja julisti karjalaismurteisten kertomusten ja novellien luomiskilpailun. Ensimmäisen palkinnon sai Nikutjevin ”Marfa”-kertomus. Sen kieli on miltei kauttaaltaan karjalaa, niin tekijän kuin henkilöiden replikoinnin osalta. Esim., näin kerrotaan nuorisoliittokokouksen valmisteluista: ”Nuorisoliittolaiset sielä ruvettih pitämäh kokousta kun nuo korjuutyöt ei alettu männä niinkuin ois pitän. Da oli heillä vielä muutakin asieta kokouksessa. Kun oli lepopäivä, ni klubilla tuli äijän muutakin vanhempoa väkie kuuntelomah nuorien pakinoa.

– Kylläpä on punanurkkaraiska männyn huonoksi, muisteli Marfa sivu matatessah.

– No tulouko ne tänä päinä ne iltamat, kysyi Nikitin Sergei Timon Annilta siinä ennen kokousta.

– Ka tulou, tulou da i vielä bufetin kera” (Nikutjev, 1979, 111).

Karjalankieliset kertomukset olivat erittäin suosittuja kansan keskuudessa, kuten muistelevat aikalaisensa. Ne kertoivat tutuista asioista ja ihmisistä kuulijan ja lukijan omalla kielellä. Aitoudellaan ne valloittivat ja tavoittivat heti lukijansa. Kertojalla ja kuulijalla oli sama kulttuuriperinne ja taustat.

Kivijärveläisestä Nikolai Jaakkolasta tuli vuosien mittaan Karjalan kirjailijayhdistyksen alullepanija ja sen aktiivinen toimihenkilö, kansan suosiota nauttiva suuri eepikko, jonka maine on ylittänyt kotimaansa rajat.

Hän aloitti 1920-luvulla pienillä kertomuksilla, joista tunnetuin on v. 1928 julkaistu ”Kun enskerran tulin Piiterih”. Se on tyylitelty

suullisen tarinan muotoon, höystetty kansan huumorilla ja kirjoitettu kotoisella murteella: ”Mie olin siih aikah nuori da vorssa burlakka. Miän kyläläisten mielestä olin äijän lukan kirjoija. Muomo miula aina karjui siitä, jotta sie se ole, Miikkula, kun et ni mitä roa, aina vain luvet...” (Jaakkola, 1978,42).

On pantava merkille, että samalla vuosikymmenellä ilmestyneet Jaakkolan sanomalehtikirjoitukset (Karjalan oloista ennen ja nyt, Rosvojen parissa ym.) olivat suomen yleiskieltä. Samaa voidaan todeta myös useiden muidenkin 1920–30-lukujen kirjailijoiden (A. Timonen, J. Rugojev, N. Laine, F. Ivatshev, K. Jussila ym.) tuotannon suhteen. Asiatekstiä, sanomakirjoituksia ja kuvauksia he kirjoittivat suomeksi, kaunokirjallisia teoksia joko täysin omalla kotoisella murteella tai käyttäen sitä replikoinnissa. Murteiden käytön määräisivät ehkä teosten sisältö, joka liittyi sen ajan arkielämään, ja suullista kertomusta, tarinaa lähestyvä muoto.

Yllämainitun perusteella voidaan todeta, että karjalan murteita käyttivät kansallisuudeltaan erilaiset kirjailijat, niin suomalaiset kuin karjalaisetkin. Vaikka karjalan kieli ei silloin ollut virallisessa käytössä, se tuli luontevasti kaunokirjallisuuteen kirjoittajien ja kuvatun kansan puheena.

Sodan jälkeen juuri vienankarjalaiset tulivat kansallisen kirjallisuuden suurimmiksi vaikuttajiksi. Karjalaissyntyisten klassikkojen – N. Jaakkolan, J. Rugojevin, O. Stepanovin, A. Timosen, P. Pertun, N. Laineen – omana kielenä oli varsinaiskarjala. Valittuaan luovan työn kieleksi suomen, he rikastuttivat sitä murreaineiksilla. Tämä ominaisuus piti vuosikymmeniä vireillä keskustelua Karjalan suomenkielisen kirjallisuuden kieliasusta.

1950–1960-luvulla arvostelijat ja toimittajat eivät olleet yksimielisiä murteiden ja kirjakielen suhteesta toisiinsa. Vallitseva näkökulma oli, että kirjat ovat tarkoitettu suomenkieliselle lukijalle,

siksi murteiden liiallista käyttöä on estettävä. Tämä pani epäilemään kansankielen käytön oikeudenmukaisuutta myös kirjailijoita. Monilla heistä oman tyylin löytäminen kesti vuosikymmeniä ja kukin kehitti murteiden käytön suhteen omia periaatteita.

Nikolai Jaakkolan ”Pirttijärven rantamilla”- kirjan osia julkaistiin, esim., ensin Punalipussa ja sitten kirjana. Ensimmäisen osan yhteydessä huomaa, että Punalipun monet murteelliset muodot on korvattu kirjallisilla erillisessä painoksessa (1949), toisen osan – ”Pirttijärven rantamilla ja muualla”-kirjan suhteen prosessi oli päinvastainen: erillisenä kirjana ilmestyneessä osassa (1957) on huomattavasti enemmän käytetty murretta, kuin Punalipussa julkaistussa versiossa (1954). Vähiten muutoksia koki julkaisuvaiheissa kolmannen osan tyyli (”Ristiaallokossa”, 1963). Tähän aikaan kirjailija oli jo tehnyt itselleen tärkeimmät ratkaisut ja rupesi toimittamaan niiden mukaisesti edellisiäkin osia.

”Pirttijärven rantamilla” – kertoelmassa tekijän kielenä on suomi, mutta kirjailijan kuulumisen kuvattuun kansaan huomaa kansallisten reaalioiden ja sanaston käytössä: kalitat, ahvenrokka, mahasei, murkina, sulku, kaimata, tikuttaa jne. Niitä ei ole kovin paljon. Jos kirjailijasta tuntui, ettei sanaa ymmärretä, hän jopa selitti sen merkityksen joko suoraan omissa tekstissä tai viitteissä.

Kukin Jaakkolan henkilöistä puhuu omaa kotoista kieltä. Pirttijärveläinen Maura kertoo tähän tapaan: ”Oli silloin elosta oikein ollakseh, kun ukkokin oli vielä nuori ta voimissah... Ei tarvinnut, kun tuoh aijan toakse pyörähti, toas ni toi metson tai petran. Oli silloin petroja! Aivan tuossa veräjällä telmeltih. A kaloa, ahventa ta särkiä, haukie ta muikkua, kuin äijän oli Pirttijärnessä! A-voi-voi, jotta kaikki hirvitti – huttunah! Verkkoja et jaksan viestä nostoa: kala kalassa kiinni”(Jaakkola, 1977,17).

Usmanan asukkaiden puheen kuvauksessa kirjailija käyttää outoja ei ainoastaan keskustelijoille – venäläiselle Donoville ja suomalaiselle

Harjulalle – sanoja, vaan yleensä pirttijärveläisten kielestä eroavia: kirikko, musikat, nygöi, kormano, rosboinikat, vojuitsijat, nagroa, propatie jne. ”Avoi-voi, dumaitsimma, onnako voina rodiutuu! ... Karsinah menimmä peittoh. Musikat kai mentih metsäh... muga heinäh”, puhuu Harjulalle eräs eukko (Jaakkola, 1977, 253). Omassa tekstissä kirjailija jopa kommentoi, mistä johtuivat tämän alueen kielierot.

Jonkun muun seudun asukkaan astuessa kuvaan muuttuu myös puhe: ”Myö Vedlozeran volostin delegatat sanomma suorah moizille valkosuomalaizille, jotta Krasnaja Karelija ei halua erota sovetskoista Rossijasta. A jos belofinnat meinatah toas tulla, niin myös olemme valmehet vintovka käessä puolustamah omoa rabotshekrestjanskoita vlastie. Niin myö sanomma nengozil vierahille...”, puhuu Vieljärven edustaja yleiskarjalaisessa edustajakouksessa (Jaakkola, 1977,590).

E. Karhu huomaa tässä erikoisuudessa suomalaisen kirjallisuuden vaikutusta, mm. mainitsee V. Linnan ”Tuntematon sotilas”-romaanin. Kuten tiedetään siinä sotilaat puhuvat eri murteita ja puheistaan voidaan arvata, miltä paikkakunnalta mies on. ”Karjalaiset prosaistit kotoisen murteen käytöllä lisäsivät karjalaisuutta, murre sitoi teokset tiettyyn etnokulttuuriseen paikkaan, Viaan ja sen kansaan”, kirjoittaa E. Karhu (2003,82).

O. Stepanovin ”Kotikunnan tarinan” kieli on miltei kauttaaltaan kotoista Uhtuan murretta. Kirjailija tunnusti itsekkin, että karjalaisten puheen ja dialogien rakentaminen oli hänelle helppoa: ”Minulla on yksi konsti. Minä paneudun kunkin henkilön rooliin ja alan keskustelun”, – kertoi Stepanov työstään H. Panshinalle Punalipussa v. 1985 (6,152). Kirjoissa on runsaasti elävää kansankieltä, sananlaskuja ja -parsia, fraaseja, sanontoja ja sanaliittoja. Hänen henkilönsä jopa ajattelevat karjalaksi. ”Tämän kuvaannollisen kielen tallentaminen meidän aikakaudella on mielestäni kansallisten kirjailijoiden tärkeä, sanoisinpa pyhä, velvollisuus. Romaaneissani

olen yrittänyt käyttää kansan vuosisatojen aikana kartuttamaa viisautta ja elämäntapaperinnettä. Onhan muistettava että jos puulta katketaan juuret, se kuihtuu” (1985, 6,15). O. Stepanovin murteen käyttöä paljon moittivat jopa eräät kansalliset kirjailijat. Hänen maanmiehensä A. Timonen arvosteli, esim., murteen liiallista käyttöä Sakun Jaakko – rahvaan mies – kirjassa, koska se oli muka tarkoitettu suomenkieliselle lukijalle ja murteen käyttö hankaluuttaa lukemista. Kirjailija ei suostunut muuttamaan tyyliä, koska oli varma kannanotoistaan.

Vuonna 1987 Punalippu pyysi Stepanovia vastaamaan edelleenkin keskustelunalaisena olleeseen kysymykseen – Kelpaako murre taidekeinoksi. ”Murteiden käytöstä kaunokirjallisissa teoksissa on ollut puhetta jo pitemmän aikaa. Toiset väittävät, että se tekee hallaa suomen kielelle, toiset taas pitävät tarpeellisena käyttää sitä, koska murteet ovat kirjakielen rikastuttamisen lähde”, kommentoi hän kysymystä. Omaa murteiden käyttöä Stepanov perustelee siinä näin: ”Ensinnäkin olen kirjoittanut teokseni pohjoiskarjalaisia kansanihmisiä varten. Siltä taholta olen saanut tukea ja kannustusta sekä kiitoksia. Vaikka olen tarkoittanut teokseni suppealle lukijakunnalle, ovat ne sittenkin herättäneet mielenkiintoa jopa niinkin kaukana kuin Amerikan Yhdysvalloissa, missä Lesket-romaani on painettu alusta loppuun muuttamatta sanaakaan” (1987,97). ”Mielestäni elävän kansankielen käyttö kaunokirjallisuudessa on yksi karjalaisen sielun ilmaisukeino” (sama).

Samoja periaatteita kehittivät tuotannossaan muut vionalaiset klassikot. Hyvin monipuolisen proosan ja runouden kirjoittaja Jaakko Rugojev hallitsi täysin oman kotoisen murteensa, esiintyi usein julkisuudessa ja eri tilaisuuksissa kansankielen ja kulttuurin vaalimisen tärkeydestä. Huolestuneisuutta tulevaisuudesta pursuaa hänen tuotantonsa. Niille karjalaisille, jotka ”oman rahvaan kieltä

kainostelee, /omaa perinnettä häpeää”, runoilija muistuttaa karjalaisen sananlaskun: ”Käyttämätön aura/

nopeasti ruostuu/ pientarella peltomaan” (Äidinkieli, 2003,130).

J. Rugojevin vienankarjala-aiheisessa proosassa replikointi on valtaosaltaan karjalankielistä. Tämä koskee niin laajaa proosaa (”Ruokoranra” – romaania, esim.) kuin kertomuksiakin (kokoelmat ”Karjalaisilla kangasmailla”, ”Sukupolvien saatossa” ym.).

Samoin kuin Jaakkolalla murteet voivat vaihdella toisen paikkakunnan asukkaan astuessa kuvaan. ”Siikaniemen tarua ja totta”-kertomuksessa Rugojev puhuu: ”Kerran syksyllä vanha tuttavani Petri Jurinpoika ehdotti, että lähtisimme viikonlopuksi hänen kotikyläänsä.

– Siel kai piendaret i dorogupellod ollah tävvet vagoid...

– Missä se sinun kotikyläsi on?

– Ka Aunuksen dorogal. Kun ajat Pyhäjärvestä ielläh vähäsen, niin vasemmalla on tiensuara...Ylen hyvä dorogaine..”, selostaa mies tien laatua (1979,202-203).

Omia periaatteita murteiden käytön suhteen kehittänyt Pekka Perttükkin. Kertojan tekstissään vallitsevana on kirjasuomi, karjalaisuutta ja kalevalaisuutta tuo siihen rikas sanasto, jossa on kansan elämän reaaliota, runollisia alleja, mesikämmeniä ja kalevantulia.

Murteiden käyttöä Perttu katsoi mahdolliseksi vain tiettyjen aiheiden ja lajien yhteydessä (juttu, pakina, tarina). Hänen ”Vesiperän pakinoita” – kokoelmansa sisältää 13 murrejuttua. Suurin osa niistä on stilisoitu tarinan muotoon – ”kansan suusta kuultua”. Ne välittävät myös aidon puhutavan. ”Kaikkie vet sitä muajilmassa sattuu... Nyt mie starinoin yhen ihan totisen tositapahuksen, mi ei ole yhtänä huonompi kuin keksityt. – Vuokkiniemen perukan rahvas ei anneta valehella...” (1980,25); ”Issumma kerran Onttosen Riijon kera onkittamassa...” (1980,44); ”Sinä kevyänä sitä kelie oli ta tietäki riitti!..”(1980,40) – tähän tapaan tarinat alkavat. Niissä usein

puhutellaan kuulijaa: ”Niinkuin itseki arvuatte, tämä tapaus oli ollut Latvajärvellä” (1980,5).

Vastaavanlaisia karjalankielisiä juttuja löytyy muistakin kokoelmista. P. Pertulla murteen käyttöä on runsaammin kuitenkin ”vanhan ajan” kuvauksissa, iäkkäiden ihmisten kertomuksissa.

1980-luvulla uuden nuoren urbaanin sukupolven astuttua kirjallisuuteen, julkisuudessa alkoi vilkas keskustelu ns. ”Petroskoin suomesta”. Kaunokirjallisuuden kieltä moitittiin juuri liiallisesta karjalaisuudesta. Suomalainen kertoja M. Masajev päinvastoin näki vienalaisten ansiona sen, että ”he ovat tuoneet Petroskoin suomeen vienankarjalaisen kansankielen rikkauden, kuvallisuuden, värikkyuden ja sointuvuuden” (1987,141). Samassa artikkelissaan hän puhuu: ”Kirjailijoidemme ja runoilijoittemme teoksia sävyttää tietty kielellinen kansanomaisuus, sillä kukin heistä, tietysti kykyjensä ja taitojensa mukaan, hyödyntää karjalan ja inkerin murteita. Tässä mielessä vienankarjalainen eli kalevalainen kansankieli on todellinen aarreaitta. Ei ole vaikea kuvitella miten ihastuttavalta ja eksoottiselta kajahtaa kalevalaisen kansankielen sana, vertaus, lausekäännö tai puheenparsi kaikessa mehevyydessään suomensuomalaisen korvaan niveloituvan nykysuomen ja tavarakulttuurin vierasperäisen markkinakielen keskellä” (1987,138). ”Kansan kielimuisti on ihmeellisen pitkä, samoin kielellinen kauneudentaju, tyyliä” (sama).

Näin lyhyessä katsauksessa ei voida antaa täydellistä ja kattavaa kuvaa murteiden ja kirjasuomen keskinäisvaikutuksista Karjalan kansallisessa kirjallisuudessa. Kaunokirjallisuutemme kieleen ovat sulautuneet useampien (karjalan, inkerin, vepsän, jopa suomen) murteiden ainekset, ominaisuudet ja sanasto antaen sille omalaatuista väritystä, siinä ovat kohdanneet erilaiset kansanrunolliset ja kaunokirjalliset traditiot.

Список литературы

Jaakkola Nikolai. Kun enskerran tulin Piiterih // Punalippu. 1978. № 3. S. 42–44.

Jaakkola Nikolai. Pirttijärven rantamilla. Petroskoi, 1977.

Кангаспуро Марку. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123–160.

Карху Э. Г. Проблемы становления молодых литератур // Э. Г. Карху. Общение народов и культур. Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков. Петрозаводск, 2003. С. 67–93.

Jos linnulta siivet saisin // Inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoi, 2000.

Kelpaako murre taidekeinoksi. Helena Panshina haastattelee O. Stepanovia // Punalippu. 1987. № 9. S. 96–97.

Konkka Unelma. Hajanaisia mietteitä Karjalan kansallisen kirjallisuuden tilasta // Carelia. 2003. № 1. S. 123–126.

Masajev Matti. Satakymmenen elämäkertaa // Carelia. 1998. № 12. S. 82–88.

Masajev Matti. ”Ihastuttava ja raivostuttava” eli Petroskoin suomiko uusiksi? // Punalippu. 1987. № 9. S. 137–142.

Nikutjev Iivo. Marfan vassukset // Juha Virkkunen, Nikolai Laine. Karjalan kertojat. Helsinki, 1979. S. 111–114.

Nummi Arvi. Kemiä alas // Punalippu. 1971. № 2. S. 39.

Panshina Helena. Kirjoitan maanmiehiäni varten // Punalippu. 1985. № 6. S. 147–154.

Paukku Juho. Oksienkarsijatyttö // Jos linnulta siivet saisin. Petroskoi, 2000. S. 125.

Perttu Pekka. Vesiperän pakinoita. Petroskoi, 1980.

Häviey kylä – hävieve ni kielee?

Karjalan Kansallisaseita hoitaja ministerijö on vetämässä karjalan kielen kehitystä koskovua ohjelmua. Tämän programman ensimmäisih tehtävih kuulu rahvahan pakauttelun l. kyselyn suorittamini. Pakauttelutarkastelun piämiäränä oli suaha selvillä, mimmoni on karjalan kielen tila tosiasieissa, mitä paikallisella tasolla ruatah kielen hyväksi ta, tietysti, tiijustua rahvahan mielikanta muamonkielen nähen. Pakauteltavien joukossa on ollun eri alojen ihmisie (kulttuuriruatajie, kylähallintojen johtajie, toimittajie, opettajie). Männyön kevyän aikana karjalaisie pakauteltih tasavallan kaikissa piirilöissä. Mie kävin kotikylässäni Vuokkiniemessä ta tässä lyhyt selossus matalta suanuista tuloksista.

Lähtöpäivänä olin suanun Ministerijöstä tukullisen paperija ta aloin niitä tutkie jo junassa. Niijen joukossa oli 7 eriluatuista kyselylomaketta (=ankettie): prostoilla rahvahalla tarkotettu; karjalan kielen opastajilla; lapsilla, ket opassutah karjalan kieltä; koulun direktöörillä; kulttuuritalon johtajalla; kylänhallinnon piämiehellä; kulttuurialan yhteiskunnallisilla ruatajilla. Ankettiloissa annetuista kysymyksistä mainiöççisin seuruavat: kansallisuus; muamonkieli; kuin suuri on perhes; kuin moni perhessä pakajau karjalaksi; missä käytät omua kieltä (perhessä, töissä, lehtien ta kirjojen lukomisessa); mimmosie kansan tapoja ta perintehie tiijät ta novat elämässä (uskonto, pruasniekka- ta keittijökulttuuri, kansanperintehet). Ta viimeseksi anketin lopussa oli kirjutettava oma mieli kielen elvyttämisestä ta kehityksestä. Karjalan kielen käyttö lehtilöissä, ratijö- ta TV-ohjelmissa ta tähä toimintah kuulujat kysymykset oli

esillä erikseh annetussa anketissa. Alempana lyhyt pakauttelun tuloksien kačahus.

Nellän päivän aikana sain pakautella melkein 80 vuokkiniemeläistä: koululaiset, ruatajaikäset ta pensijalla olijat. Rahvas on huoleessa karjalan kielen tulijasta ajasta. Kieli on häviemässä, sen jokahini älyöy. Silmähpistäjänä seikkana on se, jotta kieli ei siirry sukupolvelta toisella. Jokapäiväsessä elämässä karjalua käytetäh 40-vuotiset ta tätä vanhempi rahvas. 20–30-ikähiset ymmärretäh karjalua ta moni heistä suattauki paissa, ka ei enyä käytä sitä omassa perehessä. Nuorempi sukupolvi on melkein kokonah siirtyn venyhän kielellä, ainaski samanikäisien seurassa. On selvä, jotta hyö ollah nykyiset muamot ta tuatot, kumpasien varassa on oman kielen välittämini lapsilla. Vuokkiniemen koululaisien keskuuvvessa luajittu kysely osoittau sitä, jotta 14–16 vuotta vanhat lapset vielä ymmärretäh karjalua, ka ei käytetä sitä pakinassa, ta alkeisluokilla opastujat lapset ei enyä ni ymmärretä. ”Tiijämmä vain sanan-kaksi karjalaksi. Vanhemmat maltetah karjalaksi, ka ei paissa keskenäh koissa. Vain ämmö ta ukko paissah karjalaksi”, – tällä tavoin vassattih 7–10-vuotiset vuokkiniemeläiset. Niin jotta kielitilanne ei ole oikein kehuttava. Samalla on mainittava, jotta lapsien vanhemmat ei olla välinpitämättömie karjalan kielen tulijasta ajasta. Tästä kerrotah heijän täyttämät anketit. Melkein jokahini kirjutti, jotta karjalan kielen opetusta pitäis olla seimistä (lapsentarhasta) alkuan ta hyvä ois koulussaki pityä karjalan kielen tuntija. Monien toivomuksena on Kielipesän järjestämini. Ilahutti se, jotta karjalan kielen opetuksen vastah olijie ankettija ei ollenkana ollun. Vaikka mie olin valmis semmosihki mielih. Nykyjäh äijän paissah siitä, jotta mitä hyötyö on karjalan kielen opetuksesta, kun sillä ei ole mitänä käytännöllistä tarvetta. ”Parempi antua lapsi englantilaiseh luokkah, sillä kielellä hoti pärjyäy aikuhisessa elämässä!” – sanou moni. Tämä vanhempien tahto on ymmärrettävä, varsinki jos ottua huomijoh Venäjän nykyiset

talouseläminen. Jokahinen tahtois lapsellah parempua osua. Vanhempien piähuolena on panna oma sikiä jaloillah. Ka mitäpä myö karjalaiset olemma ilmaan kieltä? Himottais tässä tuuvva pari sytätä lämmittäjä esimerkkie. Kahen vuokkiniemeläisen pojan (v. 1986–87 syntynyöt) tuomat ehotukset karjalan kielen säilyttämiseksi: ”Tahon, jotta miun tulovilla lapsilla ois mahollisuus käyvä karjalan kielellä toimivassa lapsentarhassa. Olis hyvä, kun ilmestyttäis karjalan kieltä opasettavat tietokoneohjelmat, CD-levyt, karjalankieliset nettisivut, on-line-sanakirjat”. Ta vielä: ”Tahtosin, kun karjalan kieltä käytettäis elämän joka tilassa. Mieli säilyttyä kieli, pitäis paissa ta paissa karjalaksi. Opastua omat lapset pakajamah! En tykkyä, konsa karjalah sevotetah venäjänkielisiä sanoja, ainaski ratijossa ta televisorisissa”.

Vuokkiniemen koulussa ta lapsentarhassa karjalan kielen opetusta ei ole. Tällä hetkellä koulussa on 39 oppilasta ta lapsentarhah käypi 14 lasta. Koulussa opasettah suomen kieltä muamonkielenä ta englannin kieltä vierahana kielenä. Kielien opetus alkau toisesta luokasta: 2 tuntie suomen kieltä ta 2 tuntie englantie netälissä. Suomen kielen opastajina ollah Galina Vatanen ta Tatjana Remsujeva. Englannin tuntija pitäy Kostomuksesta kaksi kertua netälissä kävijä opettaja. Seimissä olijilla lapsilla kieltä ei opaseta.

Kulttuurioalalla ruatajista pakauttelin marttoja. Vuokkiniemen Martat-kerhoh kuuluu 13 naista (nuorempi v. 1961 syntynyt ta vanhempi v. 1925). Järjestö on alkan omua toimintuah v. 1990, sen nykyini johtaja on Valentina Semjonova. Kaikki martat maltetah karjalua lapsesta suaten ta omassa kerhossah naiset paissah vain karjalaksi. Käsityöharrassuksien lisäksi Martat lauletah karjalaksi, pannah lavalla karjalankielisiä näytelmie ta esitetah niitä kylän pruasniekoissa. Ensimmäini kysymys heiltä miula oli: ”Mintäh anketit ollah venyhän kielellä? Pitäis olla karjalaksi!”. Lupasin kertua petroskoilaisilla virkamiehillä heijän toivomuksen. Oli martoilla muitaki toivomusie, kumpaset hyö kirjutettih paperilla

Kansallisaseita hoitavah ministerijöh toimitettavaksi. Luvettelen tässä erähät:

- meilä pitäis olla musiikkialan spesialisti, kumpani ois perillä karjalaisien kulttuurista;
- hyvä ois suaha oma kamari, missä miän kerho sais ruatua rauhassa;
- himottais, jotta miät kučuttais rikenempäh eri juhlih ta pitoloih esiintymäh;
- toivomma, jotta Petroskoin Kansallini teatteri kävis näyttelölässä Vuokkiniemessä, niin kuin enneinki;
- Sama teatteri vois luatie TV-näytelmie;
- valtijon pitäis rahottua Kielipesän järjestämini kyläh, jotta miän lapset ta punukat suatais karjalan kielen opassusta.

Musiikkialan ruatajan puute kylässä huolestuttu monie vuokkiniemeläisie (ei vain marvoja). Kylän kulttuuritalon johtajana on ruatan jo enämmän 15 vuotta Tatjana Stepanova. Naini ei pakaja karjalaksi ta kerto, jotta ei oikein ni välitä tästä kielestä, sentäh kun ei ole karjalaini. Muita ruatajie klupissa ei ole, paiči diskojen vetäjä. On mainittava, jotta klupiekana nykyjäh kylässä ei ole.

Omasta puolestani himottais sanuo, jotta valtijon piätehtävänä on säilyttyä karjalaini kylä. Työttömyys toi perässäh viinanjuonnin ta muut pahat tavat. Nuoret kylästä puatah toivottuan parempua elämyä ičelläh ta lapsillah. Häviey kylä – häviey ni karjalan kieli. Ei tule kieltä – ei tule ni kansua.

Предложения жителей деревни Вокнаволок (г. Костомукша) по развитию, сохранению и использованию карельского языка*

1) г. р. 1986, пол муж., карел:

- проводить хотя бы раз в год курсы карельского языка в разных карельских деревнях, чтобы население научилось читать, писать, говорить и понимать карельский язык;
- издавать учебные пособия, книги для детей;
- создание сайтов на карельском языке;
- разработка компакт-дисков со словарями и обучающими программами, создание словаря он-лайн;
- чаще говорить на карельском языке и поддерживать молодежь в этом направлении;
- привлекать население к изучению языка;
- хочу, чтобы у детей была возможность ходить в детские сады, в которых обучение и воспитание ведется на карельском языке;

2) г. р. 1970, пол жен., русская:

- чаще говорить в семье на родном языке;
- ввести преподавание карельского языка в школе;

3) г. р. 1957, пол жен., русская:

- язык желательно прививать с детского сада;
- проводить праздники, вечера, особенно с участием детей, а они привлекали бы взрослых (мам, пап, бабушек и дедушек);

4) г. р. 1955, пол муж., карел:

- для развития письменности необходимо издавать книги, газеты, детскую литературу и преподавать язык в школе;
- создание и организация языкового гнезда на базе детского сада нашей деревни;

* Сохранен стиль ответов респондентов.

- карельский язык живет в деревне, поэтому государством должна вестись работа по сохранению традиционных карельских деревень;

- в нашей деревне я могу говорить на карельском языке в магазине, в местной администрации, на приеме у фельдшера – все понимают и говорят на родном языке. Хотелось бы, чтобы это было возможно и в дальнейшем;

5) г. р. 1982, пол жен., карелка;

- организация «kielipesä» (языкового гнезда) в детском саду;

- предоставление населению деревни дополнительных рабочих мест. Заинтересовать молодежь жить и работать в деревне;

6) г. р. 1970, пол. жен., русская:

- чаще говорить в семье на родном языке;

- ввести в школе карельский язык;

- с детства развивать родной язык;

7) г. р. 1961, пол жен., карелка:

- хочу, чтобы все, кто живет в Карелии, говорили только на карельском языке;

- в школе ввести уроки карельского языка;

8) г. р. 1953, пол муж., карел:

- в школе преподавать финский язык;

9) г. р. 1960, пол жен., карелка:

- вводить в школах изучение с начальных классов, но не обязательный предмет, а по желанию;

- тот, кто любит Карелию, язык, будет сохранять и беречь память, а если нет у человека ничего ценного, его не заставить хранить и любить;

- чаще говорить на языке;

- проводить праздники на родном языке, чтобы люди вслушались и поняли, какой красивый язык у карел;

10) г. р. 1959, пол жен., карелка:

- дублирование на карельском языке названий населенных пунктов, государственных учреждений, магазинов, пунктов питания и др.;

11) г. р. 1957, пол жен., карелка:

- в школе организовать факультатив;

- создание туристического центра с целью популяризации карельского языка и культуры;

12) г. р. 1961, пол жен., карелка:

- чтобы в Карелии разговаривали на карельском языке;

- в школе проводить уроки карельского языка;

13) г. р. 1954, пол жен., карелка:

- использовать в семье язык;

- внеучебная деятельность в школе;

- культурно-массовые мероприятия;

14) г. р. 1937, пол жен., карелка:

- разговаривать дома, использование языка в быту;

- преподавание в школе, детских садах;

- организация кружков, курсов;

15) г. р. 1935, пол жен., карелка:

- в семьях больше говорить по-карельски;

16) г. р. 1940, пол жен., карелка:

- больше передач на карельском и финском языках;

- установить радио;

17) г. р. 1941, пол жен., карелка:

- преподавание финского языка в школе;

18) г. р. 1956, пол жен., карелка:

- очень важно в семье поддерживать карельский язык;

- изучать карельский язык в школе на уроках, в фольклорных кружках;

- очень важно проводить праздники, связанные с народными традициями;

- мало издается литературы на карельском языке, особенно для детей. А если что-то и издается, у населения нет доступной информации и нет возможности приобрести книги;

19) г. р. 1961, пол жен., карелка:

- организация факультативов;
- проведение деревенских праздников;

20) г. р. 1987, пол муж., карел:

- больше культурных мероприятий на родном языке;
- говорить, говорить и говорить на моем родном языке, передавать из поколения в поколение;

- чтобы использовали карельский язык во всех случаях жизни;

21) г. р. 1962, пол жен., русская:

- организация детской фольклорной группы (дети с 6–7 лет);

22) г. р. 1976, пол жен., карелка:

- создание кружка по методике «kielipesä»;
- уделять больше внимания развитию деревни;

23) г. р. 1963, пол муж., карел:

- сохранить деревню;
- организовать детский сад на карельском языке;

24) г. р. 1949, пол жен., карелка:

- создание «языкового гнезда» в детском саду;
- сохранение и развитие традиционных карельских деревень, исчезнет деревня – исчезнет и язык;

25) г. р. 1955, пол жен., карелка:

- хорошо бы ввести преподавание карельского языка в детском саду, а в школе продолжать изучение языка как родного;
- больше передач на собственно-карельском диалекте по телевидению;

26) г. р. 1948, пол жен., русская:

- ввести в школе уроки карельского языка (устная речь);

- чаще проводить деревенские мероприятия, знакомя с традициями своего народа, обрядами и обычаями;

- проводить встречи с карельскими писателями;

- больше телепередач на карельском языке, рассказывать о жизни людей, проживающих в нашей республике;

27) г. р. 1963, пол жен., карелка:

- издание детской литературы на карельском языке, книжки-раскраски на русском и карельском языках;

28) г. р. 1948, пол жен., карелка:

- организовать кружок карельского языка в детском саду;

- увеличить количество проводимых праздников с участием молодежи;

- развивать национальные ремесла;

- уделять больше внимания карельским деревням:

- улучшить состояние дорог;

- открывать новые рабочие места;

- оказывать финансовую помощь (ссуды б/п или с минимальными процентами молодым семьям для строительства жилья);

29) г. р. 1936, пол жен., карелка:

- по-карельски говорить, а в школе изучать финский язык.

Пожелания, предложения и замечания радиослушателей и телезрителей:

- больше молодежных передач на карельском языке;

- увеличить количество радио- и телепередач с «мест» (освещать жизнь деревни);

- часто повторяется то же самое;

- больше внимания детским передачам;

- чтобы говорили на истинно карельском языке без включения русских слов;

- не слушаю радиопередачи, т. к. в деревне отсутствует прием радиопередач на карельском языке на канале «Россия»;

- рассказывать о жизни людей, проживающих в северной Карелии;
- мало телепередач на родном языке;
- по радио литературные чтения нужны;
- неудобное время трансляции: «Телепередачи идут утром, а мы работаем в это время».

Inkeriläisten palautukset Neuvostoliittoon vuosina 1944–1955

ONGELMAKENTÄN TAUSTOJA

Elina Sanan julkaisema teos *Luovutetut – Suomen ihmislouvatukset Gestapolle* (2003) herätti Suomessa ja kansainvälisestikin suurta huomiota puuttamalla Suomen sodanaikaisten päättäjien ratkaisuihin, joita on poikkeuksellisen pitkään pidetty maan kunniaa puolustavina. Julkisen keskustelun herättämisen lisäksi Elina Sanan teos esitti haasteen myös historiantutkimukselle. Muodostuneen tilanteen selvitysmieheksi pyydettiin prof. Heikki Ylikangas. Hän painotti valtioneuvoston kanslialle 16.1.2004 esittämässään lausunnossa myös sodan varjopuolten tutkimuksen kuuluvan demokraattisen ja avoimen Suomen kuvaan. Ylikangas suosittelikin kahden erillisen projektin perustamista. Toisen jo käynnistyneen tehtäväksi tuli selvittää Saksaan ja Neuvostoliittoon luovutettujen juutalaisten ja suomensukuisten sotavankien problematiikkaa. Myös kadonneiksi ilmoitettujen suomalaissotilaiden kohtalot tuli ottaa tutkimuksen kohteeksi. Toisessa, jo vuoden 2007 toimineessa hankkeessa, tuli keskittyä inkeriläisten luovutuksiin Neuvostoliittoon.

Inkeriläisten heimosotilaiden ja orpolasten luovutukset sekä inkeriläisten siviilien palautukset Neuvostoliittoon kuuluvat Suomen jatkosodan loppuvaiheen vähiten selviteltyihin historian sivuihin.

Suomessa välirauhasopimuksen nojalla luokiteltiin Erillispataljoona (Er.P) 6:ssa ja Heimopataljoona (HeimoP) 3:ssa taistelleet heimosotilaat ehdottomasti luovutettaviksi. Suomen viranomaiset luovuttivatkin yli puolet heistä, yhteensä 654 miestä vuoteen 1953 mennessä. Näiden sotilaiden lisäksi vaadittiin

luovutettavaksi mm. tiedusteluyskiköissä (esim ErP 4) palvelleet inkerinsuomalaiset vapaaehtoiset, ”loikkarit” ja sotavankeudessa olleet palautusta vältelleet puna-armeijalaiset.

Toinen ehdottomasti palautettava ryhmä oli Suomeen jatkosodan aikana kuljetetut turvattomat ja orpolapset. Heitä Suomi luovutti 332 henkeä.

Kolmanneksi ja suurimmaksi väestöryhmäksi muodostuivat saksalaisten miehittämältä Inkerinmaalta Suomeen vuosina 1943–1944 siirretyt siviilit. Suomalaisten toimesta siirtyi vapaaehtoisesti Suomeen noin 64 000 henkeä. Suurin osa kuljetuksissa tulleista kuului Inkerinmaan suomalaisiin. Joukossa oli myös pieni määrä suomensukuisia vatjalaisia ja inkeroisia. Tutkimuksissa on esitetty kaksi väestönkuljetusten perimmäistä syytä: työvoimatarpeen näkökulma ja siirtolaisuus valloitettuun Itä-Karjalaan. Neuvostonäkemyksen mukaan saksalaiset halusivat siirroilla tehdä tilaa uudelle saksalaiselle kolonialismille.

Kokonaisuuden hahmottamiseksi inkeriläisproblematiikkaa tulee tarkastella laajassa Suomen ja Neuvostoliiton sisä- ja ulkopoliittisessa kontekstissa vanhaa ja uutta tutkimusaineistoa hyödyntämällä. Erikoisen tärkeää on Liittoutuneiden Valvontakomission (LVK) inkeriläisten palautuskuljetuksiin liittyvän venäläisen arkistoaineiston saaminen tutkittavaksi. Allekirjoittanut ei ole toistaiseksi onnistunut saamaan käyttöönsä anomaansa Valvontakomissiota koskevaa aineistoa MID:in arkistosta AVP (Arhiv Vneshnei Politiki), vaikka toimilupa tuli elokuussa 2007.

Toinen tärkeä osa aineistosta liittyy inkeriläisten palautusten yhteydessä toteutettuun sijoittamiseen maakuntiin Leningradin ja Moskovan väliselle alueelle. Toiseksi merkittäväksi tutkimustehtäväksi nousee kartoittaa ja analysoida venäläisten viranomaisten toimet estää inkerinsuomalaisten muutto muualle heille

osoitetuista sijoitusalueista, jotka on käytännössä luokiteltava karkotusalueiksi.

Suomalaisten kannalta inkeriläisten luovutuksia koskevan tutkimuksen tekee yleisen historiallisen tietämyksen lisäksi arvokkaaksi myös se, että Suomessa asuu parhaillaan yli 30 000 inkeriläistä paluumuuttajaa perheineen. Merkittävä määrä paluumuuttajista kuuluu siihen ikäpolveen, joka on omakohtaisesti kokenut palautukset. On muistettava mainittua suurempi määrä inkerinsuomalaisia myös Venäjällä, Virossa ja Ruotsissa asuvat inkerinsuomalaiset ja heidän jälkeläisensä. Kokonaisuuden hahmottaminen tarjoaa monelle sukupolvelle tilaisuuden nähdä millaiseksi inkerinsuomalaisten elämänvaiheet muodostuivat palautusten yhteydestä ja niiden jälkeen Baltiaan laajentuneessa Neuvostoliitossa, Suomessa ja Ruotsissa.

Suurin siviilihenkilöiden palautusten kohteeksi Suomessa sodan aikana joutunut ryhmä olivat inkeriläissiviilit. On tunnettua, että Suomeen saapuneiden inkeriläisten määrä ylitti 63 000. Heistä Neuvostoliittoon palautettiin runsaat 55 000. Tämä ryhmä rajattiin kuitenkin suuruutensa ja tutkimuksellisten erityispiirteittensä vuoksi Suomen valtioneuvoston kanslian rahoittaman tutkimushankkeen ulkopuolelle. Selvitysmiehenä toiminut professori Heikki Ylikangas piti 16.1.2004 valtioneuvostolle jättämässään raportissa parhaana käsitellä inkeriläissiviilejä omana hankkeenaan. Tähän yhtyi myös Suomen Akatemia valtioneuvoston kanslialle osoittamassaan lausunnossa. Akatemia piti kaikkia professori Ylikankaan selvityksessä esittämiä tutkimushankkeita ensiarvoisen tärkeinä ja korosti niiden merkitystä Suomen historian tutkimuksessa ylipäätään ja maassamme käytävän poliittisen ja yhteiskunnallisen keskustelun avoimuuden sekä demokraattisuuden kannalta erityisesti.

Suomen Akatemian rahoittamassa inkeriläissiviilien palautuksia Suomesta Neuvostoliittoon 1944–1955 selvittelevässä

tutkimushankkeessa on tarkoitus täydentää Suomen toisen maailmansodan aikaisiin ihmisluovutuksiin liittyvää kokonaisuutta. Projekti toteutetaan vuosina 2007–2009.

Hankkeen tavoitteena on tuottaa laaja kokonaisesitys inkeriläissiviilien palautuksista. Erityistä huomiota kiinnitetään luovutusten hallinnolliseen ja oikeudelliseen tarkasteluun sekä Neuvostoliittoon palautettujen inkeriläisten sodanjälkeisiin vaiheisiin.

SOTA JA VÄESTÖNSIIRROT

Stalinille 24. elokuuta 1941 osoitetussa salaisessa muistiossa Molotov, Malenkov, Kosygin ja Ždanov olivat kaavailleet inkerinsuomalaisten karkottamista Leningradin ympäristöstä Kazakstaniin ja Siperiaan. Karkotuksen tui koskea 88 700 henkilöä. Toimet jäivät toteuttamatta, koska Leningradin saartorengas sulkeutui elokuun 29. päivänä 1941. Saartoon jääneet inkeriläiset, noin 30 000 henkilöä, pakkosiirrettiin Leningradin rintaman sotaneuvoston päätöksellä Laatokan jäätietä käyttämällä maaliskuussa 1942. Heidät kuljetettiin Lena- ja Jeniseijokien varsille Siperiaan. Karkotettujen paluu Inkeriin estettiin sisäasiainministeriön salaisilla päätöksillä. Niiden nojalla inkerinsuomalaisilta jäänyt omaisuus maineen myytiin Leningradin alueen vuonna 1945 asuttaneille Venäjän sisämaasta saapuneille siirtolaisille.

Kun saksalaiset eivät onnistuneet valtaamaan Leningradia, jäi Länsi- ja Keski-Inkeri saksalaisten miehitysalueeksi. Seuraavaksi esitettävä tutkimuksellinen arvio sodanaikaisesta tilanteesta perustuu pääasiallisesti kahteen teokseen. Keskeinen teos on Pekka Nevalaisen väitöskirja Inkeriläisten siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Se näki päivänvalon vuonna 1990. Siihen tässä pääasiallisesti viittaankin. Toiseksi tärkeäksi tietolähteeksi nousee väestönsiirroissa mukana olleen Erkki Tuulen muistelmateos Inkeriläisten vaellus. Inkeriläisen väestön siirto 1941–1945. Kirja ilmestyi vuonna 1988. Uuden

näkökulman problematiikkaan tarjoaa Heikki Roiko-Jokelan toimittama kirja, jossa piirretään laaja kuva AKS:n (Akateeminen Karjala-Seura) keskeisiin vaikuttajiin kuluva tohtori Vilho Helasesta (Roiko-Jokela, 1997). Teos on johdatellut tämän kirjoittajan tarkastelemaan uudelleen AKS:aan kuuluneiden henkilöiden määrää ja osuutta sodanaikaisiin inkeriläisten hengenpelastusoperaatioihin ja niiden motiiveihin. Arvio on kuitenkin vielä kesken.

Saksan kaavailut Inkerinmaan tulevaisuudesta olivat jatkuvan muutoksen tilassa. Inkeriläisille oli heidän suunnitelmissaan varattu häviäjän osa: joko jäädä jalkoihin tai tulla kuljetetuksi Suomeen. Akateemisen Karjala-Seuran (AKS), Isänmaallisen Kansanliikkeen (IKL) ja Inkerin Liiton (IL) heimoaatten harrastajat toimivat vuoden 1941 kevään ja kesän aikana Itä-Karjalan ja jopa Inkerin liittämiseksi Suomeen aina Stolbovan rauhanrajaan asti. Suomessa 1920-luvulta lähtien asuneet inkeriläispakolaiset perustivat Inkerin asiain hoitokunnan. Saksalaisten sotamenestys syksyllä 1941 piti myös suomalaisia toiveikkaana Inkerinmaasta tulevana suojavyöhykkeenä itää vastaan. Hanke kaatui Valtiollisen poliisin (Valpo) vastustukseen. Kynnyskysymykseksi nousi siirtolaisten luotettavuus. Suomenheimoiset sotavangit ja siviiliväki kytkettiin silloin Itä-Karjalan väestöntäydennyskysymykseen, joka tehtiin tiettäväksi Saksan miehitysjohdolle. Vuoden 1941 joulukuussa olivat saksalaiset valmiit lähettämään kiireisesti Suomeen 50 000 inkeriläistä nälän ja sotatoimien jaloista kävellen Suomen lahden yli. Saksalaiset näkivät Inkerissä oman uudisasutusalueensa, ja siinä mielessä olivat suopeita alueen tyhjentämiselle. Suomalaisten Inkerissä suorittamasta tilanearviosta tammikuulta 1942 ilmeni, että alueella oli noin 60 000 inkeriläistä. Kesään 1942 mennessä heistä oli Viroon siirretty yli 12 000 henkeä. Pakolaisaktivistien toiminta hukkui propagandatulvaan. Suomen johto jätti Inkeri-kysymyksen toistaiseksi

hoidettavaksi inkeriläisten omalla alueella. Samalla Itä-Karjala oli yhä väestön tarpeessa.

Inkerin hoitokunta ja Inkerin liitto jättivät elokuussa 1942 Suomen presidentille aloitteen, jonka mukaan Inkeristä tulisi siirtää Suomeen 45 000 henkeä. Väestönsiirrot olivat nousseet Saksan ja Suomen valtion asiaksi. Aloite oli tullut Itä-Karjalan sotilashallinnolta, käytännön neuvotteluja edistivät diplomaatit ja virkailijat. Vasta kun saksalaiset alkoivat tyhjentää Inkeriä siviiliväestä loka-marraskuussa 1943, tuli väestönsiirtoihin humanitaarinen ote.

Inkeriläisten laajamittaiset väestönsiirrot Suomeen toteutettiin laivauksilla Virosta käsin. Siirtojen vapaaehtoisuus varmennettiin kirjallisesti. Ensimmäisessä vaiheessa (29.3 – 17.10.1943) Suomeen saapui 22 050 henkeä. Toisessa vaiheessa (18.10.1943 – 14.4.1944) maahan saapui 38 283 siirtolaista ja kolmannessa vaiheessa (15.5. – 17.6.1944) siirtoväkeä oli 830 henkeä. Saksasta laivattiin 2 042 inkeriläistä (17.7.1943 – 12.5.1944). Suomeen saapuneiden inkeriläissiirtolaisten määrä oli kaikkiaan 63 205 henkeä. Vastaanottoleireillä siirtoväestön tiedot kirjattiin, heidät valokuvattiin ja heiltä otettiin sormenjäljet. Siirtoväki sijoitettiin karanteenileireihin. Jokaisella leirillä oli oma työvoimapiirinsä, mihin siirrettyjä ohjattiin työhön. Heidät majoitettiin 505 kuntaan käytännössä koko Suomen alueella.

Suomessa oli syksyyn 1944 mennessä myös noin 700 orpoa tai muuten turvatonta neuvostokansalaisten lasta kasvatteina yksityisperheissä. Myös kasvatuskodeissa oli kymmeniä.

Suurin osa suomalaisista eli väestönsiirtojen suhteen kulkupuheiden ja huhujen varassa kesään 1943 asti. Juridisesti inkeriläiset olivat Neuvostoliiton kansalaisia, ja Suomi oli tämän kanssa sodassa. Inkeriläisen siirtoväen kuva kirkastui ajan myötä.

Yleisesti ottaen inkeriläisten työpanos sota-ajan Suomen maataloudessa ja teollisuudessakin on laskettu huomattavaksi. Tämä

koskee erityisesti varttunutta naisväkeä. Arvioiden mukaan inkeriläisten aineellista ja henkistä kokonaisvaltaista juurtumista sota-ajan Suomeen ei kuitenkaan voida pitää onnistuneena. Kantaväen ja siirtolaisten yhteisymmärryksen ongelmallisuutta lisäsi myös siirtoväen lyhyt viipymisaika Suomessa: 7 kk – 1 v. 9 kk. Syntyneiden ristiriitojen syinä olivat etupäässä taloudelliset asiat, inkeriläisten suuret ennako-odotukset, jotka perustuivat lähtöajan liikoihin lupauksiin. Suomeen kotiutumisen teki vaikeaksi myös kansalaisuuden saaminen vain avioliiton kautta ja puuttuva oikeus pysyvään omaisuuteen, kuten maatalaan ja asuntoon (Nevalainen, 1990, 59, 79–83, 130–134, 145–147, 158–170, 252, 254–266, 292–309), (Tuuli, 1988, 23–25, 28, 56, 84, 86, 252).

NEUVOSTOLIITTOON PALAUTUSTEN PAKONOMAISUUS

Inkeriläisten siviilien palautukset ja heimosotureiden sekä orpolasten luovutukset Neuvostoliittoon ovat eläneet Suomessa omaa elämänsä tähän päivään asti. Siirtoväen sopeutumisen ongelmat olivat jääneet suomalaisten mieleen toisarvoisiksi, koska pakkotoimissa on nähty Valvontakomission ja Suomen viranomaisten yhteistoimintaa. Suomalaiset näkivät Valvontakomission toimissa uhan maan itsenäisyydelle. Inkeriläissiirtoväestä oli muodostunut rasite, jonka valtiovalta oli pyrkinyt pikaisesti hoitamaan pois päiväjärjestyksestä.

Muodollisesti, periaatteessa vapaaehtoisina, Suomeen saapuneina eivät inkeriläiset kuuluneet ehdottomasti palautettavien joukkoon. De facto inkeriläisten vaihtoehdot paluun tai jäämisen suhteen olivat yhtä vähissä kuin heidän siirtyessään Suomeen vuosina 1943–1944. Suomalaisten päätöksenteon ongelmallisuutta vuosina 1944–1945 vaihteessa lisäsi se, että ylin johto joutui ottamaan huomioon sodan jatkumisen Euroopassa, eikä Valvontakomission edustaman Neuvostoliiton mahdollisista toimista ollut tietoa. Itsenäisyyden

menettämistä pidettiin Suomessa silloin vartenotettavana vaihtoehtona.

Komission upseerit aloittivat toimintansa alatoimistoissa, jotka sijaitsivat Kotkassa, Loviisassa, Hangossa, Turussa, Maarianhaminassa, Raumalla, Porissa, Vaasassa, Kokkolassa, Oulussa, Torniossa, Mikkeliissä, Kuopiossa, Jyväskylässä, Hyvinkäällä, Lappeenrannassa, Hämeenlinnassa ja Seinäjoella. Käytössä olevan aineiston valossa Valvontakomissio on nähtävä tärkeimmäksi inkeriläisten muutoshaluihin vaikuttavaksi tekijäksi. Prosessin kaikki osapuolet pitivät pakkomuuton uhkaa todellisena, vaikkei sitä lausuttu ääneen. Lähtöpäätösten taustalla oli koti-ikävä ja toive kadotettujen perheenjäsenten löytymisestä. Yhtenä pontimena oli lupaus paluusta Inkerinmaalle.

Inkeriläisistä runsaat 33 000 ilmoitti haluavansa palata Neuvostoliittoon jo lokakuussa 1944. LVK:n alatoimistojen upseerit menettelivät tilanteen mukaan lupaamalla, suostuttelemalla ja painostamalla. Näin saatiin matkaan 17 500 alun perin Suomeen jäämään aikonutta. Valvontakomission tulkinnan mukaan kirjallisesti tai suullisesti tehtyä lähtöilmoitusta ei voitu peruuttaa. Myös Suomen sisäasiainministeriön siirtoväenosasto ilmoitti 28.11.1944 lääninhallituksille, että kotiutettaviksi ilmoittautuneet inkeriläiset siirtolaiset eivät saaneet perua lähtöpäätöksiään. Mikäli siirtolaiset eivät kuitenkaan saapuneet kokoamiskeskuksiin, ei heihin saanut toistaiseksi kohdistaa pakkotoimia.

Palautuksia loka-marraskuussa 1944 suunniteltaessa Helsingissä oltiin jo tietoisia, ettei inkeriläisiä aiottu kuljettaa kotiseuduilleen. Tämä selvisi junakuljetusten aikatauluista, joissa matkalle oli varattu jopa 12–14 vuorokautta. Myös Neuvostoliiton puolella tiedettiin, ettei inkeriläisiä tulla sijoittamaan entisille kotiseuduilleen. Asia ilmenee Neuvostoliiton Puolustuskomitean päätöksestä marraskuun 19. päivästä 1944, jossa nimettiin inkeriläisten sijoittamisalueet: Pihkovan,

Novgorodin, Kalininin, Jaroslavlin ja Velikije Lukin alueille. Leningradin alueetta (Inkerinmaata) asutettiin sisämaasta saapuvilla siirtolaisilla yhtä aktiivisesti kuin Neuvostoliitolle siirtynyttä Karjalan kannastakin.

Inkeriläisten kotiuttamiseksi oli Suomessa järjestetty 21 kokoamiskeskusta. Niiden sijainti oli: Helsinki, Lohja, Hyvinkää, Lahti, Kouvola, Turku, Salo, Loimaa, Rauma, Eurajoki, Pori, Tampere, Oitti, Jyväskylä, Seinäjoki, Ylivieska, Oulu, Naarajärvi, Mikkeli, Savonlinna ja Hämeenlinna. Palautukset suoritettiin 42 vuorokaudessa 5.12.1944 ja 15.1.1945 välisenä aikana. Näissä kuljetuksissa palasi 56 030 henkeä. Henkilökohtaisen omaisuuden mukana Neuvostoliittoon siirtyi yli 800 kotieläintä, ja runsaat 8 000 000 Suomen markkaa vaihdettiin Venäjän rupliksi. Neuvostohallitus ilmaisi Valvontakomission nimissä tyytyväisyytensä palautusten onnistumisen johdosta. Kotiutumistaso nousi 87 %:iin (Flin, 1995, 165–177; GARF, f. 327, op. 1, d. 8, l. 27, 32, 40–46, 59–65, 66–72, 73–75, 76, 77, 80, 81, 88–90, 96–99; UM, Fb 110 E.10).

KOTIUTUMISEN ONGELMAT

Inkerinsuomalainen siirtoväki tarjosi Valvontakomissiolle ensimmäiset siirrot sen käynnistäessä laajamittaista operaatiotaan kansalaisten hankkimiseksi kotimaahansa toisen maailmansodan loppuvaiheessa. Suomelle sen rakentaessa sodanjälkeisiä suhteitaan Neuvostoliittoon muodostui inkeriläisistä tässä tilanteessa riippakivi, josta haluttiin päästä eroon. Valvontakomission toiminta inkeriläispalautusten suhteen, Suomen viranomaisten enemmän työntävä kuin jäämistä tukeva asenne, inkeriläisten Suomeen kotiutumisen ongelmat ja epävarmuustekijät olivat saaneet aikaan laajamittaisen muuton Ruotsiin. Suomeen jäämispäätöksen tehneestä noin 8 000 henkilöstä siirtyi maasta vuosina 1944–1946 lähes neljännes esitetystä määrästä. Vuonna 1953 Suomeen kotiutuneita

laskettiin olleen 3 748 henkeä. Pakolaisliikkeen laajuus ja sen vuosiksi venyminen osoitti inkeriläisille, että heidän elämänsä Suomessa oli turvatonta ja täynnä taloudellisia pettymyksiä.

Inkeriläisten kansalaishakemuksia alettiin käsitellä vuodesta 1954 lähtien. Vilkkain kausi sijoittuu vuosiin 1956–1961. Viimeiset saivat kansalaisoikeutensa 1970-luvulla.

Valtiollisen poliisin (Valpo) valvontatoimisto tarkkaili kansallisuutta vailla olleita pitämällä heistä ulkomaalais- ja erityistä poliittista kortistoa sekä tiedottajia palkkaamalla. Omat kortistonsa olivat suomalaisten kanssa naimisissa olleista ja Suomeen jääneistä opettajista. Inkeriläinen siirtoväki eli Suomessa koko 1950-luvun ajan henkisessä ja oikeudellisessa paineessa juurettomana ja syrjäytyneenä. Varsin moni lähti lopulta Ruotsiin, joka tarjosi mahdollisuuden aloittaa kaiken alusta (Nevalainen, 1990, 314–327).

OJASTA ALLIKKOON

Suomesta Neuvostoliittoon vuosien 1944–1945 taitteessa palanneita inkeriläisiä sijoitettiin maaseudulle Leningradin ja Moskovan välimaastoon Velikije Lukin, Pihkovan, Novgorodin, Kalininin (Tverin) ja Jaroslavl'n alueille, osittain 1930-luvun karkotuspaikoille. Liittoutuneiden valvontakomission (LVK) upseerien laatimien luetteloiden mukaan siirtolaisissa oli 25 688 naista, 11 581 miestä ja 18 893 lasta, yhteensä 55 942 henkilöä.

Inkeriläissiirtolaiset olivat ehtineet vuoden 1945 kesän tullen osoittaa paikallisille ja valtakunnan ylimmille johtoelimille lukuisia lupahakemuksia kotipaikkakunnille muuttamiseksi. Pääsy sinne oli kuitenkin estetty ja tämä koski vain inkerinsuomalaisia – ei inkeroisia, eikä vatjalaisia. Kyseessä oli erittäin salainen V. M. Molotov'n nimikirjoituksella varustettu päätös. Kiellon perusteluksi esitettiin, että inkerinsuomalaiset olivat tukeneet saksalaismiehittäjien sortotoimia venäläisväestöä kohtaan, ja muuttivat vapaaehtoisesti Suomeen.

Inkerinsuomalaiset määrättiin hallinnollisin toimin pysymään heille väestön pakkosiirroissa osoitetuilla paikkakunnilla. Tämä koski myös 1930-luvulla karkotettuja ja sodan aikana Siperiaan pakkosiirrettyjä inkerinsuomalaisia. Päätös astui voimaan elokuussa 1945 (Flink, 1995, 177–178; GARF, f. 327, op. 1, d. 8, l. 76, 77, 81).

Kielloista välittämättä inkerinsuomalaisia alkoi sodan päätyttyä siirtyä omatoimisesti Viroon ja Latviaan. Joukkomittaiset karkotukset sieltä ajoittuivat vuoteen 1948. Niiden taustoja ei ole vielä tähän mennessä selvitelty. Valtion erityisratkaisuna inkerinsuomalaisia kotiutui Venäjän Karjalaan 6 500 perhettä, yli 21 tuhatta henkeä vuoteen 1949 loppuun mennessä. Laajaksi kaavailtu muutto tyrehtyi Karjalan puoluejohtaja G. N. Kuprijanovin syrjäyttämiseen maaliskuussa 1950. Myöhemmin häntä syytettiin mm. poliittisesti epäluotettavan väestön sijoittamisesta rajaseudulle.

Yksittäisten inkerinsuomalaisten luvanvarainen, oikeusprosessien ryydittämä paluu kotiseudulleen tuli mahdolliseksi 1960-luvulta lähtien. Koska heidän omaisuutensa oli sodan lopussa myyty, Venäjän sisämaasta saapuneille siirtolaisille oli inkerinsuomalaisten maine ja kotikontu menetetty lopullisesti. Maine, vaan ei maita eikä kansallisen sivistys- ja kulttuuritoiminnan elinehtoja, palautettiin Venäjän suomalaisten rehabilitoimisen myötä vuonna 1993. Toimenpide on osoittautunut kuitenkin pelkäksi muodollisuudeksi.

Lähteet

Tuuli Erkki. Inkeriläisten vaellus. Porvoo, 1988.

Nevalainen Pekka. Inkeriläisten siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuruu, 1990.

Flink Toivo. Pois Inkeristä, ohi Inkerin. Helsinki, 1995.

Roiko-Jokela Heikki. Etelän tien kulkija – Vilho Helanen (1899–1952). Jyväskylä, 1997.

Sana Elina. Luovutetut: Suomen ihmisluovutukset Gestapolle.
Helsinki, 2003.

Heikki Ylikankaan selvitys valtioneuvoston kanslialle 16.1.2004,
5/2004, ISBN 952-5354-47-4, ISSN 0782-6028.

Ulkoministeriön arkisto (UM).

Gosudarstvennyi Arhiv Rossiskoi Federatsii (GARF).

К вопросу о франкоманстве Л. Онерва

В процессе наблюдающегося "ренессанса Онерва" центральную роль имеет академическая наука, обладающая предпосылками для окончательной ревизии устойчивых критических формул, связанных с фигурой поэтессы и выделенных в специальный круг проблем Э. Г. Карху: ее вторичность по отношению к Э. Лейно и груз негативных оценок, лежащих на франкоманстве писательницы. Однако если факт пристального внимания ко всему французскому никогда не вызывал у науки сомнений, то отношение к нему не всегда было однозначным. Долгое время вопрос находился вне сферы внимания ученых из-за отягощенности данными консервативной критикой столетие назад негативными формулировками в адрес тематики декаданса и шире – из-за явных или не очень параллелей с французской литературой, ассоциировавшейся с закатом культуры.

Ни больше, ни меньше, говорилось об апологии идеи регресса, нисходящего развития, старости и ветхости, что отрицало будущее, исторический прогресс и восходящее движение истории и никоим образом не вязалось с идеей национального проекта, на движение вперед, на социально-политическую ситуацию, на культурологический спор о "молодых" и "старых" нациях, в котором Финляндии приписывалась особая историческая роль. Считалось, что «борющаяся за существование "молодая" нация не нуждалась в упадке... тогда как декадентская литература и

угасание культуры виделись в связке друг с другом»¹. Дискуссия обострялась и потому, что в видении оппонентов могло быть и "другое" франкоманство, примером которого был известный поэт В. А. Коскенниemi. Его романтизм, проявившийся в ранних сборниках, постепенно сменялся усиливавшейся склонностью к классицизму, к отточенным форме и языку, что шло вразрез с поэтическими экспериментами Онерва. Тотальное отрицание декаданса со стороны консерваторов привело к гипертрофии восприятия франкоманства Онерва, исключив возможность его научного обсуждения во всей полноте проявлений. Поэтому весьма логичным кажется то, что сегодня глубинная суть ее зачарованности французской школой начала вскрываться именно через переоценку значения декаданса, представленного как явление с общеевропейской географией, не исключаяющей Финляндии. Потепление отношения критики объясняется внелитературными факторами, например, сменой акцентов на этнокультурном поле.

Первые попытки предпринял академик Р. Коскимies, заметив, что как художник Онерва ощущала ту же "новую дрожь", что и какой-нибудь Гюисманс или Оскар Уайлд, что заставляет науку переосмыслить значение и место декаданса в национальной культуре, терявшей огромный пласт по причине предвзятого отношения к явлению. Литературные контакты не носили характера слепого копирования или механического переноса чужеродного материала на финскую почву, и то, что Онерва принесла в своем творчестве на финскую почву, не было особенно знакомо финскому читателю. Онерва удалось подхватить настроение декаданса, умело придав ему хорошо проработанные домашние формы. Вслед за ним и другие исследователи обращали внимание на рас-

¹ *Lyytikäinen P.* Dekadenssi – rappion runous // Dekadenssi vuosisadanvaihteen taiteessa ja kirjallisuudessa / Toim. P. Lyytikäinen. Helsinki: SKS, 1998. S. 13.

пространившиеся в финляндской науке суждения о преследовавшей финскую поэзию вплоть до 1920-х годов неспособности к обновлению и восприятию общеевропейских течений. Для К. Марьянена первое десятилетие XX века в финноязычной литературе, и особенно в лирике, выступает как более европеизированное, чем даже последующие. Он определяет как наследие "почвенников" то, что художников той поры ошибочно считают отсталыми, пропагандистами изоляционистской политики и местечкового патриотизма, при том, что их искусство соответствовало духу времени, а "лирика не отставала от расписания на материке. У нас был авангардизм, на который до сих пор никто не удосужился обратить достаточного внимания"². Как один из значительных аргументов приводится и знание иностранных языков, и то, что писатели проводили достаточно времени за границей. В подобном направлении размышлял и профессор Э. Крун, указывавший, что на рубеже веков национальная культура Финляндии была подвержена опасности оказаться в национальной изоляции, чему немало способствовали некоторые как внешние, так и внутренние факторы. В условиях сильнейшего культурного и духовного подъема разумным решением было "привязать ее к интернациональным тенденциям"³. Контакты были бурные и, что немало важно, двусторонние, страна открывала себя Европе с неподдельным увлечением и самозабвением.

Заниженности оценок в немалой степени способствовали параллели с теми или иными авторами. Да и сам литературный псевдоним, как с улыбкой вспоминала Онерва, будто нарочно имел схожее с французским графическое начертание (примеры

² *Marjanen K.* Runoutemme eurooppalaisin vuosikymmen. Sataluvun vaihde ja Eino Leino // *Suomalainen Suomi.* 1962. S. 79.

³ *Krohn E.* Ensimmäinen huomattava naislyrikkomme // *Helsingin Sanomat.* 1962. 28. huhtikuuta. S. 6.

такового нами обнаружены в ее архивах). Отрицать очевидность незаурядной книжной эрудиции поэтессы и наличие многочисленных литературных реминисценций и культурных похожестей невозможно, в этой связи данный вопрос требует чрезвычайной осторожности. Невнимание или поспешность в оценках способны исказить истинное лицо ее оригинального творчества и лишней раз дать пищу для подозрений в эпигонстве. Аксиомой является интенсивный характер ее увлеченности всем французским, как и выход интереса за пределы литературы в область сферы человеческого духа. Франкоманство стало оболочкой для мировоззрения в комплексе, определив ее отношение к человеку, культуре, истории; оно стало воздухом ее поэзии.

О НАЦИОНАЛЬНОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ

На рубеже веков культурные контакты, увлеченность европейской философией и эстетикой ускоряли духовный обмен между художниками, формируя естественное ощущение интернациональности, базировавшейся на идее межкультурного диалога и взаимопроникновения национальных культур, в котором французская литература и история культуры имели значительное место. Это переводит обсуждаемую тему в плоскость политики культуры, национальной политики – в широком смысле противостояние было столкновением парадного национализма, академизированных представлений о народе и нации, основанных на устойчивых идилиях Й. Л. Рунеберга, воспевшего маленький северный народ, сражающийся за существование, скрытый лесами от язв цивилизации, искренний и чистый – с одной стороны, и сил, полагавших, что после XIX столетия, ставшего "веком национальностей", "мы живем в момент большого исторического и духовного перелома... когда идея интернациональности заступа-

ет на место национальной идеи"⁴. Понимание национального как части интернационального – в этом условии неподвинутого толкования франкоманства Онерва, поскольку Онерва рассматривала национальную культуру в контексте общеевропейского процесса.

Не отрицая ценности национального как условия, она отрицала имманентность и тенденциозное стремление к закрытости. И здесь тогдашний русский имперский национализм, на ее взгляд, – следствие извращения национальной идеи, отрицавшей поликультурное взаимодействие. Для Онерва было очевидным то, что в новое время все литературы современных культурных народов так или иначе связаны друг с другом и их развитие происходит в обстановке этих связей. Это "обстоятельство не только не исключает самостоятельность каждой национальной литературы, но делает ее национальное своеобразие даже более рельефным"⁵. Таким образом, возможно под взаимовлиянием подразумевать именно содействие, оказываемое литературами или авторами одних народов росту литератур или авторов других, и препятствовать тенденциям к такому видению, когда поглощение или отказ в оригинальности и подозрение в книжности и эпигонстве становятся нормой для толкований.

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ: АНТИТЕЗА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Начавшаяся в юности увлеченность Онерва французским языком и культурой выросла в профессиональный интерес. Известно, что в годы учебы в лицее из 40 сокурсников Онерва лишь трое, включая ее саму, в качестве иностранного языка вместо предлагавшегося углубленного курса немецкого выбрали углубленный французский. В 1904 году Онерва отправляется в первую

⁴ *Onerva L. Kansallisuudesta ja kansainvälisyydestä // L. Onervan artikkeleita ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. K1 20541. Laatikko 121.*

⁵ *Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 294.*

европейскую поездку. Хелла Вуолийоки отмечала, что та, "когда вернулась из Парижа, была настоящей львицей, красивой, элегантной и только что получившей известность как поэтесса. Молодые люди умирали, а мы, девушки, смотрели на нее издали – ослепленные и боготворящие"⁶. Поездка лишь усилила ее **очарованность** Францией и Парижем. Отец считал, что Париж – город самых хитрых и коварных бандитов в мире. Онерва же в письмах к отцу называет его "огненным городом". Впоследствии Париж в ее прозе – частое место действия, этот город символизирует для нее сосредоточие мысли, что было продиктовано идеей, философским мироощущением писательницы.

Внимание поэтессы и писательницы Онерва к Франции, при всей его очевидности сегодня, на тот момент было противопоставлено легитимному в кругах финской интеллигенции германофильству. Правда, с конца XIX века франкоманство медленно, но утрачивало налет экзотики (интерес культурной элиты), но имело культурно-политический подтекст: с усилением националистических тенденций если националистически ориентированная Финляндия глядела в сторону Германии, то либералы страны всматривались во Францию или Англию. Дело было не только в политике – само название "Франция" в сознании многих было тождественно словам "цивилизация" и "культура", для них "французский" или "галльский" ассоциировались с блестящей легкостью стиля, отсутствие внутренней гармонии же в искусстве говорило об обратном, о культурном варварстве, которому были подвержены немцы. Франция – эта "старая" нация, ее культура и история должны стать примером всему миру, убережь его и особенно стремительно развивавшиеся от ошибок истории "молодые" нации, называвшиеся ею "источниками омоложения человечества".

⁶ *Nieminen R. Elämän punainen päivä. Helsinki: SKS, 1982. S. 60.*

Опора и на французский, и на немецкий опыт определяла развитие финской нации, однако принципы были различные. В основе представлений была дискуссия относительно молодых и старых народов, а также так называемые французская и немецкая модели. Нации формируются в разное время, в разных условиях, а развитие сопровождается различными событиями. Именно Франция, пережившая катаклизмы рубежа XVIII–XIX веков, дала мощный толчок европейским национальным движениям, равно как и зарождению доктрины национализма, именно она влияла и событиями, и идеями. Для идеологов пробуждавшихся народов Европы "французское общество стало как бы моделью современной нации – с акцентом на гражданских свободах и правах личности, даже без особого подчеркивания собственно этнических проблем. Нация воспринималась прежде всего как сообщество граждан, как суверенный народ"⁷. Немецкая нация же формировалась в условиях политической раздробленности и отсталости, и сильнейшим объединяющим фактором в ее формировании стала культура. В области философии, эстетики, художественной литературы немцы заняли ведущее место в мире. Именно немецким мыслителям принадлежит огромная заслуга в осмыслении многообразия и самобытности национальных культур в целом, когда мировая культура представляется единством в многообразии.

Финское национальное движение долго было культурным движением. С немцами финнов связывала молодость нации, ее "варварское" состояние, которые гарантировали наличие еще пока не раскрывшегося творческого потенциала, наличие нерастратченных сил, которые находились в крайне выгодной ситуации. С другой стороны, с понятием "немецкий" связывались отрицательные ассоциации, как отмечает Т. Крогерус, нередким было

⁷ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 24.

мнение, что "даже гениальный немец творит больше греха против хорошего вкуса и интуиции, чем обычный и совершенно негениальный галл средней руки"⁸. Тогда даже бытовало мнение в отношении литературы страны, что в целом она страдает от малокровия, даже несмотря на авторитет имен Гёте, Гейне, Ницше, Манна и некоторых других известных авторов, достижения которых никак не могли игнорироваться. Онерва отводила первое место на Парнасе мировой литературы именно Гёте, который, как она писала в одной из статей, сумел отразить отблеск вселенной, услышать мистические хоры природы и понять гармонию скрытых сфер. В целом высоко отзывалась о духе национального возрождения немцев, в своих записках о Германии она писала, что в стране многое делается для прогресса национальной культуры страны: государство финансирует археологические раскопки, строит в городах великолепные дворцы искусства, кайзер выставляет на общее обозрение свою коллекцию акварелей, к сожалению, "как истинный немец доказывает наличие в равной степени и усердия, и плохого вкуса"⁹. На ее взгляд, в дискуссии о культурном превосходстве Франция продолжает вполне заслуженно удерживать пальму первенства.

Для Онерва финская нация была пока еще слишком молода и неопытна и не могла обогатить своим присутствием культурную традицию Европы. Окультуривание было необходимо, так как витальность крепнувшего национального искусства была на тот момент еще хрупкой, и Онерва хорошо понимала, что, столкнувшись с богатой европейской палитрой, только-только развязавшая пеленки нация, с ее встававшей на ноги культурой могла

⁸ *Krogerus T.* Anna-Maria Tallgren. Tutkimus kriitikontyöstä ja sen taustoista. Helsinki: SKS, 1988. S. 210.

⁹ *Onerva L.* Mietteitä saksalaisesta kuvaamataiteesta // L. Onervan artikkeleitä ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. Kl. 20541. Laatikko 121. S. 3.

оказаться в состоянии замешательства. Поэтому финнам стоило быть "прилежными учениками", но и не терять достоинства, ведь они обладали достаточным на то потенциалом; внутри нации сокрыта неизведанная по своей мощи сила созидательности, способная поднять Финляндию на уровень, достигнутый "старыми" культурными народами Европы и Францией, прежде всего.

Это старая нация, способная к постоянному обновлению. После Великой Французской революции, которая, словно ножницами, отсекала старую, перезревшую плоть и тем самым обновила Францию, дав возможность выхода свежему творческому потенциалу, страна и нация обеспечивают процветание современной европейской культуры, аккумулируя творческие силы всего континента. А уже в XIX веке французы, по ее мнению, проделали немыслимую по своей значимости и объему работу, которая, собственно говоря, и гарантировала не просто расцвет французского искусства в широком смысле. Франция – это страна, способная объединить в национальном духе два важнейших качества: традицию, связь с достижениями прошлого и обращенный в будущее взгляд, поиск новых путей развития, украшенные истинно галльской одухотворенностью и вечной жаждой обновления. Данное свойство позволило ей с наступлением XIX века продемонстрировать зрелость и готовность выполнить величайшую миссию – стать центром, вдохновителем и руководителем всей художественной жизни Европы. То, что позволило французам создать нечто, поднявшее на недосягаемую высоту культуру страны, ее изобразительное искусство и литературу, является духом нации, особого рода его организацией, сопряженной с решимостью к пониманию человечности, стремлением стать местом паломничества всех ищущих идеалы красоты.

В истории французской культуры писательница выделяла особым образом период рококо. Он стал последним представите-

лем старого времени, но, подобно акушерке, освободил истинно французский дух от латинского ига. Уход от влияния итальянских мастеров заметен особенно у Вато, Буше и Фрагонара – о влиянии их творчества на современное искусство Онерва писала диссертацию. В историко-культурном контексте в рококо ее привлекала любовь его представителей к всякого рода экзотизмам: бегство от мещанской пресности и уход от тяжести барочной эстетики, но в большей степени привязанность ко всему национальному, стремление выявить новую колористическую манеру и таким образом подчеркнуть право художника на индивидуальный вкус, на свободу воображения – это радикальная переоценка всех ценностей, это победа индивидуального над авторитарным и общепринятым. Во всем сказанном Онерва видела прямые ассоциации с ситуацией в Финляндии рубежа веков.

Немаловажным моментом являлось и то, что стиль рококо начал собой время гениев и великого множества более мелких талантов; Онерва отмечает, что он стал периодом истинного взлета духа, но при этом он остался переходным, а значит, "декадансом" – это упадок и деградация, но также и некая "нервная элегантность", утонченность чувствования и переживаний. Последняя противопоставлялась ею французским же тенденциям рубежа веков, наиболее патологической формой проявления которых, на взгляд Онерва, стало творчество Тулуз-Лотрека, о котором она пишет исключительно в негативных тонах: художник далек от влюбленности в экзотику Фрагонара и тонкие чувствования Буше, его мир воспален, он демонстрирует цинизм, самоиронию и насмешку над всем, Тулуз-Лотрек несчастен в показе самого дна буржуазного декаданса и разврата души народа. Он смеется, но этот смех суть культа необузданных страстей и наслаждений, это "делириум отстеганных плетью, распущенных стра-

стей, это опьяненная гримаса безысходности"¹⁰. И наоборот, талант и воображение позволили Вато возвыситься над уродством своей эпохи, пугавшей презрением к основным постулатам искусства – природе, смерти и любви. Важнейшим свойством художника являлось чувство любви, ставшей единственным ориентиром, смыслом и наваждением всей жизни, позволившей ему приподняться над миром, создать нечто новое и доселе неизвестное в искусстве. Она не была демонической и ядовитой, и этим оказалась отлична от привидений художников современности.

ОНЕРВА И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глубокий интерес к французской культуре выразился и в том, что Онерва пыталась осваивать литературное творчество авторов страны, осуществляя переводы их произведений. Хорошо известно, что мир национальных литератур лишь до определенного времени ограничивается рамками литературы одной страны. Расширение рамок литературного мира подразумевает включение в него произведений, появившихся в данной стране, и произведений, перенесенных в эту страну из литератур других стран на языке оригинала или в форме перевода. Значимость переводов вообще для какой бы то ни было национальной культуры сложно переоценить. Оценка роли и места для культуры Финляндии выполненных Онерва многочисленных переводов французской эстетике и литературы является перспективной задачей науки. Специальное место в переводческой деятельности финской писательницы занимает "Философия искусства" (1915) И. Тэна, создание финноязычной версии которой сегодня считается "истинно великим делом и несравненным по важности культурным ак-

¹⁰ *Onerva L. Muuan taidehistoriallinen 200-vuotismuisto. Watteau, rokokosulottaren esiin uneksija // L. Onervan artikkeleitä ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. Kl 20541. Laatikko 121.*

том"¹¹. Масштаб работы совершенно очевиден, он, безусловно, требовал от переводчика недюжинного понимания явлений во всем объеме, но была и чисто техническая сложность: в языке на тот момент отсутствовала специальная лексика по искусствоведению и психологии, и именно с ее формированием столкнулась Онерва. Самые ранние из известных литературных переводов – это выполненные еще в 15-летнем возрасте переводы стихов А. де Мюссе. Особого упоминания требует опубликованная поэтессой небольшая книжка "Французская лирика" (1912), куда вошло девять стихов Верлена, четыре Бодлера и шесть Мюссе. Переводы некоторых стихотворений последнего были включены также и в "Избранное" (1919), получив весьма нелестные отзывы от всегдашнего оппонента поэтессы – критика Х. Ялканена. Позднейшие переводы стихотворений Ш. Бодлера обнаружены недавно в архивах поэтессы и включены составителем в сборник "Крылья" (2004). Особенный интерес представляет одно из ранее неизвестных стихотворений на французском, вошедшее в последний поэтический сборник "Облака и солнце" (2005): "La vie est fade / mon coeur est malade / et plein de mélancolie, / de sombre rêverie – // Oh, belle est la vie / un chant, une poësie, / une révélation réelle / – naturelle et immaretielle"¹².

В своем творчестве она двигалась в одном направлении с европейскими авторами. Еще характеризуя свой дебютный сборник стихов "Диссонансы" (1904), Онерва писала, что "к 1904 году мой инструмент зазвучал по-новому, главным образом под впечатле-

¹¹ *Kunnas M.-L.* Ympäristö taiteen ja yksilön muokkaajana. Tainen teorial L. Onervan tuotannossa // KTSV. 33. Helsinki: SKS, 1980. S. 166.

¹² *Onerva L.* Pilvet ja aurinko. Helsinki: Otava, 2005. S. 143.

нием от французской лирики"¹³. Надо сказать, что для нее в этом скрывалось нечто важное – самостоятельность и разрыв с традицией, ведь, как давно подмечено учеными, она пришла в литературу на втором этапе неоромантизма. Именно как косвенное противодействие национальному материалу могут быть восприняты ее эксперименты с ритмом, формой и содержанием: сжатость и сухость поэтической речи, относительная простота образности, но также использование ритмических, лексических, грамматических и синтаксических параллелизмов. Еще в "Диссонансах" современниками была замечена масса отклонений от формальных и стилистических норм, что объяснялось творческими задачами, невозможностью вписать кипящие эмоции в привычные рамки: "Päätäsi kiertää / kipunat kirkastuksen, / jalokivi-paisteessa palaa / alastomuutesi outo. / Aavikon astuja mies, / ruhtinas lienet?"¹⁴.

Устремляя взор в глубины человеческого "я", открывая непознанные измерения сознания и психики, в меньшей мере стремясь к обобщению, Онерва не избегала имитации построения естественной речи, создавая ощущение присутствия голоса говорящего. В этом случае знаки препинания позволяли управлять темпом и подчеркивали особую роль читателя как толкователя стихотворения. Диссонансы и изломы определили направление ее поэзии, с самого начала в ней отмечается тяга к сжатости, сухости поэтической речи и к внешней простоте образности, что рождало насыщенность картины и рельефность изображения, а также до предела уменьшало расстояние между автором и читателем, создавая ощущение интимности. Конечная рифма, как вспоминала сама поэтесса, была особенно любима всегда, что не помешало ей стать одной из новаторов процесса "раскрепощения".

¹³ *Onerva L. Pari lehteä muistojen kirjasta // Kuinka meistä tuli kirjailijoita. Helsinki: Otava, 1916. S. 140.*

¹⁴ *Onerva L. Särjetyt jumalat. Helsinki: Otava, 1910. S. 33.*

Это позволяет включить ее в ряды пионеров верлибра. Отказываясь от рифмы, поэтесса выстраивала стихи, пользуясь интонацией, паузами и синтаксическими единицами, становившимися основой метра. Новаторство поэтессы, отличавшее от общей тенденции ее стихи, имело в основе все тот же выразительный субъективизм, родоначальником которого в новейшей поэзии она считала А. де Мюссе и у которого она почерпнула многое для формирования оригинального мироощущения, и в первую очередь речь должна идти об обостренном субъективном чувстве и культе красоты. В работе о творчестве своего французского визави Онерва восхищается его гениальным умением придать любви во всех ее проявлениях возвышенный характер, превратить даже утилитарные ее формы в идеализированную добродетель; несмотря на отрицательный эмпирический опыт, на тотальную усталость и разочарование, о которых говорит Онерва, ему удалось даже невозможное – вознести гризеток до уровня символов одухотворенности и неземной красоты, что с точки зрения реальности не выдерживает никакой критики. Противостояние усталости все же приводит к тому, что гениальный мечтатель Мюссе, лишенный возможности любить и оказавшийся среди обломков, утрачивает способность противостоять охватывающей его постепенно глубочайшей "мировой тоске"¹⁵.

В прозаических произведениях Онерва стремилась уловить мельчайшие внутренние коллизии, сокращая событийную сторону, и этого она добивалась с помощью декоративности и музыкальности языка, импрессионистической манеры показа, замены полновесных цветов линиями, что было новым решением в тогдашней литературе. По мере развития повествования из уст героев слышатся лирические отступления, прямые цитирования

¹⁵ См. об этом: *Onerva L. Musset'n naisluonteet // L.Onervan tutkimuksia ja tukimusaineisoa. SKS:n arkisto. Kl. 20442–20546. Laatikko 122.*

мыслителей, что, с одной стороны, усиливает философский аспект произведения, а с другой – предоставляет возможность наблюдения. Для прозы Онерва вообще характерна аморфность сюжетной линии, точнее, отказ от нее как таковой. Время в романе никак не структурировано, хотя и имеет некоторые фиксированные точки. Между событиями и действиями отсутствуют причинно-следственные отношения, они не вытекают одно из другого, но существуют самостоятельно. Сознание героев фрагментарно, не линейно, оно лишено цельности и противоречиво по сути. Писательница выступила истинным новатором, изменив соотношение формы и содержания в романах и новеллах. С формальной стороны к новаторству можно отнести вплетенные ею в канву романа ассоциации с образами детства, сны, незаметно перетекающие в действительность, воспоминания, переплетающиеся с настоящим, и мечтания, граничащие с галлюцинациями и наркотическим дурманом, – во всем сказанном видны переклички с тем же П. Бурже с его психологической прозой или с Ж. Гюисмансом и его увлеченностью языковыми средствами. Отсюда и стиль: изобретательный, сложный, искусственный, полный изысканностей, оттенков, раздвигающий границы языка. Жонглирование темами, в том числе на тот момент не слишком приличными, система образов, порой не слишком удобоваримая для современников.

ПИСАТЕЛЬ КАК МЕДИАТОР

Важно понять, что на рубеже веков география контактов была широкой, и на этой карте франкоманство было частью диалога наций и культур: поэтесса стремилась привить лучшие образцы мировой культуры, и с позиций национальной культуры задачи, которые Онерва ставила перед собой, были посредническими. Она стремилась обеспечить взаимодействие культур двух стран,

различных по условиям, истории и языку, она одновременно не забывала об общеевропейском контексте. В чем-то параллели можно провести с культурным актом, что когда-то возложила на себя мадам де Сталь, познакомившая Париж с искусством совершенно неизвестной ему Германии.

Написанная Онерва о ней книга (1920) была выпущена в рамках серии о замечательных людях. Собственное отношение писательницы к этой неоднозначной фигуре было отмечено уважением – де Сталь называется "наиболее видной писательницей королевской Франции", но при этом Онерва не скрывала и критики: критикуя литературные способности коллеги, она называла роман "Коринна" в художественном отношении откровенно слабым, его персонажей – натянутыми, а патетику – устаревшей, позаимствованной в поверхностности рококо ушедшего столетия. Любопытно, что сама Онерва склонна проводить параллель между литературными судьбами – своей и де Сталь. Налицо явное родство душ двух художников, разъединенных более чем столетием, относившихся к разным культурам и литературным эпохам. Сама она не понаслышке была знакома с испепеляющей страстью, ощущением горения, оно придавало силы противостоять вселенской тоске, парализующей бурлящие силы и "песни поднимающейся жизни", активность мысли индивида фаталистической бесплодностью. Еще одной общей чертой стала известная степень вторичности писательской репутации: словно предвидя будущую полемику вокруг близости своего имени и имени Лейно, Онерва писала о мадам де Сталь, что ей не удалось оставить после себя ни одного сколько-нибудь значительного поэтического произведения, которое могло бы действительно затронуть глу-

биной чувства, но при этом она всю свою жизнь была музой для других и подругой муз¹⁶.

Итак, обсуждение франкоманства Онерва представляется масштабной задачей. Увлеченность Онерва Францией и всем французским не носила случайного характера, она была тотальной, и это бесспорный факт, игнорировать который невозможно. Французский язык стал для нее не просто мостиком между культурами, это был воздух, которым она дышала. Среди поздних стихов Онерва обнаружены написанные на французском, ее письма супругу, композитору Л. Мадетоя, частично написаны на французском, подписи ко многим рисункам (а Онерва была еще и рисовальщицей) также сделаны на этом языке. Исходным моментом рассуждений должно стать понимание его как мировоззрения, системы взглядов на функционирование огромного массива вопросов исторического, социального, этнического, культурного и так далее планов, объединенных одним знаменателем. Анализ художественных произведений Онерва, а также наблюдение за публицистикой позволяют сделать предположение о том, что Франция для нее являлась своего рода универсальной категорией, определявшей сознание, призмой или кристаллом, сквозь который наблюдалась действительность, неким мериллом для оценки событий, происходящих в мире и в родной Финляндии. Такова принципиальная база верного понимания явления, называемого франкоманством Онерва.

Список литературы

1. *Koskimies R. L. Onerva // Onerva L. Valitut teokset. Helsinki: Otava, 1956.*

¹⁶ См. об этом: *Onerva L. Madame de Stael. Helsinki: Otava, 1920.*

2. *Krogerus T.* Anna-Maria Tallgren. Tutkimus kriitikontyöstä ja sen taustoista. Helsinki: SKS, 1988.
3. *Krohn E.* Ensimmäinen huomattava naislyyrikkomme // Helsingin Sanomat. 1962. 28. huhtikuuta.
4. *Kunnas M.-L.* Ympäristö taiteen ja yksilön muokkaajana. Tainen teoriat L. Onervan tuotannossa // KTSV. 33. Helsinki: SKS, 1980.
5. *Lyytikäinen P.* Dekadenssi – rappion runous // Dekadenssi vuosisadanvaihteen taiteessa ja kirjallisuudessa / Toim. P. Lyytikäinen. Helsinki: SKS, 1998.
6. *Marjanen K.* Runoutemme eurooppalaisin vuosikymmen. Sataluvun vaihe ja Eino Leino // Suomalainen Suomi. 1962.
7. *Nieminen R.* Elämän punainen päivä. Helsinki: SKS, 1982.
8. *Onerva L.* Kansallisuudesta ja kansainvälisyydestä // L. Onervan artikkeleita ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. Kl. 20541. Laatikko 121.
9. *Onerva L.* Madame de Stael. Helsinki: Otava, 1920.
10. *Onerva L.* Mietteitä saksalaisesta kuvaamataiteesta // L. Onervan artikkeleita ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. Kl. 20541. Laatikko 121.
11. *Onerva L.* Musset'n naisluonteet // L. Onervan tutkimuksia ja tutkimusaineisoa. SKS:n arkisto. Kl. 20442-20546. Laatikko 122.
12. *Onerva L.* Muuan taidehistoriallinen 200-vuotismuisto. Watteau, rokokosulottaren esiin uneksija // L. Onervan artikkeleita ja kirjoituksia. SKS:n arkisto. Kl. 20541. Laatikko 121.
13. *Onerva L.* Pari lehteä muistojen kirjasta // Kuinka meistä tuli kirjailijoita. Helsinki: Otava, 1916.
14. *Onerva L.* Pilvet ja aurinko. Helsinki: Otava, 2005.
15. *Onerva L.* Särjetyt jumalat. Helsinki: Otava, 1910.
16. *Карпу Э. Г.* Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999.
17. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1972.

Исторический и этнокультурный аспекты ингерманландской фитонимии

В третьей главе монографии «Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)» (Коппалева, 2007) предпринята попытка проанализировать названия, относящиеся к одному и тому же растению (т. е. синонимические наименования) и схематически проиллюстрировать ареалы распространения названий. Это ряды наименований дикорастущих травянистых растений, а также некоторых деревьев, ягод, грибов и культурных растений. Выбраны растения, для которых характерны наибольшая вариативность и многообразие наименований в рассматриваемых говорах.

В данной статье мы ставим задачу продолжить начатый в монографии лингвогеографический анализ финских народных названий растений ингерманландского региона, акцентируя внимание также и на других аспектах формирования и функционирования диалектной лексики флоры.

Исторические ингерманландские финские говоры были распространены на восток от Балтийского моря, севернее р. Невы – это Карельский перешеек, а южнее Невы – это территория от р. Нарвы на западе до р. Лавы на востоке. В приведенной ниже схеме (рис. 1) показаны три группы ингерманландских говоров: 7 северных (южной границей служит река Нева): лемболовский (Lempraala), вуоле (Vuolee), токсовский (Toksova), белоостровский (Valkeasaari), хаапакангас (Haapakangas), рябовский (Rääpyvä), колтушский (Keltto); 2 восточных говора – марковский (Markkova) и мгинский (Järvisaari) и 13 говоров, составляющих

Рис. 1. Ингерманландские говоры финского языка

центральноингерманландскую группу: мартышкинский (Tyrö), хиетамякский (Hietämäki), серпетта (Serpetta), ропшинский (Ropsu), дудергофский (Tuutari), инкере (Inkere), павловский (Venjoki), сквирицкий (Skuoritsa), губаницкий (Kupanitsa), колпанский (Kolpana), шпаньковский (Spankkova), кобринский (Korina), лисинский (Liissilä). Всего 22 говора. Западная группа не была охвачена нами в исследовании.

Народные названия растений интересны тем, что они несут богатую информацию не только о самом растении, но и о среде обитания, жизненном укладе, а также об особенностях миропонимания носителей рассматриваемых говоров, т. е. об их представлениях о мире и о своем месте в нем.

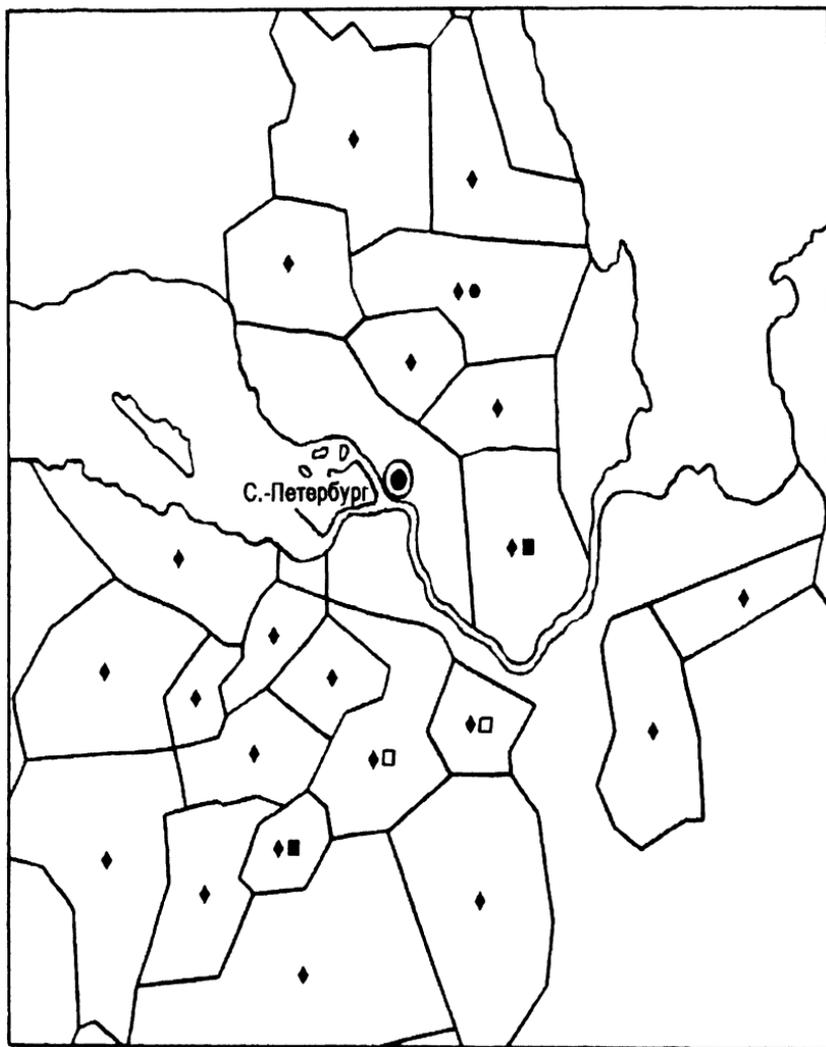
Наибольшее лексическое разнообразие характерно для самых ярких по своим признакам или наиболее широко используемых в рассматриваемом регионе растений, таких как лютик, иван-чай, пушица, подорожник, ятрышник и др. В монографии анализируются, в первую очередь, названия именно таких растений. Для некоторых из этих растений записано до 10–15 и более фитонимов, отличающихся по времени происхождения, созданных по разным лексическим и словообразовательным моделям, содержащих разностороннюю характеристику растения.

При всем многообразии группы диалектных названий дико-растущих травянистых растений в ней имеются такие стабильные названия, которые распространены повсеместно в исследуемом диалектном регионе, как, напр.: *poltikkaine* 'крапива двудомная', *sav(i)heinä* 'марь белая, лебеда', *ruiskukka* 'василёк голубой', *apilas* 'клевер', *takkijaine* 'лопух, репейник', *kanerva* 'вереск обыкновенный', 'багульник болотный', *orasheinä* 'пырей ползучий'.

Эти наименования в большинстве своем являются общеприбалтийско-финскими по происхождению или (такие как *apilas*, *takkijaine*) старыми балтийскими заимствованиями, которые имеют соответствия в родственных прибалтийско-финских языках.

На схеме (рис. 2) проиллюстрировано распространение названий **пырея ползучего**. Повсеместно используемый фитоним *orasheinä*, букв. всход-трава, содержит информацию о том, что весной первыми появляются всходы пырея.

Рис. 2. Пырей ползчий (*Agropyrum repens*)

- ◆ orasheinä
- vehnäheinä
- koirantattar
- leikkoosheinä

Соответствия имеются почти во всех прибалтийско-финских языках (кар. *orašhein'ä*, вепс. *urashiin*, вод. *ōrazroho*, эст. *orasrohi*), а *oras* предположительно восходит к раннеиндоиранскому *ora* 'шип' (SSA).

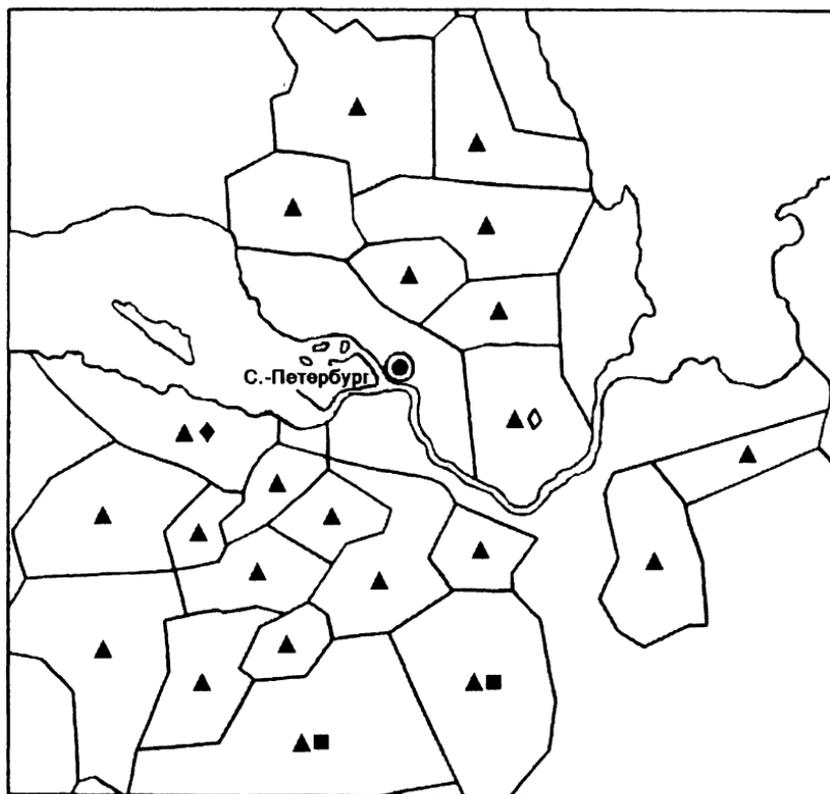
Если название *orasheinä* было известно во всех ингерманландских говорах, то остальные фитонимы имеют более локальное употребление. Характер листьев пырея фиксирует название *leikkoosheinä* (говоры инкере, павловский), букв. режущая трава, ср. *leikata* 'резать'. Лексема *koirantattar* (колпанский, колтушский), букв. собачья гречиха, подчеркивает сорность данного растения. А токовское название *vehnäheinä*, букв. пшеница-трава, вероятно, отражает тот факт, что злостный сорняк пырей был особенно губителен для посевов пшеницы.

Балтийское заимствование *apilas* и его вариант *apijaine* (мартышкинский говор – *tyrö*) (ср. лит. *abuols*, лат. *abols* 'тж') является общеприбалтийско-финским фитонимом (кар. *apilas*, вод. *apila*, лив. *aablin*). Лексема используется в финских говорах Ингерманландии для дикорастущего клевера, а для посевного обычно употребляется русское заимствование *kleever* ~ *kleiver* ~ *kliever* ~ *leiver*.

Название лопуха *takkijaine* распространено повсеместно в ингерманландских говорах (рис. 3) и имеет соответствия в других близкородственных языках (фин. литер. *takiainen*, эст. *takjas*, вепс. *takhin'e*, *takkiž*, кар. *takkiehan'e*) < балт. (ср. лит. *dagys*, лат. *dadzis* 'тж'). Вариант *tartikkaine* (мартышкинский говор) представляет собой народно-этимологическое переосмысление < *takkijaine*, ср. *tarttua* 'цепляться', фитоним сопоставим с русским названием *пенейник*. Колтушские названия *ikonheinä*, букв. трава старика/деда и *ikonleh'*, букв. лист старика/деда, могли возникнуть под влиянием русских народных названий лопуха *дед*, *дедовник*. В свою очередь используемое в двух финских го-

ворах (кобринский, лисинский) отдельное название для **лопуха большого** (*Arctium lappa*) *ruotsalainen*, букв. швед, можно сопоставить с русским народным названием для сорных колючих растений *татарник*.

Рис. 3. Лопух (*Arctium*)

- ▲ *takkijaine*
- ◆ *tartikkaine*
- *ruotsalainen*
- ◊ *ukonheinä, ukonleh'*

Почти все зафиксированные нами финские названия растения **смолка липкая** близки по семантике к русскому названию:

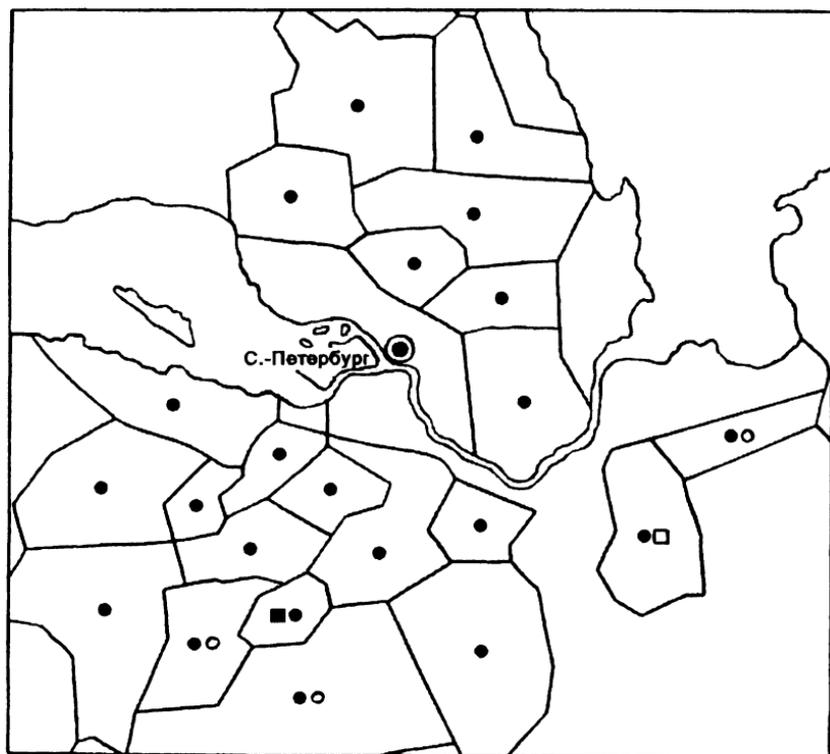
tervakukka, букв. смоляной цветок;

pihkakukka, букв. смоляной цветок (*pihka* 'живица, древесная смола');

tököttikukka, букв. дёготь-цветок (или дегтярный цветок), ср. также рус. народное название смолки *дёготки*.

Первое из них (*tervakukka*) распространено повсеместно, два других имеют более локальное употребление (рис. 4).

Рис. 4. Смолка липкая (*Viscaria vulgaris*)

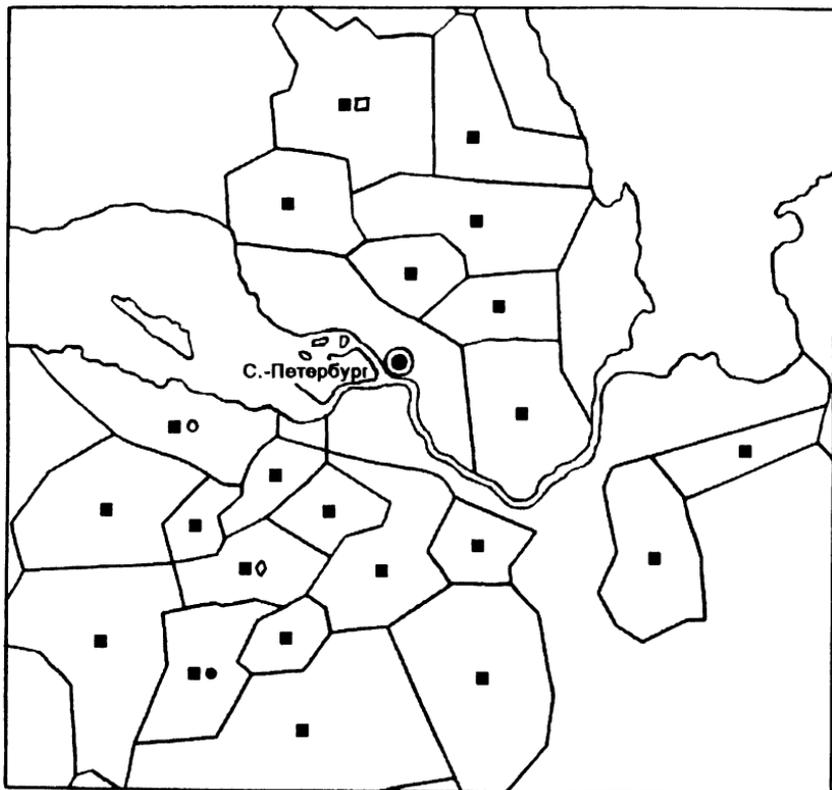
- *tervakukka*
- *pihkakukka*
- *tököttikukka*
- *kivikukka*

Все они фиксируют клейкость стебля смолки липкой. Но подобные наименования могут возникнуть в разных языках и самостоятельно, когда в основе номинации лежит один и тот же признак. Возможно, и *kivikukka*, букв. каменный цветок, семантически примыкает к остальным наименованиям смолки.

Некоторые общеприбалтийско-финские фитонимы представлены в народных говорах целым рядом словообразовательных вариантов. Примером суффиксальной синонимии могут служить повсеместно в Ингерманландии используемые *ohtajaine* ~ *ohtake* 'бодяк, осот, чертополох' (рис. 5). Их словообразовательные варианты *ohtakaine* ~ *ohtikas* встречаются реже – соответственно скворицкий и лемболовский говоры. В двух говорах зафиксированы более поздние описательные фитонимы, созданные на основе сравнения цветка бодяка с комком – *ramppuheinä* (шпаньковский говор) и со щёткой – *sotka* (мартышкинский говор) (переносное наименование). В некоторых говорах имеется уточняющее название для одного из подвидов данного растения (вероятно, бодяка ланцетолистного, или чертополоха): *rautaohtajaine*, *rautaohtake*, букв. железный бодяк (губаницкий и колтушский говоры), и *ruotsinpoltikkaine*, букв. шведская крапива (лисинский говор).

Некоторые старые финские названия зафиксированы только в редких говорах, но можно сделать вывод, что прежде они имели широкое распространение, т. к. сохранились в разных уголках региона. Так, общеприбалтийско-финское название **белокрыльника** *vehka* (ср. кар., ижор. *vehka*, вепс. *vehk*, эст. *võht* – см. SSA) зафиксировано в пяти отдаленных друг от друга говорах (белоостровский, токсовский, колтушский, мартышкинский, мгинский).

Рис. 5. Бодяк (*Cirsium*)

■ *ohtajaine ~ ohtake*

◇ *ohtakaine*

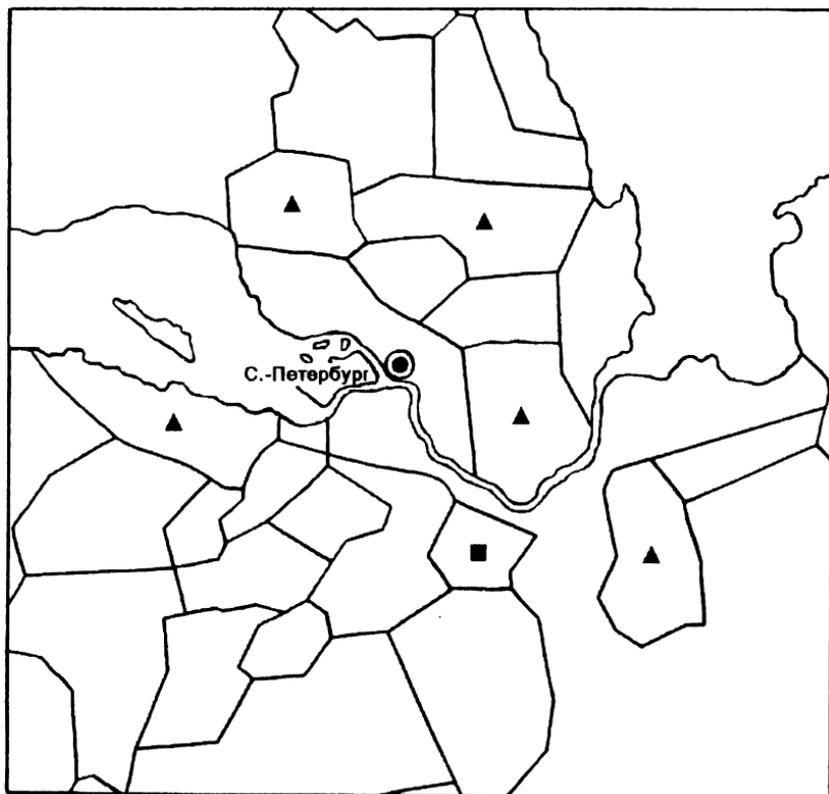
□ *ohtikas*

● *paṁpuheinä*

○ *sotka*

В одном из говоров (инкере) используется фитоним *sijankorva*, букв. свиное ухо (белое крыло, окружающее початок, сравнивается со свиным ухом) (рис. 6).

Рис. 6. Белокрыльник (*Calla palustris*)

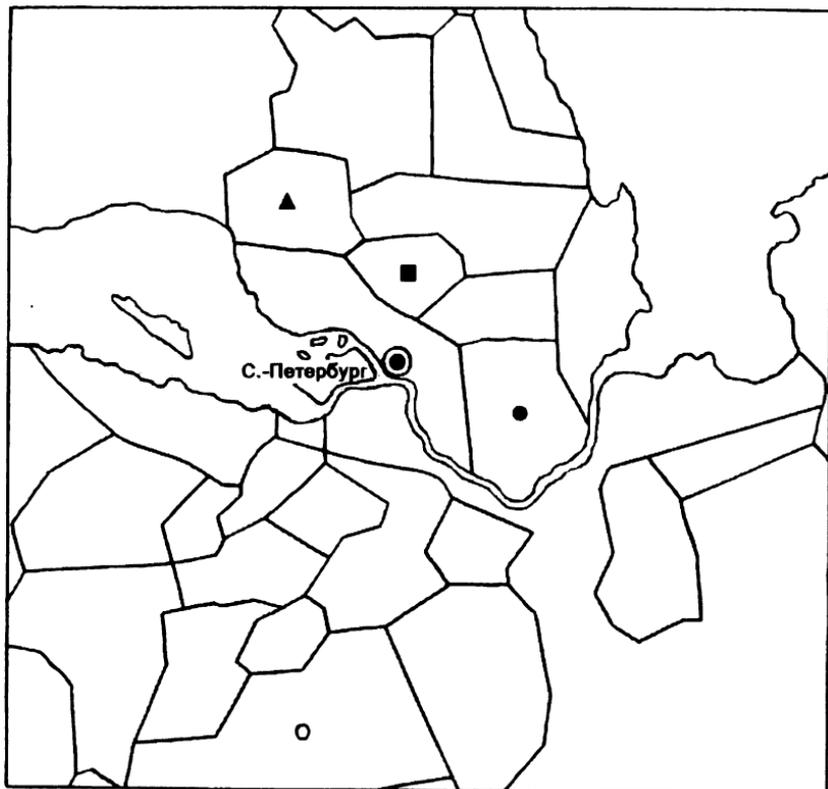

▲ *vehka*

■ *sijankorva*

Вышесказанное относится, на наш взгляд, и к названиям такого растения, как **овсюг** (рис. 7). Зафиксировано всего четыре наименования, но все они семантически связаны с финским названием овса *kaura* (так же, как русский фитоним). Основой наименования послужило сильное сходство этого сорняка с культурным овсом. Названия следующие: *kaurakastikas*, букв. овсовый вейник; *jäniksenkaura*, букв. заячий овёс; *kurenkaura*, букв. журавлиный овёс; *koirankaura*, букв. собачий овёс.

Рис. 7. Овсяг (*Avena fatua*)

■ *jäniksenkaura*

○ *kaurakastikas*

● *koirankaura*

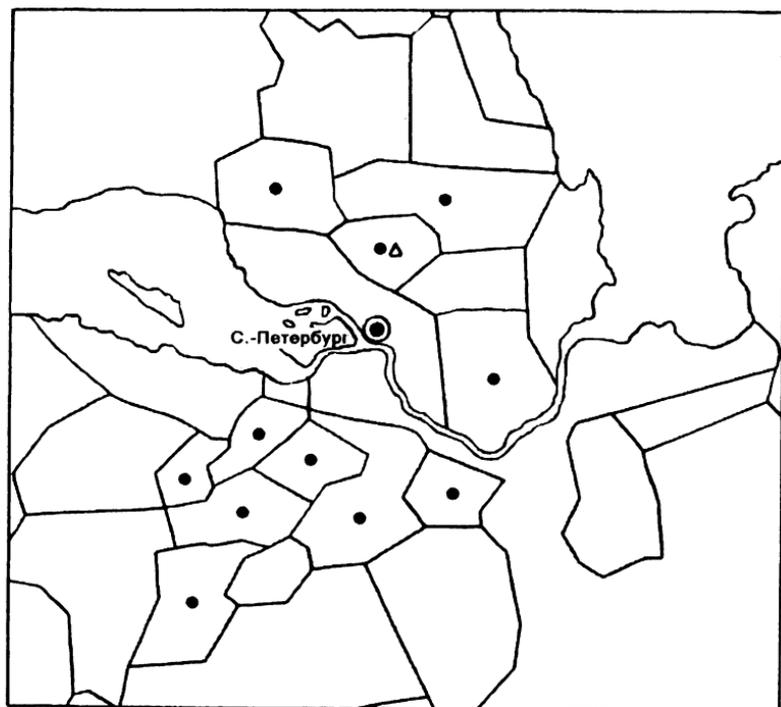
▲ *kurenkaura*

В финском литературном языке закрепилось для данного растения название *hukkakaura*, букв. волчий овёс. То есть в финских говорах было еще много вариантов, но все они, похоже, создавались по одной семантической модели: на основе внешнего сходства сорного растения с овсом. Использование названий животных в качестве атрибута является обычным в народных названи-

ях растений для создания противопоставления «культурное – дикорастущее» или «съедобное – несъедобное» растение и т. д., ср. *koirantattar* 'пырей ползучий', букв. собачья гречиха; *sijanpuola* 'толокнянка', букв. свиная брусника.

С другой стороны, есть случаи, когда фитоним фиксируется компактно в каких-то соседних говорах, а в других говорах для данного растения вообще не удалось собрать никаких названий. Так, напр., старое финское название полыни *pujo* ~ *pujoheinä* зафиксировано компактно в центральной части рассматриваемого диалектного региона, а в говорах на периферии региона оно оказалось забытым (см. рис. 8).

Рис. 8. Полынь (*Artemisia*)

● *pujo(heinä)*

Δ *tuul'heinä*

Мотивировка используемого в говоре хаапакангас названия-синонима *tuul'heinä*, букв. ветер-трава, неясна.

Лексика флоры – это специфическая область лексики, особенно это касается названий дикорастущих растений. Эта лексика напрямую не связана с повседневной жизнью людей, с кругом бытовых проблем и примыкает, скорее, к духовной сфере, к обычаям и обрядам предков российских финнов, свидетельствует о знании народной магии, медицины и ветеринарии. Даже несмотря на то, что материал по финской диалектной лексике флоры был собран автором статьи в 70–80-е годы прошлого века, когда бытовали еще живые народные говоры, по лексике, связанной с растительным миром, удалось зафиксировать только фрагменты некогда богатой фитонимической системы. Сохранение такого пласта лексики возможно только для стабильно существующей и развивающейся языковой и этнокультурной общности.

Список литературы

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007.

SSA – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 1–3. SSA, 1992–2000.

Список сокращений

вепс. – вепский

вод. – водский

ижор. – ижорский

кар. – карельский

лат. – латышский

лив. – ливский

лит. – литовский

эст. – эстонский

Ареальная дистрибуция структурных моделей финской ойконимии Ингерманландии

На начальном этапе исследования ареальной дистрибуции структурных моделей финской ойконимии основной задачей является определение структурных типов названий населенных пунктов и их распределение по приходам, существовавшим на территории исторической провинции Ингерманландия. В последнее время географические названия этого региона привлекают внимание многих исследователей, т. к. на становление и развитие топонимии региона повлияло длительное контактирование прибалтийско-финских и славянских этносов. В топонимии, создаваемой по законам родного языка, отразилось своеобразие мировосприятия каждого народа. Наряду с этим шел процесс фонетической, морфологической, синтаксической адаптации и интеграции иноязычных топонимов в родной язык. Финское население появилось на этих землях в XVII в. и до Второй мировой войны составляло значительную часть населения края, что позволяет выделить финноязычный пласт в топонимии Ингерманландии. Топонимы рассматриваются как факты финского языка, представляющие интерес как определенные топонимические единицы, принадлежащие к определенным типам.

Интерес к ойконимам, т. е. названиям населенных пунктов, вызван их устойчивостью, связанной с большой ролью в социально-общественной жизни человека. В данной статье рассматривается ойконимия Ингерманландии на примере некоторых названий поселений 19 лютеранских приходов: Venjoki (1), Liissilä (2), Inkere (3), Tuutari (4), Hietämäki (5), Skuoritsa (6), Ropsu (7),

Турö (8), Serepetta (9), Koprina (10), Spankkova (11), Kolppana (12), Kupanitsa (13), Moloskovitsa (14), Kattila (15), Soikkola (16), Novasolkka (17), Kaprio (18), Kosemkina (19), находившихся в Центральной Ингерманландии и на западе провинции. По данным на начало XX века, на этой территории насчитывалось 842 деревни, в которых проживало 85 500 человек, принадлежащих к евангелическо-лютеранской церкви. Самыми многочисленными приходами были: Venjoki – 13 000 человек, Турö – 8 500 человек, Skuoritsa – 9000 человек. В приходах Центральной Ингерманландии Tuutari, Nietämäki, Venjoki, Inkere население было преимущественно финноязычным, а русскоязычное население преобладало в приходах восточной и западной Ингерманландии (Mustonen J., 1931, 23).

Под структурой географических названий подразумевается их определенный морфологический и словообразовательный состав, т. е. в основу структурной классификации кладется слово как определенная модель с учетом языковой принадлежности топонима. Это означает, что топонимы, несмотря на особенности структуры, все же классифицируются по принципам апеллятивной лексики. В связи с этим топонимы можно разделить на простые, суффиксальные и сложные. К простым относятся топонимы, возникшие в результате онимизации апеллятива, или топонимы, заимствованные из иноязычных систем, этимологизация которых затруднена. В финском языке наиболее широко представлено суффиксальное словообразование. Только небольшая часть суффиксов принимает участие в образовании топонимов, т. е. являются «топонимными суффиксами». Наиболее продуктивным из них является -la/-lä. Своеобразие словообразования топонимов проявляется в том, что в нем участвуют топоформанты, присоединяющиеся как к производным, так и к непроизводным основам. Сложные топонимы образуются путем словосложения. Слово-

сложение – способ образования новых слов путем сложения нескольких основ в одну, является распространенным морфологическим способом словообразования в финском языке как на апеллятивном, так и на онимном уровне. В финском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, наиболее распространены слова, состоящие из двух, реже трех основ.

Исходя из вышесказанного, ойконимы можно классифицировать по результатам структурно-словообразовательного анализа и выявить основные ойконимические типы или модели.

Структурные модели ойконимов

Все топонимы, в зависимости от входящих в них компонентов, можно разделить на простые (односоставные), составные, эллиптированные (названия-эллипсисы) и топонимы-словосочетания.

I. Простые топонимы

1) Простые непроезводные топонимы появились в процессе онимизации, т. е. перехода апеллятива в оним. В Ингерманландии не отмечены деревни, названия которых являются результатом онимизации апеллятивов со значением населенного пункта (например, как русские названия, встречающиеся в центральных районах страны: Городок, Сельцо, Слобода). Зафиксирован ойконим *Lopotti*, появившийся в результате адаптации русской лексики 'слобода'.

2) Простые производные топонимы – это названия, которые образуются от соответствующих производных основ с помощью аффиксов: суффиксов финского языка (-*la/-lä*: *Himala*, *Anjala*, *Pekkala*, *Jänikselä*, *Repola*, *Pappila*, *Seppälä*; -*kko*: *Kivikko*, *Tammikko*; -*sto*: *Humalisto*), с помощью топоформантов (-*si*: *Hallikaisi*, *Honkasi*, *Ihalaisi*, *Korpelaisi*, *Laitisi*, *Lintusi*; -(*i*)*t***s***a*: *Hoseritsa*, *Kivanitsa*, *Klopitsa*; -(*i*)**n***a*/-(*i*)**n***ä*: *Ilkinä*,

Korovina, Kuippina, Koprina; **-sina**: Petrovsina, Savolsina; **-(o)va**: Koirova, Markkova, Tanilova, Volkova).

Согласно Г. М. Керту, понятия «топонимный суффикс» и «топонимный формант» не являются синонимичными: «Топонимные суффиксы – это прямое наследие апеллятивного уровня языка. В топонимную систему они вошли избирательно в силу своего суффиксального значения... И в новом качестве эти суффиксы сохраняют свое значение. Более того, это значение в них поддерживают омонимичные суффиксы на апеллятивном уровне... Топоформанты же – это результат фонетического опрощения, переразложения компонентов слова на стыке морфем и конца слова, это результат аналогии заимствующего языка» (Керт Г. М., 2002, 79).

II. Составные ойконимы. По структуре двусоставные топонимы состоят из детерминанта, обозначающего вид объекта, и атрибута, т. е. определения к нему, и делятся на следующие типы:

а) атрибут – имя существительное в номинативе единственного числа: **Peräkylä, Riihikylä, Ristikylä, Suokylä** и др.;

б) атрибут выражен именем существительным в родительном падеже: **Tammenkontu, Vellonkontu, Vironkylä** и др.;

в) атрибут – имя прилагательное:

Pienhovi, Vanhamoisio, Vanhakontu, Uusikylä и др.

III. Эллиптированные названия являются итогом трансформации составных ойконимов в результате опущения одного из компонентов, чаще всего детерминанта.

1) Простые эллиптированные названия: **Huuhka, Kouhia, Orava, Porsas, Pöllä, Turtia** и др.

2) Составные эллиптированные названия:

а) компонент – атрибут первичной номинации – существительное в именительном падеже: **Naapasaari, Jänismäki,**

Kaurasaari, Mäntyharju, Nuolijoki, Patamäki, Rajakivi, Torasaari и др.;

б) компонент – атрибут первичной номинации – существительное в родительном падеже: **Hovinmäki, Kankaanautio, Kivisenmäki, Korkanmäki, Kylänpää, Papinmäki, Revonpesät, Suonpää, Tuomarinautio** и др.;

в) компонент – имя прилагательное: **Mustaoja, Mustasuu, Vanhamylly, Vääräperä** и др.;

г) компонент – числительное: **Kolmikanta**.

IV. Ойконимы-словосочетания представлены в виде двусловных сочетаний, первым компонентом из которых обычно является прилагательное, а вторым – существительное: **Pieni Sääskelä, Suuri Sääskelä, Uusi Hinkkala, Vanha Dobrenitsa**.

В данной работе более подробно рассматриваются простые производные ойконимы, образованные при помощи топонимных суффиксов или топоформантов, а также ойконимы-словосочетания, второй компонент которых образован при помощи этих же суффиксов или топоформантов. Указывается также месторасположение поселений с названиями этих структурных типов на территории Ингерманландии. Самым распространенным топонимным суффиксом финского языка при образовании ойконимов является *-la/-lä* (см. табл. 1); ойконимы, образованные при помощи других суффиксов (*-kko, -sto*), являются единичными и не были учтены. В табл. 1–3 приводятся также данные по количеству составных и эллиптированных ойконимов (двухкомпонентных в процессе первичной номинации). Эти модели сложных топонимов являются типичными для прибалтийско-финской топонимии и распространены во всех приходах Ингерманландии.

Ойконимы на *-IA* представлены в 18 приходах, их количество составляет 26% от общего числа названий населенных пунктов (см. табл. 1). Наибольшее количество ойконимов данной модели

находится в приходах Inkere, Tuutari, Liissilä, Venjoki, Hietämäki, Spankkoiva (см. табл. 2).

I. Распределение -IA-структурной модели по приходам.

1. Приход Venjoki.

Anttila, Haikkola, Hampaala, Hällölä, Hörkkölä, Kaakkala, Kelola, Kiiskilä, Kivola, Kokkola, Kommola, Koprala, Koussula, Kuivila, Leppälä, Mestilä, Montila, Uusi Onttola, Vanha Onttola, Paapala, Porttila, Pääsölä, Rahkola, Repola, Ropola, Rönölä, Saksala, Tonnila, Tärölä, Vanhala, Vekkilä, Ventola, Vähikkälä, Väärälä (34 ойконима).

2. Приход Liissilä.

Kaipala, Kirppula, Kukkola, Kuninkaala, Kuutrola, Lorvila, Osmola, Rampala, Riinilä (9 ойконимов).

3. Приход Inkere.

Anola, Iisakkala, Uusi Kallila, Vanha Kallila, Kavattila, Kirstala, Kortela, Lankila, Masala, Mokkala, Montila, Potola, Rahikkala, Tuomaala (14 ойконимов).

4. Приход Tuutari.

Hannola, Hieprola, Järvelä, Karhila, Kirppula, Kirveelä, Koirova, Kuittila, Kurkela, Kylmäla, Laakala, Lamppula, Lottula, Muikkala, Muriala, Myrälä, Nujala, Närhilä, Pajula, Pelkola, Pikkola, Pöllälä, Raskela, Riehkala, Rötsälä, Saarela, Saksala, Tallikkola, Tolppala, Tököttilä, Variksela, Viittala (32 ойконима).

5. Приход Hietämäki.

Hyttilä, Innala, Jälkylä, Karhula, Kauppila, Kemppilä, Kotsala, Nikkarila, Paukkala, Petäjälä, Pihilä, Rappula, Rimelä, Routela, Seppälä, Sipilä, Timola, Vekarala, Ärttölä (19 ойконимов).

6. Приход Skuoritsa.

Akkala, Huittula, Kemppilä, Kesälä, Kiurula, Kolmola, Lusikkala, Malkkila, Muttala, Näppilä, Pekkala, Pellilä, Peussala, Pietilä, Pitkälä, Punnkala, Pöyhölä, Ruotsila, Sokkala, Tervola, Tynilä, Tuuskälä, Veikkola, Voutila, Väisälä (25 ойконимов).

7. Приход Ropsu.

Metsola, Volossola (2 ойконима).

8. Приход Tygö.

Aliskala, Asikkala, Hanntula, Kirppula, Lankila, Lukkala, Nastola, Notkola, Penikkala, Reijola, Riikola, Pieni Seppälä, Teppola, Tieriikola, Vihkola (15 ойконимов).

9. Приход Serepetta.

Boola, Levola, Nikkarila, Perliisilä, Terentilä, Äilälä (6 ойконимов).

10. Приход Korpina.

Jänikselä, Koussula, Ruunala, Virkkilä (4 ойконима).

11. Приход Spankkova.

Hinkkala, Uusi Hinkkala, Hintikkala, Honkala, Karstala, Pieni Karstala, Kunttula, Piesala, Pitkälä, Repola, Räähkälä, Seppälä, Säämälä, Pieni Sääskelä, Suuri Sääskelä, Vetkala (16 ойконимов).

12. Приход Kolppana.

Vaijala, Vakkala (2 ойконима).

13. Приход Kupanitsa.

Karstala, Kemppaala, Krantsila, Korpela, Kuivila, Piesala, Pekkola, Pulliala, Puolakkala, Rampala, Röllä, Saappola, Vesikkola, Ärttölä (14 ойконимов).

14. Приход Moloskovitsa.

Peltola (1 ойконим).

15. Приход Kattila.

Kattila, Korvettula, Pihlaala, Pontila, Pummola, Raanala, Lempola, Sauvokkala (8 ойконимов).

16. Приход Soikkola.

Hamala, Harkkola, Uusi Harkkola, Soikkola, Loukkula, Repola, Röhlölä (7 ойконимов).

18. Приход Kaprio.

Harmaala, Huurola, Ilmola, Miinala, Muiskula, Pankkala, Tönttölä, Varpaala (8 ойконимов).

19. Приход Kosemkina.

Hamala, Hinnola, Kaipaa, Kiiskala, Kurkula, Sutela (6 ойконимов).

Среди топоформантов наиболее распространенным является **-si** (см. табл. 1). Количество ойконимов данной модели доходит до 27% от общего количества названий поселений в приходе Nietämäki; представлена модель в приходах Turgö, Kolppana (см. табл. 2).

II. Распределение структурной модели на -si по приходам.

1. Приход Venjoki.

Hyvösi, Häyhäsi, Kapasi, Suuri Kattilaisi, Uusi Kattilaisi, Korhosi, Luukkasi, Sintosi (8 ойконимов).

2. Приход Liissilä.

Hallikaisi (1 ойконим).

3. Приход Inkere.

Rapusi (1 ойконим).

4. Приход Tuutari.

Hirvosi, Honkasi, Ihalaisi, Uusi Ihalaisi, Korpelaisi, Kyllisi, Lintusi, Mäkeläisi, Naumosi, Partasi, Peikalaisi, Viholaisi (12 ойконимов).

5. Приход Hietämäki.

Hamusi, Napolaisi, Heimosi, Hirvosi, Iivanaisi, Jamalaisi, Kaukaisi, Kuttusi, Kämäräisi, Matikaisi, Niukkasi, Sameraiasi, Savelaisi, Tielisi (14 ойконимов).

6. Приход Skuoritsa.

Ahmosi, Aropakkasi, Ihalaisi, Juvaisi, Kaijasi, Kainolaisi, Koskelaisi, Kuitusi, Laitisi, Metiäisi, Nousiaisi, Riepposi, Rähmösi, Saalisi (14 ойконимов).

7. Приход Ropsu.

Huvösi, Kelosi (2 ойконима).

8. Приход Turö.

Haisevaisi, Halosi, Hännisi, Kukkosi, Käkösi, Leppäsi, Liikosi, Liimosi, Löytysi, Mielisi, Myllysi, Piutusi, Pieni Piutusi, Pohjoisi, Tujusi, Vahviaisi (16 ойконимов).

9. Приход Serepetta.

Malkusi, Martisi, Velikaisi, Vilppusi (4 ойконима).

12. Приход Korpina.

Hännisi (1 ойконим).

12. Приход Kolppana.

Himasi, Räpisi, Salusi, Vopsi (4 ойконима).

13. Приход Kupanitsa.

Hylkysi, Uusi Hylkysi (2 ойконима).

14. Приход Moloskovitsa.

Himmaisi, Lahisi (2 ойконима).

15. Приход Kattila.

Korovaisi (1 ойконим).

16. Приход Soikkola.

Mättäsi, Tarinaisi (2 ойконима).

18. Приход Kaprio.

Ikäpäivösi, Lentiisi, Vornaisi (3 ойконима).

19. Приход Kosemkina.

Kukkosi, Narvusi, Uusi Narvusi (3 ойконима).

Достаточно распространенной является структурная модель ойконимии на **-(i)tsa** (см. табл. 1). Наибольшее количество названий поселений данного типа находится в приходе Moloskovitsa (41% от общего количества ойконимов). Часто встречается модель в приходах Spankkoiva, Kupanitsa, Kattila, Serepetta (см. табл. 2).

III. Распределение структурной модели на -(i)tsa по приходам.

1. Приход Venjoki.

Poritsa, Särtsä (2 ойконима).

6. Приход Skuoritsa.

Skuoritsa, Suuri Taitsa, Autio Tukenitsa, Suo-Tukenitsa (4 ойконима).

8. Приход Turö.

Roitsa (1 ойконим).

9. Приход Serepetta.

Uusi Dobrenitsa, Vanha Dobrenitsa, Hoseritsa, Motolitsa, Muhkovitsa, Keski-Ruitsa, Ylä-Ruitsa (7 ойконимов).

10. Приход Koprina.

Lopitsa, Riepitsa, Tuhkovitsa, Viiritsa (4 ойконима).

11. Приход Spankkoiva.

Uusi Holopitsa, Vanha Holopitsa, Kurkovitsa, Luiskenitsa, Luumitsa, Pieni Pornitsa, Suuri Pornitsa, Raakelitsa, Saaritsa, Tarovitsa, Tuonitsa, Tupitsa (12 ойконимов).

12. Приход Kolppana.

Pieni Paaritsa, Suuri Paaritsa, Sernitsa, Uusi Sernitsa (4 ойконима).

13. Приход Kupanitsa.

Kivanitsa, Klopitsa, Kolotitsa, Kolpovitsa, Koroskovitsa, Kupanitsa, Laskovitsa, Niiskovitsa, Oseritsa, Suomen Pekunitsa, Raakelitsa, Rokovitsa, Ronkkovitsa, Ruttenitsa, Seltsa, Seropitsa (16 ойконимов).

14. Приход Moloskovitsa.

Bryhkovitsa, Hotinitsa, Konohovitsa, Koritsa, Lessovitsa, Moloskovitsa, Niirovitsa, Oseritsa, Ovenitsa, Piesovitsa, Polovitsa, Raaditsa, Raanitsa, Ropitsa, Ruskovitsa, Seropitsa, Simetsa, Smerdovitsa, Uusi Smolegovitsa, Vanha Smolegovitsa, Suikuvitsa, Sääklitsa, Terpilitsa, Treskovitsa, Vernitsa (25 ойконимов).

15. Приход Kattila.

Ala-Luzitsa, Ylä-Luzitsa, Pieni Valkovitsa, Suuri Valkovitsa (4 ойконима).

16. Приход Soikkola.

Venakontsa, Voloitsa (2 ойконима).

17. Приход Novasolkka.

Jamskovitsa, Kikkeritsa, Sakoritsa (3 ойконима).

18. Приход Kaprio.

Klarovitsa, Kopanetsa, Ruitsa, Rukkulitsa (4 ойконима).

Названия поселений с топоформантом **-(o)va/-(e)vä** составляют 7% среди ойконимов приходов Ингерманландии (см. табл. 1). В процентном отношении эта модель превалирует в приходах Kupanitsa, Kaprio, Venjoki (см. табл. 2).

IV. Распределение структурной модели на -(o)va/-(e)vä по приходам.

1. Приход Venjoki.

Glaasova, Marinova, Ripsevä, Pieni Ruussova, Suuri Ruussova, Pieni Selkelevä, Suuri Selkelevä, Tanilova, Verevä (9 ойконимов).

2. Приход Liissilä.

Lustava (1 ойконим).

3. Приход Inkere.

Voiskorova (1 ойконим).

4. Приход Tuutari.

Koirova (1 ойконим).

6. Приход Skuoritsa.

Niisnova, Ontrova, Petrova, Ala-Purskova, Uusi Purskova, Ylä-Purskova (6 ойконимов).

9. Приход Serepetta.

Kondova, Saastrova (2 ойконима).

10. Приход Korina.

Menkkova, Polssova, Porissova (3 ойконима).

11. Приход Spankkova.

Peresnova, Smolkkova, Spankkova (3 ойконима).

13. Приход Kupanitsa.

Koskova, Laakanova, Markkova, Minkkova, Olkkova, Priiskova, Roksova, Smolkkova, Solkkova, Torosova, Volkova, Volossova (12 ойконимов).

14. Приход Moloskovitsa.

Kräkova, Morosova, Tuuhkova, Voislava (4 ойконима).

15. Приход Kattila.

Viertävä (1 ойконим).

17. Приход Novasolkka.

Kerstova (1 ойконим).

18. Приход Karpio.

Jyrjövä, Koslova, Maklakkova, Nakkova, Keski-Raikkova, Pieni Raikkova, Suuri Raikkova, Ratussova, Sirkkova (9 ойконимов).

19. Приход Kosemkinä.

Luttova, Struuppoiva, Uusi Struuppoiva (3 ойконима).

Около 6% ойконимов относится к модели с топоформантом **-(i)na/-(i)nä** (см. табл. 1). Данная модель представлена в приходах Kolppana, Ropsu, Kattila, Soikkola (см. табл. 2).

V. Распределение структурной модели на -(i)na/-(i)nä по приходам.

1. Приход Venjoki.

Mosina, Piisinä, Pieni Saklina, Uusi Saklina (4 ойконима).

2. Приход Liissilä.

Uljana (1 ойконим).

6. Приход Skuoritsa.

Iistinä, Motsina, Pieni Reisinä, Suuri Reisinä, Tehvinä, Vohkana (6 ойконимов).

7. Приход Ropsu.

Klätinä, Korovina, Kuippina (3 ойконима).

8. Приход Tyrö.

Notkolan Soikkina (1 ойконим).

9. Приход Serepetta.

Kläsinä, Lopuhkina, Riekkinä, Slepinä (4 ойконима).

10. Приход Koprina.

Koprina, Letna, Mesina, Piisinä (4 ойконима).

11. Приход Spankkova.

Ilkkinä, Miikkinä (2 ойконима).

12. Приход Kolppana.

Pieni Hatsina, Pieni Kolppana, Suuri Kolppana, Lätinä (4 ойконима).

13. Приход Kupanitsa.

Kottina, Putina, Sumina, Sääpinä (4 ойконима).

14. Приход Moloskovitsa.

Kotina, Läälina, Metana, Morssina, Rokottina, Toikana (6 ойконимов).

15. Приход Kattila.

Baabina, Kruuppina, Velikina (3 ойконима).

16. Приход Soikkola.

Koskina, Pätsinä, Säätinä, Viistinä (4 ойконима).

18. Приход Kaprio.

Klimatina, Seikkinä, Voronina (3 ойконима).

19. Приход Kosemkina.

Korovina (1 ойконим).

Выделение наиболее распространенных структурных моделей ойконимии 19 приходов Ингерманландии, образованных с помощью суффиксов и топоформантов, позволяет сделать определенные выводы.

1. *l*-модель является типичной для прибалтийско-финской топонимии в целом. Суффикс *-la/-lä* присутствует в именном словообразовании финского языка для образования существительных со значением места. При образовании топонимов суффикс присоединяется в основном к анторопонимам, т. е. именам и фамилиям. Например, к дохристианским именам – Himala, Osmola; к христианским – Anjala, Anttila, Pekkala, Timola; к фамилиям, возникшим из прозвищ, – Jänikselä, Repola, Variksela. Также он присоединяется к апеллятивам, означающим название профессии, ремесла, – Rappila, Seppälä, Voutila.

2. Многочисленную группу составляют ойконимы с топоформантом *-si*, образованные от фамилий на *-(i)nen*. Данный формант служил для обозначения фамилии большинства жителей поселения. Например, название Lintusi произошло от фамилии Lintunen. Процесс образования ойконима можно представить в виде схемы: Lintunen – Lintusii (Lintusia), т. к. для говоров Ингерманландии характерна ассимиляция конечного гласного – Lintusi (произошло отпадение конечной гласной *i*). Таким образом, название поселе-

ния Korhosi произошло от фамилии Korhonen, Honkasi – от Honkanen, Ihalaisi – от Ihalainen, Laitisi – от Laitinen и т. д.

3. Топоформант *-(i)tsa* широко представлен в ойконимии на всей территории Ингерманландии, Ленинградской области. Присоединяется как к прибалтийско-финским основам (*Tuonitsa* – 'tuoni', *Saaritsa* – 'saari', *Kurkovitsa* – ср. *Kurkela* – 'kurki'), к русским основам (*Oseritsa* – 'озеро', *Holopitsa* – 'холоп', *Smerdovitsa* – 'смерд', 'Смердов'), так и к основам неясной этимологии (*Seropitsa*, *Voloitsa*, *Treskovitsa*). Восходит к русскому суффиксу *-ица* со значением деминутивности.

4. Формант *-(o)va/(e)vä* является адаптированным финским языком суффиксом *-ово/-ево*, имеющим значение притяжательности и присоединяющимся к антропонимам (*Tanilova*, *Koslova*, *Maklakkova*, *Morosova*). Доказательством адаптации служит параллельное существование русских ойконимов с данным суффиксом – *Porissova* – Борисово, *Volkova* – Волково, *Petrova* – Петрово. Присоединяется формант также к прибалтийско-финским основам – *Koigova* ('koira'), *Jyrjövä* ('Jyrjö-Yrjö').

5. Формант *-(i)na/(i)nä* присоединяется к славянским основам (*Korovina*, *Voronina*, *Lopuhkina*) и неславянским основам (*Koprina*, ср. *Koprala* – 'kopra', *Koskina*, ср. *Koskela* – 'koski'). Появился в результате ассимиляции русского суффикса *-ино* с притяжательным значением.

А. В. Суперанская относит суффиксы *-ово/-ево*, *-ино* к продуктивным и распространенным в русском топонимном образовании. Названия *pluralia tantum* на *-цы*, *-ицы* являются довольно многочисленными в названиях населенных пунктов (Суперанская А. В., 1964, 78–79). Это вызывает интерес в связи с передачей форманта *-(i)tsa* как *-ицы* в русских вариантах ойконимов: *Skvoritsa* – Скворицы, *Taitsa* – Тайцы, *Pekunitsa* – Бегуницы.

При исследовании топонимии Присвирья И. И. Муллонен отмечает, что форманты -ица, -ицы, -ина, -ов/-ев продуктивны в топонимии и распространены на смежных территориях прибалтийско-финских и славянских народов. Очевидно, что модель -ица продвигалась с древним новгородским освоением территорий, а суффиксы -ов/-ев способствовали «славизации» прибалтийско-финских ойконимов. Эти суффиксы выступали в качестве формального элемента, вводящего топоним в класс ему подобных (Муллонен И. И., 2002, 72–87).

6. При подсчете ойконимов с суффиксом -IA и топоформантом -si выяснилось, что они преобладают в приходах с преимущественно финским населением (Inkere, Tuutari, Nietämäki, Skuoritsa, Тугö, Venjoki, Liissilä). Названия с топоформантом -(i)na, -(o)va/-(e)vä, -(i)tsa распространены в приходах со смешанным прибалтийско-финским и русским населением (Moloskovitsa, Novasolkka, Корпина); в части приходов процентное соотношение моделей не столь велико (Spankova, Kattila). Только в приходах Тугö, Serepetta, Soikkola, Капрю, Kosemkinä фиксируются ижорские деревни. Деревни со смешанным прибалтийско-финским населением, например финско-ижорским, находятся в Тугö, Serepetta, Spankova, Kolppana, Soikkola, Капрю, Kosemkinä. Ижорско-русские поселения сохранились в Капрю, а смешанные водско-русские поселения – в Kattila, Капрю (см. табл. 3). Интересно, что названия финских деревень часто имеют «русский топоформант»: Lopuhkina, Riekkinä, Raakelitsa, Ruuttenitsa, Tanilova, Verevä; ижорские образовались при помощи как «русских», так и «финских формантов»: Hamala, Mättäsi, Soikkola, Koskina, Klarovitsa, Voronina. В названиях водских поселений преобладают «русские форманты»: Baabina, Luzhitsa, Velikinä, Valkovitsa; вместе с тем зафиксированы Kattila, Pihlaala.

7. Все перечисленное ранее отражает многовековую историю края, первоначально заселенного прибалтийско-финскими народами водь и ижора. Их земли входили в состав Новгородского и Московского государств, и жители испытали влияние русской культуры и языка. Впоследствии переселенцы из восточных районов Финляндии осваивали эту территорию и определяли развитие Ингерманландии. С XVIII века влияние России вновь увеличилось, что привело к сокращению финского, водского и ижорского населения за счет увеличения русских поселенцев. Все же до Второй мировой войны финноязычное население составляло значительную часть жителей региона.

Топонимия Ингерманландии складывалась в ситуации билингвизма ее жителей, что приводило к существованию двух разноязычных топонимических систем, созданных в соответствии с особенностями родного языка, и к адаптации иноязычных названий. Процессы адаптации иноязычной топонимии и ее интеграция в систему родного языка начались еще в начале освоения этих территорий. Согласно исследованиям Сауло Кепсу, проведенным по ойконимии и антропонимии Ижорского погоста (впоследствии приходов Inkere, Venjoki, Liissilä), в писцовых книгах XVI в. зафиксированы ижорские названия на -IA: Kilola, Masala, Pökölä, Savela, Putrola. Но уже тогда началась замена иноязычных формантов на суффиксы русского языка: Asikkala – Azikino, Lankila – Langino, Laurila – Lavrovo. Позже, когда территория вошла в состав Шведского государства, вновь встречаются типичные для прибалтийско-финских языков суффиксы в названиях: Himala, Lällilä, Suikila. При этом Кепсу отмечает, что это были привычные названия для местных жителей. В 1660 году шведский перечень деревень зафиксировал ижорские названия: Korpisaarj, Mustasaarj, Ihalina, Mattina, а также русские: Gorka, Sadworia, Ivankina. В названиях ижорских поселений использова-

ны не только модели прибалтийско-финской топонимии, но и привлечены русские форманты. Происходила также адаптация, своеобразная «финнизация» русских названий, например, Posad – Possola, Podol – Podolje – Potola (Kepsu S., 1990, 151–162).

В связи с этим любопытна в отношении межэтнических контактов история названия села Ропша – Ropsu. В писцовой книге Вотской пятины 1550 года находившееся на этом месте село носило название Храпша (известное русское имя в XIV веке Храп новгородского происхождения). Почти тот же вид имело это название в составленной шведами писцовой книге Ингерманландии – Hraptsa. Причиной перемены Храпша на Ropsu явилось наличие значительных групп прибалтийско-финского населения в этой местности. Затем ойконим был адаптирован русским населением – Ропша.

Те же процессы затронули название деревни Хотчино. В результате ошибки в документах XVIII века Хотчино, восходящее к типичным личным именам Новгородских владений Хот, Хотша, уменьшительное от Хотимир, превратилось в Гатчино. Финский вариант названия Hatsina повлиял на современное название Гатчина (Попов А. И., 1981, 137–138). Таким образом, многие ойконимы Ингерманландии имеют т. н. «бумеранговое происхождение».

На современных картах Ленинградской области и Санкт-Петербурга можно обнаружить немало примеров адаптации русским языком финских ойконимов, когда они приобретают суффиксы -ово/-ево, -ино, «затемняя» или заменяя финский суффикс -IA: Repola – Репполово, Anttila – Антелево, Kirppula – Кирполово, Sipilä – Сибелево, Hannola – Ханнолово, Kiiskilä – Кискино. В то же время типичные русские топонимные модели с префиксами и суффиксами, не получившие большого распространения в Ингерманландии, были заменены в финских ойконимах «привыч-

ными» топоформантами *-(i)tša, -(o)va*: Загорье – *Sakoritsa*, Заостровье – *Saastrova*. Таким образом, эти форманты вводили иноязычные ойконимы непривычной модели в сложившуюся топонимическую систему.

В заключение можно отметить, что ойконимы исторической провинции Ингерманландия образуют систему, в которой можно выделить определенные модели. Образование моделей происходило по законам того языка, на котором они создавались, в данном случае финского. На образование моделей повлияло также тесное контактирование прибалтийско-финских и русского народов, длительное время проживавших на одной территории. Продуктивные в русском словообразовании суффиксы, подвергшись определенным фонетическим изменениям, были использованы в финском топонимном словообразовании. Во многих случаях они являются определенной меткой, позволяющей отнести объект к разряду ойконимов, т. к. перечисленные выше топоформанты присущи в основном названиям населенных пунктов. С другой стороны, это способствовало интеграции ойконима в финноязычную топонимическую систему.

Данное исследование не дает полного представления обо всех существующих ойконимных моделях. Следует обратить внимание на суффиксы и топоформанты, представленные в ойконимии Ингерманландии в меньшем количестве. Необходимо также продолжить изучение составных ойконимов. Списки деревень не являются полными, т. к. часть названий поселений Ингерманландии не была в них включена. В статье не были рассмотрены названия поселений, находившихся в северной и восточной частях провинции.

Ареальная дистрибуция предполагает изучение ойконимии вне пределов лютеранских приходов. Бóльшее внимание необходимо уделять также процессам заселения и миграции населения

края, сопоставлению списков русских и финских названий, т. к. многие населенные пункты имели параллельные названия. Структурный анализ требует более тщательного подхода, чтобы в одну группу не попадали топонимы вследствие внешнего сходства конечных элементов.

Таблица 1

Распределение структурных типов ойконимии Ингерманландии

№	Приход	Количество ойконимов	Составные и эллиптированные ойконимы	-IA	(i)nA	(o)vA/ -evä	-si	(i)tsa
1	Venjoki	84	21	34	4	9	8	2
2	Liissilä	21	6	9	1	1	1	0
3	Inkere	22	6	14	0	1	1	0
4	Tuutari	64	16	32	0	1	12	0
5	Hietämäki	52	13	19	0	0	14	0
6	Skuoritsa	76	12	25	6	6	14	4
7	Ropsu	17	5	2	3	0	2	0
8	Tyrö	62	24	15	1	0	16	1
9	Serepetta	41	13	6	4	2	4	7
10	Koprina	38	11	4	4	3	1	4
11	Spankkova	44	6	16	2	3	0	12
12	Kolppana	18	1	2	4	0	4	4
13	Kupanitsa	72	11	14	4	12	2	16
14	Moloskovitsa	61	7	1	6	4	2	25
15	Kattila	23	5	8	3	1	1	4
16	Soikkola	33	10	7	4	0	2	2
17	Novasolkka	21	4	0	0	1	0	3
18	Kaprio	60	10	8	3	9	3	4
19	Kosemkina	33	11	6	1	3	3	0
	Итого	842	192	222	50	56	90	88
	Итого %		23%	26%	6%	7%	11%	10%

Таблица 2

Процентное соотношение отдельных структурных моделей

№	Приход	Количество ойконимов	Составные ойконимы/ %	-IA %	(i)nA %	(o)vA/ -(e)vä %	-si %	(i)tsa %
1	Venjoki	84	25	40	5	11	9	2
2	Liissilä	21	28	43	5	5	5	0
3	Inkere	22	27	64	0	5	5	0
4	Tuutari	64	25	50	0	2	19	0
5	Hietämäki	52	25	37	0	0	27	0
6	Skuoritsa	76	16	33	8	8	18	5
7	Ropsu	17	29	12	18		12	0
8	Tyrö	62	39	24	2		26	2
9	Serepetta	41	32	15	10	5	10	17
10	Koprina	38	29	10	10	8	0	10
11	Spankkova	44	14	36	5	7	0	27
12	Kolppana	18	6	11	22	0	22	22
13	Kupanitsa	72	15	19	6	17	3	22
14	Moloskovitsa	61	11	2	10	7	3	41
15	Kattila	23	22	35	13	4	4	17
16	Soikkola	33	30	21	12	0	6	6
17	Novasolkka	21	19	0	0	5	0	14
18	Kaprio	60	17	13	5	15	5	7
19	Kosemkina	33	33	18	3	9	9	0

Таблица 3

Этнический состав поселений и соотношение продуктивных моделей

№	Приход	Кол-во ойконимов	Ф и н. о р.	И ж о р.	Фин.- ижор.	Фин.- рус.	Ижор.- рус. / Вод.- рус.	IA, -si %	(i)na, (i)tsa o(va) %
1	Venjoki	84	84	-	-	-	-	49	18
2	Liissilä	21	17	-	-	4	-	48	10
3	Inkere	22	22	-	-	-	-	69	5
4	Tuutari	64	64	-	-	-	-	69	2
5	Hietämäki	52	52	-	-	-	-	64	0
6	Skuoritsa	76	74	-	-	2	-	51	21
7	Ropsu	17	12	-	-	5	-	24	18
8	Tyrö	62	47	7	2	6	-	50	4
9	Serepetta	41	3	5	4	29	-	25	32
10	Koprina	38	19	-	-	18	-	10	28
11	Spankkova	44	31	-	8	2	-	36	39
12	Kolppana	18	9	-	1	4	-	33	44
13	Kupanitsa	72	50	-	-	22	-	22	45

№	Приход	Кол-во ойкони- мов	Ф и н.	И ж о р.	Фин.- ижор.	Фин.- рус.	Ижор.- рус. / Вод.- рус.	IA, -si %	(i)na, (i)tsa o(va) %
14	Moloskovitsa	61	8	-	-	39	-	5	58
15	Kattila	23	4	-	-	3	- / 16	39	34
16	Soikkola	33	3	24	6	-	-	27	18
17	Novasolkka	21	2	-	-	16	-	0	19
18	Kaprio	60	9	22	4	18	4 / 3	18	27
19	Kosemkinä	33	15	7	8	-	-	27	12

Список литературы

Kepsu S. Inkerin nimistön ja asutuksen vaiheita // Inkerin teillä / Toim. P. Laaksonen, S.-L. Mettomäki. Helsinki: SKS, 1990. S. 149–166.

Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. 85 s.

Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002. 187 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.

Попов А. И. Следы имен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. 206 с.

Суперанская А. В. Типы и структура географических названий (На материале топонимии СССР) // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика: Сб. ст. М., 1964. С. 59–118.

Географические названия на современных картах Карелии (традиции и нормы)

Объектом рассмотрения являются особенности русской передачи прибалтийско-финских названий мест Карелии в современных картографических изданиях последнего десятилетия¹ с точки зрения существующих норм и традиций.

Вопросы нормализации топонимов Карелии уже были объектом нашего внимания, главным образом, в плане постановки проблемы усвоения прибалтийско-финских названий мест русским языком и придания им статуса официальных².

Как известно, в географических названиях заключена разнообразная информация о физико-географических, историко-культурных и иных особенностях жизни и быта местных жителей, создавших эти названия, но главной и основной функцией топонимов была и остается **адресная**, а адрес должен быть точ-

¹ *Республика Карелия. Топографическая карта.* Масштаб 1:200 000. 1997. Военно-топографическое управление Генерального штаба; *Карелия. Атлас.* Южная часть. 2004. Центральная часть. 2005. Северная часть. 2006. Масштаб: в 1 см – 1 км. ООО «Фирма “Арбалет”». Издательство «Ультра Экстент»; *Республика Карелия.* Серия топографических карт (Петрозаводск, Ладва; Пряжа, Святозеро; Ильинский, Олонек; Ляскеля, Питкяранта; Коткозеро, Мегрега; Вешкелица, Ведлозеро и др.). Масштаб 1:100000. ФГУП «Аэрогеодезия» Роскартографии. Петрозаводский геоцентр, 2001–2002.

² *Мамонтова Н. Н.* К вопросу о нормализации карельских и русских географических названий Карелии // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2005. С. 347—352.

ным. В этом заинтересованы все: и многочисленные государственные и частные учреждения, предприятия, ведомства, и любой житель страны. Данными обстоятельствами обусловлено огромное научное и прикладное значение изучения топонимов и всего, что с ними связано, особенно в жизни современного общества.

В многонациональном государстве, каким является наша страна, вопрос о передаче на русский язык иноязычных географических названий был (и остается) крайне важным, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, особенно в 1970–1980-е гг. В то время издавались нормативные топонимические словари как всего СССР, так и отдельных его территорий, инструкции по передаче иноязычных географических названий на русский язык (и о передаче русских названий на другие языки); сборники научных трудов по прикладной топонимике, выпущенные ЦНИИГАиКом³, другие публикации. Эти вопросы являлись предметом рассмотрения на научных конференциях различного уровня. Иными словами, большое значение придавалось в те годы не только научным, но и прикладным аспектам исследования географических названий в СССР.

Инструкции и словари, утвержденные органами власти, являлись обязательными для всех юридических и физических лиц нашей страны.

И все же вопросы нормализации (упорядочения написания и употребления) русских и иноязычных географических названий, создание нормативных словарей, справочников продолжают оставаться актуальными для ряда территорий бывшего СССР, включая и Республику Карелия.

В период перестройки и постперестроечное время многое изменилось в жизни нашего государства, в том числе и в области

³ Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэро съемки и картографии им. Ф. Н. Красовского.

топонимики, особенно практической, но, к сожалению, не в лучшую сторону.

Главным, на наш взгляд, является то, что ослабло внимание к вопросам употребления топонимов со стороны контролирующих органов и организаций, в первую очередь Главного управления геодезии и картографии (ГУГКа). Об этом свидетельствуют определенным образом издания многочисленных карт, атласов и другой печатной продукции со множеством ошибок, неточностей, с элементарной небрежностью в написании не только иноязычных, но и русских названий мест. Представляется, что в настоящее время данные вопросы недостаточно освещаются в специальной научной литературе, на научных конференциях, совещаниях и т. д. Возможно, это объясняется в ряде случаев отсутствием достаточной информации (в сравнении с доперестроечным периодом).

Что касается топонимической системы Карелии, то она, как и многие другие, складывалась на протяжении многих веков: первичные названия прибалтийско-финско-саамского происхождения усваивались русскими людьми естественным путем при освоении ими ее территории. Начиная с IX–XI вв. официальным языком здесь был и остается русский. Иноязычные названия, воспринятые им, подвергались разного рода изменениям (фонетическим, морфологическим, синтаксическим).

В местах компактного проживания карелов и вепсов употреблялись и до сих пор употребляются, наряду с русскими, свои исконные названия, являвшиеся неофициальными, поскольку карельский и вепский языки до недавнего времени были бесписьменными. С возрождением письменности на этих языках, помимо вопроса об адекватной передаче иноязычных (прибалтийско-финских) названий на русский язык, возникла необходимость придания статуса официальных названиям на карельском и вепс-

ском языке со всеми вытекающими из этого проблемами, но это предмет особого рассмотрения.

Опыт упорядочения написания топонимов Карелии на русском языке зафиксирован в разного рода письменных источниках (писцовых книгах, списках населенных мест, картах и других документах разных лет издания). В свое время были разработаны правила передачи карельских, вепсских, финских названий на русский язык⁴, но они не устранили и не могли устранить всех трудностей, связанных с написанием на русском языке нерусских по происхождению названий мест Карелии. Да и многим ли известны эти правила, руководствуются ли ими те, кто издает в настоящее время карты и атласы Карелии? Инструкции по передаче иноязычных топонимов Карелии на русский язык также пока не существует.

Как уже было сказано выше, объектом нашего внимания являются карты и атласы Карелии, вышедшие в последнее десятилетие в разных издательствах с разной топонимической нагрузкой. В качестве положительных моментов следует отметить само появление указанных источников и их разнообразие: еще не так давно подобного рода карт в свободной продаже почти не было.

Общим для анализируемых изданий является также и то, что в них приводятся названия не только населенных пунктов, крупных и широко известных физико-географических объектов, но и множество довольно мелких (урочищ, болот, ручьев, островов, порогов и т. д.). Как пишется в комментариях к топографической карте Республики Карелия, она «с полнотой и подробностью, обусловленными масштабом ее создания (1 см соответствует 2 км

⁴ Правила написания названий населенных мест Карельской АССР. Утверждены Президиумом Верховного Совета Карельской АССР 23 мая 1958 г. (Приложение к справочникам: Карельская АССР. Административно-территориальное деление. Петрозаводск, 1973, 1975).

на местности), отображает основные природные и социально-экономические объекты региона и предназначена для использования широким кругом потребителей (географами и краеведами, автомобилистами, туристами, охотниками и рыбаками) с целью изучения оценки местности и свободного ориентирования на ней, исследования природных ресурсов, выбора оптимального маршрута движения по дорогам республики, а также для нанесения любой дополнительной, необходимой потребителю информации»⁵.

Можно отметить, что хотя карты Карелии стали более привлекательными и доступными для всех желающих иметь их, топонимическая картина все же оставляет желать лучшего. Практически на всех картах неоправданно часто допускается разное написание по сути одних и тех же названий или одинаковых, однотипных, зачастую у смежных объектов (н. п. Кончезеро и оз. Кончозеро). Вызывает затруднение передача на русском языке переднеязычных гласных ä, ö, ü(у), долгих гласных (особенно, *и*, *ii* и других), дифтонгов (*ie*, *jo*), несмотря на существующие правила, например: Сури-Хейнясуо (*Suuriheinäsuo*), Сика-сари (*Siikasaari*), Куйкканиemi и Коконниэми (< *niemi*), Сорьё и Сорйо (*Sorjo*). Неадекватно передается сочетание *jo* в ойконимах (н. п. Куркиёки, Пийтсиёки) и гидронимах (р. Куркийоки, р. Пийтсийоки и др.). Несмотря на рекомендацию передавать гласную переднего ряда *у* (*ü*) русской буквой «ю», допускается двойное ее написание в соответствующих русских топонимах: Иля-Ууксу (*Ülä-Uuksu*) и Юляярви (*Üläjärvi*).

К сожалению, встречаются во всех изданиях ошибки, опечатки: Силька (вм. Селька), Гоюкила (вм. Гошкила), Мадауламби

⁵ Республика Карелия. Топографическая карта. Масштаб 1:200000. Подготовлена Военно-топографическим управлением Генерального штаба. 1997.

(вм. Мадалламби), Четчейла (вм. Чотчойла), Ахвейламби (вм. Ахвенламби). А что могло быть в основе названий Вуоснаййоки, Хосиййоки, Хосиярви, Кеопа, Ранео остается загадкой. Этот ряд легко можно продолжить: озеро Виллалское (вм. Виллальское), Алагайнеярви (вм. Алахайнеярви), Пюгяярви (вм. Пюхярви), Хирминсуо (вм. Хирвисуо). А вот как по-русски пишутся в разных источниках названия, состоящие из двух слов: *valkia*, *valgei* ‘белый’ и *lampi*, *lambi* ‘лесное непроточное озеро’: Валгиелампи, Валдизламби, Валгейламби, Валгиламби, Валгаламби, Валкиа-лампи, Валкеанлампи, Валкеалампи. Что здесь обусловлено диалектными особенностями карельского, вепсского или финского языков, а что можно отнести к разделу опечаток, ошибок – вопрос почти риторический.

Особо следует сказать о часто встречающемся в топонимах Карелии местном географическом термине *niemi* с основным значением ‘мыс, полуостров’, традиционно переводимый на русский язык как «наволоок» (Вокнаволоок – *Vuokkiniemi*, Святнаволоок – *Pühäniemi*, Щукнаволоок – *Nauginiemi* и т. д.). В соответствии с упомянутыми «Правилами написания названий населенных мест Карельской АССР» предписывается дифтонг *ie* передавать по-русски через *из*: Низмеля, Паханиэми, Куусиниэми⁶.

Однако правилами русской передачи географических названий с финского языка рекомендовалось в подобных случаях (е после *i*) передавать через *е* (а не *э*): *Pieksämäki* – Пиексямяки (а не Пиэксямяки), *Karigasniemi* – Каригасниэми (а не Каригасниэми)⁷.

⁶ Карельская АССР. Административно-территориальное деление. Петрозаводск, 1973. С. 83, 87; 1975. С. 81, 85.

⁷ Аненберг Л. И. Изменения в правилах русской передачи географических названий с финского языка. Географические названия на карте: Сб. науч. тр. ЦНИИГАиКа. Вып. 236. М., 1985. С. 44.

Подобные противоречия имеют место быть до сих пор (Куокканиэми, Леппяниэми, но Куусиниэми⁸) и особенно в названиях физико-географических объектов (г. Миэзлун, оз. Хиетаярви) во всех анализируемых картографических источниках.

Традиционно вызывает затруднения передача на русский язык долгих гласных и дифтонгов языка-основы, чем обусловлено разное написание часто повторяющихся местных географических терминов вара/ваара⁹ и сари/саари¹⁰ особенно в топонимии Приладожья и смежных с ним территорий, например: Кетроваара, Лумиваара, Элисенваара и Муставара, Салмивара; Путсарри, Сикосари, Палосари и рядом с ними на той же территории Пусунсаари.

Такое разное написание в какой-то степени вызвано и (теоретически) было бы вполне оправдано желанием передать наиболее точно местные особенности языка-источника, но это сопряжено со множеством проблем и по силам только языковедам-диалектологам, специалистам по финно-угорскому языкознанию,

⁸ Республика Карелия. Административно-территориальное устройство. Петрозаводск, 1996.

⁹ Собственно карельское vuaga, voaga, ливвиковское vuaga, vuage 'гора, покрытая лесом'. Ср. финское vaaga 'гора, сопка с отлогими склонами, поросшими лесом'. SKES вводит в рассматриваемое лексическое гнездо и финское vuogi 'гора', а также саамское vahte, vaagta, vaht 'лес; гора, сопка', причем не исключает возможности саамского источника слова в прибалтийско-финских языках. См.: *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 102.

¹⁰ Собственно-карельское и ливвиковское soari, soafi, suari, suafi, šoari, šoafi, людиковское suaŋ, suaŋi, suari, soafi, вепсское saŋ 'остров в озере, реке или на болоте; островок леса; глухой, пустынный лес, чаща; отдельно стоящий лес (обычно хвойный)', а также 'невыкошенный участок, невыгоревшее место на подсеке'. Ср. финское saari 'островок (часть суши, окруженная со всех сторон водой)' в более широком значении: о любом участке суши в виде островка. Множество производных. См.: *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Указ. соч. С. 88–89.

изучающим эти проблемы. Широкому кругу обычных потребителей картографической продукции необходимо другое – знать точное местонахождение того объекта, который их интересует.

Сходные климатические и хозяйственные условия жизни в прошлом, родство языков аборигенов карельского края и прилегающих территорий способствовали, с одной стороны, выработке общей для собственно карелов, карелов-людииков и ливвиков, а также вепсов и финнов и в какой-то степени саамов терминологии (ср. järvi, d'ärvi, gärvä, jäwwre, jawre 'озеро'), с другой – у каждого народа существуют свои термины, детализирующие географические реалии¹¹.

Данными обстоятельствами в определенной степени вызваны сложности в написании на русском языке одноподобных названий мест. Так, например, для ряда топонимов Приладожья – колыбели карельского народа, а затем бывшей финской территории характерна «мягкая» (финская) огласовка, поскольку в их составе присутствуют термины selkä, lampi, latva, syrgä, joki, в то время как у части карелов и вепсов в этих же лексемах представлены звонкие согласные (вместо глухих): selg (-e, -ü), ladv (-e, -a, -u), sur'd' (-e), sürg, d'ogi, jogi.

Подводя итоги, отметим, что все сказанное относится фактически ко всем анализируемым картографическим источникам, только в разной степени, что зависит от объема и характера представленной топонимической информации. Естественно, названия населенных пунктов более традиционные, устоявшиеся в силу большей значимости, известности, чем названия других, особенно мелких географических объектов, которых в разы больше и которые употребляются довольно узким кругом местного населения, проживающего в непосредственной близости от них, а потому в их передаче на русский язык допускается особенно много не-

¹¹ Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Указ. соч. С. 6–7.

точностей, ошибок. В качестве приложения предлагается ряд примеров написания географических названий Карелии из алфавитного указателя к Атласу «Карелия» (кн. 1-я. Южная часть. 2004), в том числе: реки Абай, Абайручей, Авгуй, Авеуй, озера Агайласа, Агайозеро, Аганозеро, Агвейярви, Агвенлампи, болото Агвенсуо, урочище Аги, б-ка Ад-луда, гора Ала-Мизлун, озеро Ала-Мивлунъярви, реки Аза, Азам, озеро Азамозеро, полуостров Азаннаволок, озера Азуслампи, Айранне, Айтиг, остров Айккиве, горы Аквенвара, Ала-Вара (и Алавара), Аиттавара (и Айттовара); н.п. Вендеры при озере Вендорское, озеро Ляппярви (вм. явного Леппярви), н. п. Раутолахти (вм. Рауталахти), н. п. Якнима (вм. Яккима) и т. д. В качестве комментария следует отметить, что положительной стороной данного Атласа является большой объем представленного материала (более 2 тысяч названий только в одном первом томе), в том числе небольших географических объектов, мало известных широкому кругу жителей республики. Но именно это обстоятельство (объем и малоизвестность) сказывается на качестве, которое оставляет желать лучшего.

Видимо, выход из данной ситуации один: подготовленный к изданию картографический материал должен пройти обязательную языковую экспертизу. Кто ее будет осуществлять – другой вопрос, но это крайне необходимо и в принципе поддается решению. В точном адресе заинтересованы все: органы государственного управления, транспорта и связи, других ведомств, предприятий, учреждений и организаций, каждый из нас, живущих на прекрасной земле Карелии.

Список литературы

Республика Карелия. Топографическая карта. Масштаб 1:200000. Военно-топографическое управление Генерального штаба. 1997.

Республика Карелия. Топографическая карта. Масштаб 1:100000. Составлена и подготовлена к изданию Федеральным государственным унитарным предприятием «Аэрогеодезия» Роскартографии. Представительство ФГУП «Аэрогеодезия» в Республике Карелия – Петрозаводский Геоцентр. Вешкелица, Ведлозеро. 2001; Коткозеро, Мегрега. 2001; Ильинский, Олонец. 2001; Ляскеля, Питкяранта. 2001; Пряжа, Святозеро. 2002; Петрозаводск, Ладва. 2002.

Карелия. Атлас. Южная часть. Масштаб: в 1 см – 1 км. Роскартография. Фирма «Арбалет». Издательство «Ультра Экстент». 2004; Центральная часть. 2005; Северная часть. 2006. (Географическая информация для рыбаков, охотников, туристов и автомобилистов).

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Восточно-финские типы в топонимии Карелии

Саволаксы, как известно, являются одним из ответвлений древней Карелы, связь с которой они стали постепенно утрачивать после передачи Швеции трех карельских погостов (Саволак, Яски и Эвряпя) по Ореховецкому мирному договору 1323 г.

Переселение древних карел с территорий, прилегавших к Ладожскому озеру, началось примерно с началом второго тысячелетия н. э. С этого времени можно говорить и о начале формирования племени саволаксов (Pirinen, 1988a, 15). Главной причиной переселения карельского населения на будущие южно-саволакские территории была пушная промысловая деятельность, которая активизировалась на рубеже тысячелетий в связи с усилением спроса на пушнину (Pirinen, 1988b, 356). При этом древние карелы переселялись на те территории, которые были богаты промысловыми животными, а главное, находились вдоль тех водных путей, которые им были издавна знакомы и в то же время легкодоступны (Wirilander, 1982, 38–39). Таковой территорией и оказались окрестности озера Саймаа – будущая родовая территория племени саволаксов.

В конце средних веков северная граница расселения саволаксов проходила приблизительно по северной границе современного прихода Миккели (Soininen, 1961, 31). Однако уже в середине XVI в. значительный прирост населения и усиление налогообложения, нехватка земли и практикуемое саволаксами подсечное земледелие стали теми причинами, которые вызвали активное освоение ими обширных территорий к северу, западу и востоку

от своих коренных территорий (Jutikkala, 1958, 98–99). При этом современные северно-саволакские территории были заселены ими не ранее первой половины XVII в. Так, например, на территории финляндской провинции Кайнуу еще в середине XVI века не было постоянного населения, а ее современные поселения ведут свой отсчет только с начала XVII в. (Keränen, 1986, 345, 391).

Первый пример отражает противопоставление топонимных основ Hoikka- (кар. hoikka ‘узкий’) и Kaita- (кар. kaita ‘узкий’) в названиях узких по форме озер и представляет собой так называемую ареальную семантическую оппозицию, когда одна и та же идея выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному.

На карте видно, что модель Hoikka- широко бытует в ареале Саво, практически вписываясь в границы последнего (карта 1).

Особенно продуктивна она, судя по густоте сетки названий Hoikkajärvi и Hoikkalampi, в восточном Кайнуу. Можно полагать, что именно отсюда модель проникла на восток, в Беломорскую Карелию, где представлена шестью фиксациями: в деревнях Кандонаволок, Регозеро, Лапукка, Войница, Хиетаярви и Минозеро. Все они группируются на самом западе беломорского ареала и неизвестны за пределами этой территории.

Все остальное Беломорье, а также карельские территории к югу от него, вплоть до Приладожья, используют в названиях узких озер модель Kaitajärvi. Исходя из этого, можно полагать, что тип Hoikka- в западной Беломорской Карелии может быть связан с саволакскими корнями и противостоит собственно-карельской модели Kaita-.

Карта Клаеса Клаессона 1650 г. территории Кайнуу и смежных районов Беломорской Карелии позволяет высказать некоторые соображения о хронологии данной саволакской модели в западном Беломорье. Дело в том, что на ней отмечено озеро под 108

названием Hoika jerfui (*Hoikkajärvi) в окрестностях беломорской деревни Лапукка (Kajaanin pitäjän kartta). Следовательно, уже в середине XVII в. модель была известна в Беломорье и не могла, видимо, появиться здесь раньше второй половины – конца XVI в., когда, как известно, начинается освоение Кайнуу со стороны Саво (Räisänen, 1990, 107). На территории южного Саво тип встречается уже в документах середины XVI в., например, в Рантасалми в 1563 г. (ср. Hoijka lammin pä) (Savon tuomiokirjat, 65).

Таким образом, ареал гидронимной модели Hoikkajärvi объединяет Беломорскую Карелию с восточной Приботнией.

На территории восточной Финляндии хорошо известна лимонимная модель Kolmisoppi. При этом ее распространение четко ограничено границами бытования говоров диалекта саво (карта 2), что, скорее всего, также свидетельствует о том, что модель названия имеет саволакские корни.

Топоним Kolmisoppi восходит к сложному по структуре слову со значением ‘треугольный, с тремя углами’. При этом элемент – soppi ‘внутренний угол’, входящий в состав топоосновы, известен на обширной прибалтийско-финской территории, которая простирается от Ладожской Карелии, через Саво и северные части окрестностей озера Пяйянне до Маанселкя. На западе Финляндии, в Кайнуу и северной Финляндии в том же значении используется слово loukko.

Если мы обратимся к карте, то увидим, что ареал модели Kolmisoppi, которая используется как в гидронимах, так и в наименовании других мест, является в общих чертах единым. Во всех случаях речь идет об объектах, которые по форме напоминают треугольник. Это подтверждают как объяснения информаторов, так и форма самих объектов.

По мнению Э. Кивиниеми, тип появился на территории Саво (Suur-Savo) уже в средние века, поскольку в поземельной книге

областей Саво за 1561 год названия на Kolmisoppi встречаются на территориях, простирающихся от Суур-Саво до побережья озера Оулуярви, которого выходцы из Саво уже достигли к этому времени (Kiviniemi, 1977, 61–68) (напр., Kolme sorpe в приходе Пеллосниemi (Savon tuomiokirjat, 54)). Нет сомнений, что тип распространился именно с экспансией населения из Саво и в современную финляндскую Северную Карелию и Кайнуу, а также в Хяме и Пяйят-Хяме. Последняя территория относится к зоне бытования диалекта саво.

В то же самое время заметно практически полное отсутствие типа в Приладожской Карелии, на западе и юге Финляндии, что также является свидетельством саволакских корней данного типа.

На исследуемой нами территории карельского Беломорья зафиксировано только одно название озера этого типа. Это озеро Kolmisoppi в окрестностях деревни Контокки. Присутствие его в западной части Беломорской Карелии укладывается в рамки единого с Финляндией ареала. Таким образом, оно имеет те же истоки, что и соответствующие названия в Кайнуу и финляндской Северной Карелии (район озера Пиэлинен), и не противоречит предположению о появлении названий в результате экспансии населения из Саво. Выше уже отмечалось, что саволаксы начинают осваивать территорию Кайнуу со второй половины XVI в., основная же масса населения переселяется туда на протяжении XVII в. (Räisänen, 1990, 107). Именно к этому времени можно отнести и появление названия в окрестностях деревни Контокки.

Еще одним типом, который проникает, по всей видимости, на территорию исследования из Финляндии, является топонимная модель с основой Petkel-/Petel- (ср. Petelsuari (Ондозеро, Ловуто-стров), Petel’lammit (Карельская Масельга), Petelvuara (Котозеро), мыс Petelniemi (Пелкула, Петельнаволок, Маркова Гора, Нялмнаволок, Янгозеро), а также мыс Петельостров в окрестностях де-

ревни Сухой Наволок на Белом море). Основной ареал ее распространения находится в восточной Финляндии в Саво (карта 3). В основе модели лежит апеллятив *petkel/petel* со значением ‘пест’. Все объекты с названиями на *Petkel-/Petel-* имеют вытянутую, узкую форму, и часто, по словам информаторов, напоминают по форме пестик.

Как и в двух предыдущих случаях, появление модели можно отнести ко времени не ранее второй половины XVI в. В то же время для определения более точных хронологических рамок проникновения данной модели на территорию современной Карелии важно сведение о существовании в Сегозерье волостки Петкелнаволок (совр. Петельнаволок), зафиксированной в дозорной книге Лопских погостов 1597 года (ИК, 202). Данный факт позволяет сделать вывод, что в конце XVI в. модель на *Petkel-/Petel-* уже распространяется в Карелию с одной из переселенческих волн из восточной Финляндии.

Следующий пример представлен топонимами с восточно-финской по распространению лимнонимной моделью *Hietajärvi / Hietalampi*. Согласно данным картотеки Словаря финских народных говоров, апеллятив *hieta* со значением “песок или мелкий песок” является западно-финским по распространению, в то же время он фиксируется ограниченно и на территории бытования восточно-финских саволакских говоров (SMK). Помимо финского, апеллятив *hieta* известен также карельскому и ижорскому языкам (SSA), где, как в восточно-финских говорах, больше все же распространен апеллятив *hiekkä* с тем же значением.

Данный факт, по мнению финляндского исследователя Вейкко Руоппила, может свидетельствовать о том, что в карельском и ижорском языках издавна могли параллельно существовать как слово *hieta*, так и *hiekkä*. Кроме этого, исследователь отмечает, что в Финляндии в одних и тех же населенных пунктах может

использоваться как слово *hieta*, так и *hieikka*, при этом одно из них чаще встречается в топонимии, другое – в бытовой речи (Ruoppila, 1967, 70).

Картографирование модели показывает (карта 4), что большинство названий на *Nietajärvi/Nietalampi* в Финляндии находится на территории бытования саволакских говоров, т. е. за пределами распространения основного массива апеллятива *hieta*.

Данный тип названий является достаточно древним, поскольку встречается уже в описании границы между Россией (Новгородом) и Швецией на Карельском перешейке в 1400 г. (ср. *Nietajärfwij < *Nieta-*) (Finlands medeltidsurkunder, 1910, 485). Другое, достаточно раннее упоминание озера с атрибутом *Nieta-* мы находим в документе, датированном 1475 годом, в приходе Вехмаа (ср. *Netaierff*) на юго-западе Финляндии, на территории распространения собственно-финских говоров (Finlands medeltidsurkunder, 1924, 415). Это озеро существует в вышеупомянутом приходе и сегодня. В середине XVI в., судя по письменным источникам, тип был известен и на территории Хяме, ср. озера *Netaierffui* в приходах Ламми (*Todistuskappaleita Suomen historiaan*, 209) и Ямся (NA). На мой взгляд, достаточно ранние фиксации модели на западно-финских территориях все же не являются свидетельством того, что рассматриваемый тип наименования появляется именно здесь. Напротив, модель не получила на западе Финляндии по какой-то причине широкого распространения (хотя отдельные названия, конечно же, могли появиться и на этой территории). В Хяме тип *Nietajärvi/Nietalampi* мог быть перенесен с сопредельных южных саволакских территорий, возможно, в начале – первой половине XVI в. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что к середине XVI в. апеллятив *hieta* был известен на юге Саво, поскольку в это же время здесь встречаются географические объекты, в которых закрепляется

основа Nieta- (ср. Hetapeldo – в Тавинсалми, Hetasalmen peldo – в Рантасалми, Hetalaxi – в Пеллосниеме (Savon tuomiokirjat, 146, 152, 177)). Здесь в это время фиксируются и названия с интересующей нас основой: ср. Heetajerfwenkangas – в Висулахти, Nietaierffuibij – в Юва, Hetenlammin kangas – в Сяминки (NA).

На мой взгляд, данную ситуацию на территории Финляндии можно объяснить следующим образом: с вероятным оттоком емского населения на новые территории проживания или при освоении новых промысловых земель в середине (а скорее, ближе к концу) средних веков, апеллятив hieta получает распространение на территории южного Саво, где позднее появляется интересующая нас модель, которая распространяется в конце средних веков в обратном направлении уже с освоением саволаксами сопредельных емских территорий.

Вероятно, с миграционной волной из южного Саво тип распространяется и в современную финляндскую Северную Карелию, а также далее на север Финляндии. Нам в данном случае наиболее интересны названия на пограничной с Беломорской Карелией территории современной финляндской губернии Кайнуу. Судя по распространению названий на карте, данный тип наименования проникает в западные части Беломорской Карелии, а также на северные территории бывшей Олонецкой губернии именно отсюда. В Кайнуу в приходе Кухмо названия с атрибутом Nieta- фиксируются, например, на карте Клаеса Клаессона 1650 г. (ср. Hetaj. и Hetajerfui) (Kajaanin pitäjän kartta). Таким образом, так же, как и модель Hoikka-, тип на Nieta- уже в середине XVII в. был известен на сопредельной с Беломорской Карелией территории и, как уже было указано выше, не мог появиться здесь раньше второй половины XVI – начала XVII в.

Кроме этого, стоит упомянуть, что Кайнуу было заселено, главным образом, в процессе освоения его двумя колонизаци-

онными потоками: из южного Саво, где, как уже упоминалось, модель могла появиться, а также из Похьянмаа (Kettunen, 1947, 81). На территории Похьянмаа, если посмотрим на карту, интересующие нас названия отсутствуют, но зато здесь широко известен апеллятив *hieta*. Можно предположить, что обилие названий с основой *Hieta-* в Кайнуу связано с тем, что население из Похьянмаа усваивает перенесенную из южного Саво медель, и, таким образом, она получает здесь вторую жизнь и широкое распространение. Вейкко Руппила, например, отмечает, что апеллятив *hieta* проникает в Кайнуу именно с переселением населения из Приботнии (Ruppila, 1967, 70).

При этом модель имела, по всей видимости, на территории южного Саво непродолжительную популярность, поскольку тип на *Hietajärvi/Hietalampi* практически полностью отсутствует в центральной Финляндии. Тут надо учитывать то, что в языке и топонимии финнов, которые переселились на рубеже XVI–XVII вв. в Швецию в провинцию Верmland из центральных районов Саво, названий, содержащих апеллятив *hieta*, собственно как и самого апеллятива, не зафиксировано. И сегодня на территории центральной Финляндии апеллятив *hieta* имеет только единичные фиксации.

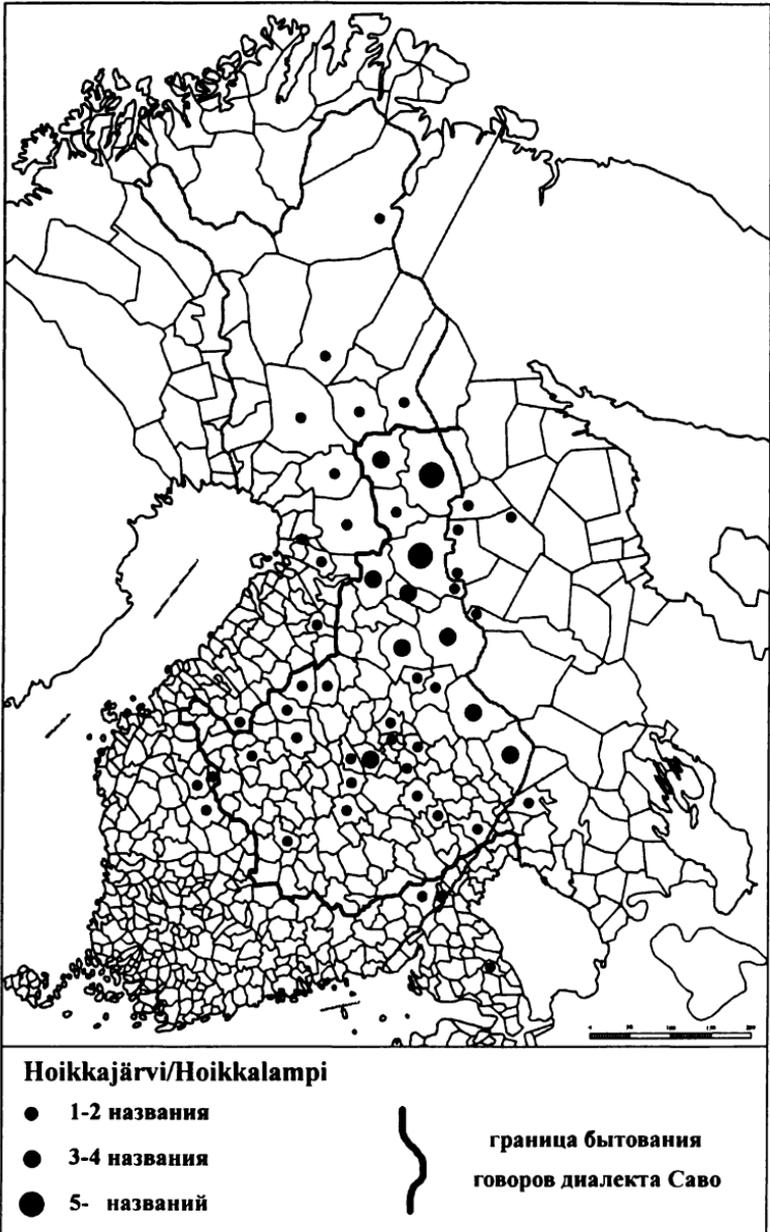
С другой стороны, апеллятив *hieta* известен и карельскому языку, что в принципе не исключает возможности появления, по крайней мере, ряда названий на *Hietajärvi/Hiedalampi* в среде карельского населения. В данный момент, например, есть сомнения в том, что в центральной и северо-восточной частях Беломорской Карелии названия с основой *Hieta-* могут иметь саволакские истоки, поскольку саволакское наследие, по данным топонимии, выявляется пока только в западной части севернокарельских территорий, а также в Ребольской волости бывшей Олонецкой губернии и практически не распространяется далее этих террито-

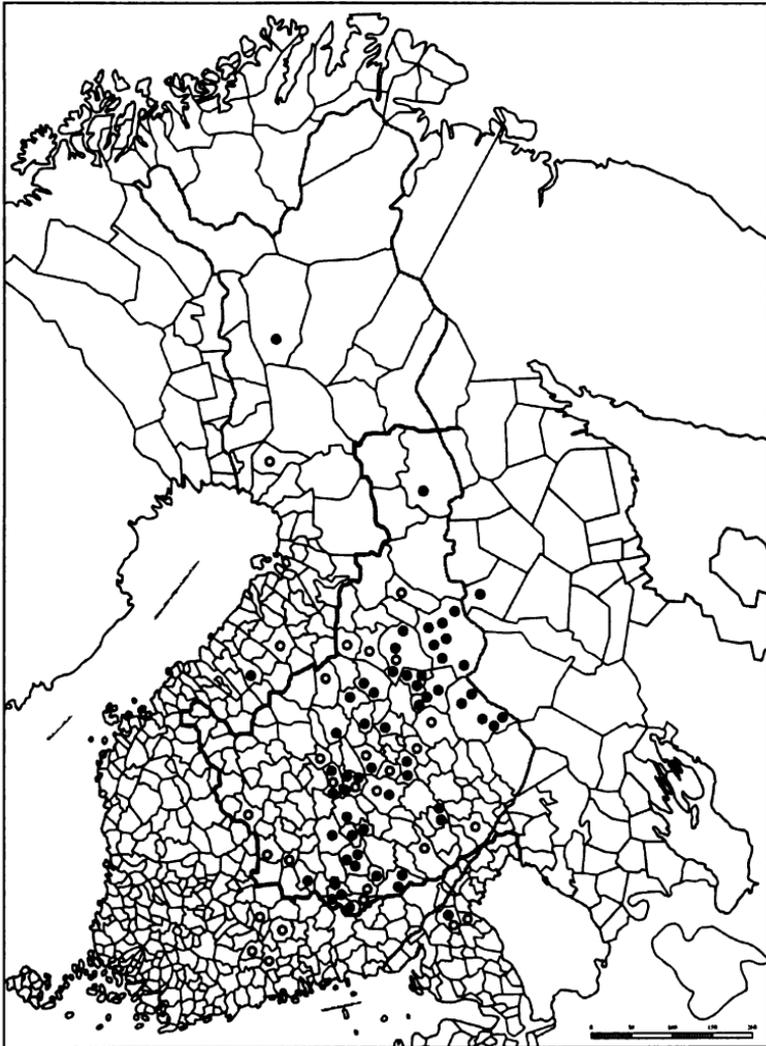
рий на восток. Таким образом, возникает вопрос, не является ли тип карельским по происхождению?

Основа *Nieta-/Hieda-* относительно рано фиксируется и на территории Карелии. Об этом свидетельствует, например, название острова Хедостров (*Hiedasuari*) в Онежском озере, упомянутое в 1375 г. в районе Челмужей. Нужно, правда, учитывать, что интересующий нас документ является, по мнению составителей сборника “Материалы по истории Карелии XII–XVI веков”, подложным, а его появление они датируют XVI или самое позднее XVII в. (МПИК, 386). Несмотря на это, сведение о названии с основой *Hieda-* является достаточно ценным, поскольку позволяет говорить о том, что апеллятив *hieta/hieda* существовал в языке прибалтийских финнов (возможно, карел) на территории современной Карелии уже, по крайней мере, в XVI–XVII вв. Кроме Челмужей основа *Nieta-/Hieda-* выступает также в названиях двух островов Белого моря (ср. Хедостров в окрестностях деревень Поньгома и Унежма). Появление двух последних названий можно отнести, по всей видимости, к периоду не позднее XV–XVI вв., после которого побережье Белого моря стало активно осваиваться русскоязычным населением.

С другой стороны, тип *Nietajärvi/Nietalampi* имеет на родовой карельской территории единичные фиксации, что может, на мой взгляд, свидетельствовать о том, что модель все же была перенесена как в Приладожье, так и в современную Карелию с запада (т. е. с саволакских территорий).

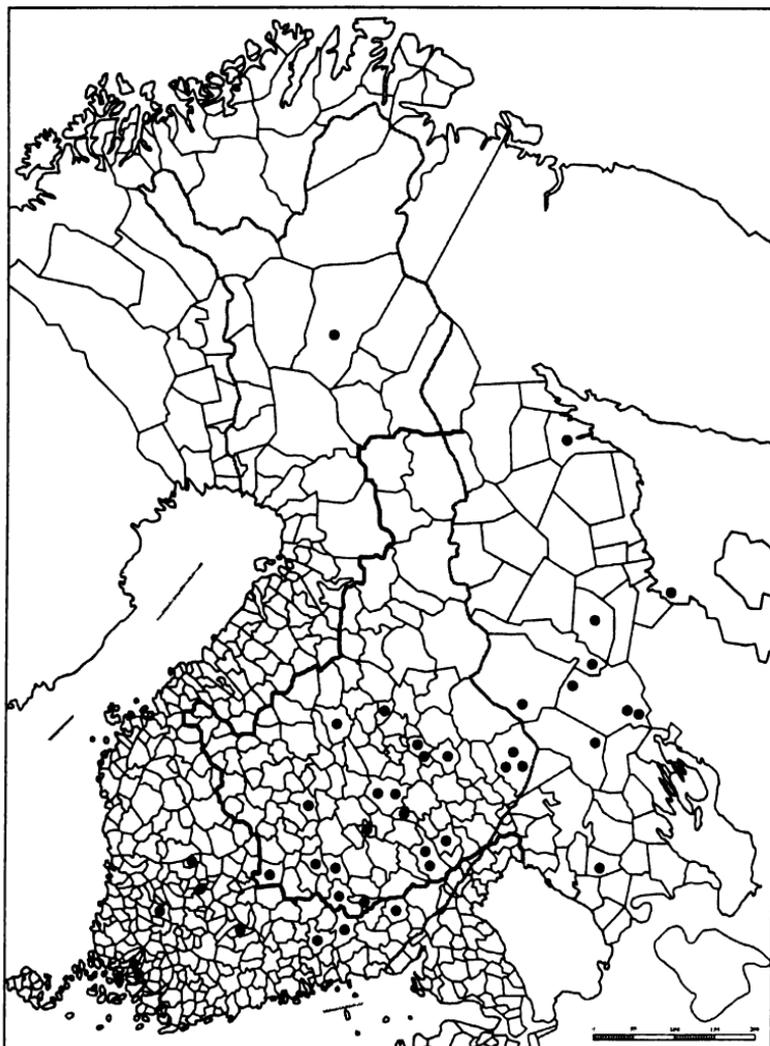
Таким образом, подводя итог, можно говорить о том, что ареал всех рассмотренных выше моделей объединяет Карелию, главным образом Беломорскую Карелию, с восточной Финляндией. Данный факт позволяет, в свою очередь, сделать предположение о возможном участии восточных финнов (саволаксов) в формировании этнической общности карельского населения на территории Карелии.

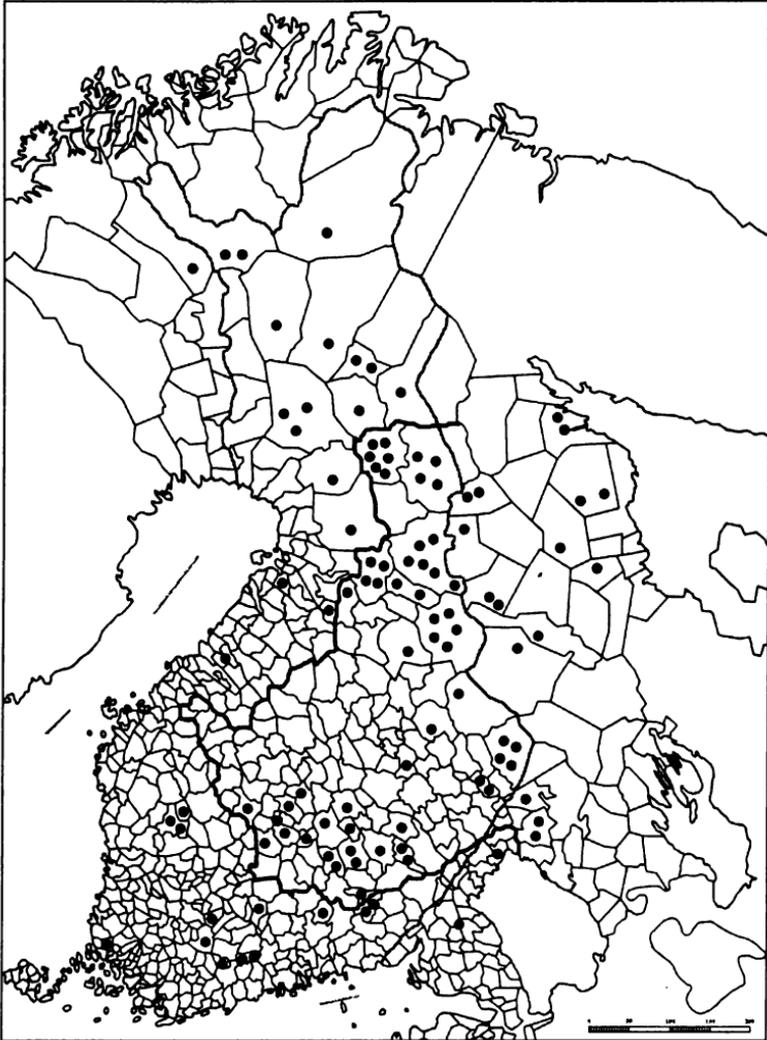

Kolmisoppi

- гидронимы (озера)
- наименования других объектов

Petkel-/Petel-/Петель-

●
Hietajärvi
Hietalampi
Hiedajärvi
Hiedalambi

Список литературы

ИК – История Карелии XVI–XVII вв. в документах III. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.

МПИК – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

Finlands medeltidsurkunder 1910. Finlands medeltidsurkunder 1400. Helsingfors, 1910.

Finlands medeltidsurkunder 1924. Finlands medeltidsurkunder 1451–1480. Helsingfors, 1924.

Jutikkala Eino. Suomen talonpojan historia. Turku, 1958.

Kajaanin pitäjän maantieteellinen kartta. Kainuun Liiton teettämä näköispainos. MH 107/2 D 3/1. Kansallisarkisto.

Keränen Jorma. Uudisraivauksen ja rajasotien kausi. Kainuun historia I. Kajaani, 1986. S. 205–696.

Kettunen Lauri. Savolaismurteiden synty ja levinneisyys. Savon historia. I osa. Esihistoria ja keskiaika. Kuopio, 1947.

Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. SKST 337. Helsinki, 1977.

NA – Nimiarkisto. Kotus. Helsinki.

Pirinen Kauko. Sukunimet keskiajan asutussuhteiden ilmaisijoina II // Sukuviesti 6. Helsinki, 1988. S. 14–16.

Pirinen Kauko. Savon keskiaika. Savonhistoria I. Toinen, kokonaan uudistettu laitos. Kuopio, 1988. S. 269–415.

Ruoppila Veikko. Kalevala ja kansankieli. Helsinki, 1967.

Räsänen A. Zur Entstehung des Namengutes in der Einöde Kainuus // Namenkunde in Finnland. Studia Fennica 34. Pieksämäki, 1990. S. 91–108.

Savon tuomiokirjat 1559 ja 1561–1565. Suomen vanhimmat tuomiokirjat. Helsinki, 1954.

SMK – Suomen murteiden kokoelma. Kotus. Helsinki.

Soininen Arvo M. Pohjois-Savon asuttaminen keski- ja uuden ajan vaihteessa. Historiallisia tutkimuksia. Suomen historiallisen seuran julkaisuja LVIII. Helsinki.

Jaakko Teitin valitusluettelo Suomen aatelista vastaan v. 1555–1556.
Todistuskappaleita Suomen historiaan. Helsinki, 1894.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I. Helsinki,
2001.

Wirilander Hannele. Mikkelin pitäjän historia vuoteen 1865. Mikkeli.

Каковы дураки на вид: сочетание сем ‘внешность’ и ‘умственные способности’ в лексике финских говоров

Лексика финского языка предоставляет множество примеров того, что одни и те же лексемы или основы используются как для характеристики внешности человека, так и для описания его умственных способностей. При этом просматривается устойчивая повторяемость данной связки, что позволяет воспользоваться понятием кода (в данном случае физиологического), при котором элементы одной сферы действительности используются для описания другой сферы, причем внутренние связи, мотивация такого отождествления отступают на второй план. Понятие предметно-тематического кода используется в этнолингвистике для представления т. н. внешней мотивации, которая в отличие от внутренней не предполагает поиска мотивов, причин номинации (Безович Е. Л., Леонтьева Т. В., 2004, 368–384). На уровне же внутренней мотивации нередко происходит объединение кодов, поскольку оказывается, что в их основе лежит единый мотив названия. В данной статье, материалом для которой послужили данные финских народных говоров (финские диалектные данные почерпнуты из словаря финских народных говоров (SMS) и его картотеки), рассматривается физиологический код, а также сделана попытка выявить внутренние причины его бытования.

Во внешности глупца подчеркиваются особенности фигуры. Так, лексемы *holho*, *tolho*, *toljake*, *toljana toljas*, *kohilo*, *kohjake*, *kohlo*, *kohmo*, *kohmu*, *kohnikka*, *kohno*, *kohnu*, *kolha*, *kolho*, *jolli*, *jolleri*, *jolhu*, *jumisko*, *molkkerö*, *molkkeri*, *molkeri*, *tohko*, *tohikko*, *tollakka*, *tolvana*, *tono*, *tölkki*, *tölö*, *tönsä*, *törsä* и некоторые дру-

гие отмечают его крупное телосложение. Глупец большого роста заметен на общем фоне, «несбалансированность» крупного тела и подразумеваемого недостатка ума тем более привлекает к себе внимание окружающих. В естественной речи рождаются всевозможные метафоры, объединяющие в себе семы *габаритность* и *глупость*:

Holho, tolho, toljake, toljana, toljas, jolhu, jolho, kohilo, molkkero, molkkeri (molkeri), tolvana 'высокий, большой мужчина' / 'глупый человек'.

Otpas sinä vielä tuhma holho! 'Ну ты и дылда бестолковая!'

Onhän suuri miehen tolho, mutta vähemmän älykäs! 'Такой верзила этот мужик, ума только мало!'

On siinä paljon lapsia, kaikki myös tyhmiä toljakoeta! 'Там много детей, все такие же дурные'.

Kyllä sinä olet aika kohilo kun et tuotakaan tehny 'Дурень ты, конечно, раз и этого-то сделать не сумел'.

Poik o tommonen kohilo, ei häm mittä huama (Mynämäki) 'Парень такой тупой, ничего не замечает'.

Значение 'большой, высокий' сочетается, как правило, с семантикой 'неуклюжий, малоподвижный':

Kohjo, kohjake, kohjale 'большой, неповоротливый, неуклюжий человек', в этом же ряду **kohjakka** со значением 'неуклюжий', которые бытуют в финской народной речи одновременно и в качестве обозначений умственно неполноценного человека:

Ompa ne kaikellaiset kohjakat vaa akan saanu (Merikarvia) 'Уж какие они дурни, но как-то женились даже'.

Лексема **kollikka** также указывает на большую фигуру – 'крупный, неуклюжий, полноватый человек', однокоренным же словом **kollikko** может быть назван глупый человек: *Se ol sellane kollikko se sulhane!* (Lemi) 'Такой дурень этот жених'.

Подобные особенности фигуры и ума отмечаются и лексемами **kohmo** и **kohno/kohnu**:

Kohmo 'крупный, негибкий, неуклюжий человек' / 'потешный, придурковатый, чудака, дурак': *Hulluja on yhreksänkymmentä lajia ja kohmot päälle* 'Дураков девяносто видов, еще и чудаки вдобавок'.

Kohmous 'глупость': *Omaa kohmouttaa* [teki sen] 'По своей глупости [это сделал]'.

Kohno 'неуклюжий, медлительный человек' / 'глупец':

Soon semmonen kohno, ku eilenki syämästä lähtiesänsä purotti kaks lautasta laattialle (Kankaanpää) 'Она такая растяпа, вчера после еды две тарелки на пол уронила!'.

Kyllä son kohno flikka, ko ottaa semmosen kohelon miehekseen (Merikarvia) 'Совсем дурная девица, раз такого болвана берет в мужья'.

Kohnu 'глупец': *Mimmone kohnu sää oikei olet!* (Pori) 'Ну и дурень же ты!'.

Относящейся к этому же гнезду лексемой **kohna** обозначаются лохматая голова, взъерошенные волосы. Данный элемент нередко присутствует в характеристике внешнего вида дурака, в связи с чем будет рассмотрен отдельно.

Выявленный код срабатывает и в слове **kohlo** 'большой, неуклюжий человек' / 'дурной, глупый человек' и в его фонетических вариантах **kolho**, **kolha** 'крупный, грубый, некрасивый, габаритный предмет или человек', **kolho** 'глупый, простак': *Oot sinä aika kolho kun et tuota tienny!* (Viljakkala) 'Ты весьма глуп, раз того не знал!'.

В следующей группе слов **konho**, **konhelo**, **konhotus** также сочетаются интересующие нас значения:

Konho 'некрасивый, неаккуратный, грубый' / 'придурковатый, глупый': *Olet sinä eri konho kun tuollaisia teet (Ähtäri) 'Ну ты болван, раз такое делаешь'*.

Ср. также **konhelo** 'неуклюжий' и **konhotus** 'непривлекательный человек крупного телосложения'.

В этом же ряду **tohikko, törsä, tölö** 'большой и неуклюжий' / 'потешный', каждое из которых имеет свою этимологическую историю, но схожее семантическое развитие.

Человек крупного сложения часто производит впечатление неповоротливого и медлительного, что может спровоцировать развитие еще одного оттенка значения – ленивый, это демонстрируют слова **jumisko** и **jolli / jolleri**:

Jumisko 'большой, неуклюжий и ленивый' / 'глупый человек': *On koko jumisko! (Pudasjärvi) 'Вот ведь увалень!'*.

Jolli 'большой и ленивый человек', **jolleri** 'глупец, простак'.

В процессе восстановления логики развития образной семантики в первую очередь мы изучаем полисемантические лексемы, относящиеся к разным тематическим кодам, что дает возможность выявить наиболее распространенные модели отождествления, т. е. основы для сравнения, которыми пользуется носитель языка в момент номинации. Однако одного уровня кода недостаточно для обоснования причины обращения номинатора к той или иной модели смыслового переноса. При решении данной задачи нам необходим более глубокий уровень исследования, позволяющий обнаружить сам мотив вторичной номинации.

Если выйти за пределы внешней мотивации, воплощенной в коде, на уровень внутренней мотивации, то в приведенных примерах внимание привлекает мотив *габаритности, несоответствия размера тела* и предполагаемого *небольшого ума*, провоцирующий слово к приобретению образной семантики *глупости*. Как считают Е. Л. Березович и Т. В. Леонтьева, сквозные мотивы

обладают наиболее развернутым содержанием, на них опирается мотивационная доминанта – идея, объединяющая все элементы какого-либо семантического поля, именно они способны выражаться средствами разных кодов (Березович Е. Л., Леонтьева Т. В., 2004, 368–384). Изучение взаимодействия признаков, сем, компонентов лексического значения упирается в необходимость выявления иерархии признаков внутри значений слова. У большинства приведенных выше слов богатая полисемия, среди их значений есть первичные и производные, причем все они содержат общую идею. Например, лексема со сложной полисемией *holho*, помимо приведенных выше значений «мужчина крупного телосложения» и «глупый человек», обладает более конкретным значением – указывает на «мягкое вещество в роге животного» или «трухлявое дерево». *Tolho* также означает содержимое рога коровы, а сгнившее изнутри дерево именуется его переднерядным фонетическим вариантом *tölhö*, на полый же ствол указывает *honto*. Подобным образом представлены значения лексем *toljake, toljana, toljas* среди которых также встречается обозначение дерева, при этом любого, не только трухлявого. С учетом последнего можно было бы предположить, что *габаритность* выступает лишь дополнительным оттенком в номинационной модели «дерево – глупый человек», где перенос значения основан исключительно на особенностях дерева, например его высоте. Однако прочие примеры изучаемой группы опровергают это предположение. Так, *kohilo* не указывает на вид дерева, *mollikka* не имеет к лексико-семантической группе «дерево» никакого отношения, однако сема «большой» также присутствует в остальных ее значениях, этим словом может быть названа большая ягода или крупный окунь. Таким образом, *габаритность* в качестве сквозного мотива проявляется в разных тематических кодах, про-

воцирует возникновение нового, производного значения, развитие семантики слова.

В некоторых случаях значение 'высокий' дополняется семантикой 'худой, щедушный': *hontelo* 'худой, высокий, слабый человек' / 'глупый'. В данном случае мотивом отождествления мог послужить оттенок семантики 'беспомощный, слабый', ср. *honto* 'щедушный, слабый человек' / 'бестолковый, глупый'. Надо полагать, что данная семантика выросла из более ранней и более общей 'пустой, полый, гнилой изнутри, мягкий' (SSA, статьи *honto, hoto*), которую в контексте этнолингвистического исследования допустимо рассматривать в качестве сквозного мотива номинации, охватывающего «несколько лексико-фразеологических групп, относящихся к различным сферам отождествления» (Березович Е. Л., Леонтьева Т. В., 2004, 368–384).

Это, впрочем, не единственный сквозной мотив, воплотившийся в соматическом коде. В качестве мотива появления семантики *дурак* можно предполагать идею *törröttää* 'торчать, выделяться на общем фоне' – в конечном счете выпасть из нормы, которая в целом характерна для номинации дураков. Он воплотился, например, в словах *toikkana, toikkara, toikkari* 'высокий и неловкий' / 'глупый'. В поисках мотивов образования данного смыслового переноса обратимся к бытующим в финском языке лексемам *toikara* 'длинный шест', *toikaro* 'длинная жердь или высокий человек', 'ветвистое дерево, шест', *toikelo* 'длинный, тонкий [об одиноком дереве; пренебрежительно о человеке]' / 'спесивый, дурной' (SKES). Весь этот ряд производных отнесен авторами SKES к первоначальной основе *tojo/töjö* 'прямая, напряженная, неудобная поза', 'высокий, прямой, напряженный (человек, животное)', 'длинный шест, жердь' / 'по характеру неговорчивый, непреклонный человек' / 'глупец'. Предложенный

ряд продолжают лексемы: *tojollaan* 'в неловкой позе', 'выделяясь на фоне', *tojottaa* 'торчать'.

Данный мотив просматривается и в *törsä* 'большой неуклюжий человек' / 'глупый человек', ср. *törsöttää* 'выпячиваться, высовываться, торчать', *törsöllään* 'выпятившись, высунувшись', *törsäke* 'возвышающееся место, например опухоль' (используется также в значении 'дурак') (SKES).

Разумеется, не только рослые глупцы своим видом провоцируют появление метафор. Приведенные далее лексемы *humppa*, *mollikka*, *mälhä*, *mökkelö*, *mölkki*, *pöhkö*, *tamppu*, *tohko*, *tokkelo*, *tollake*, *tono*, *töllerö*, *töllykkä*, *tönterö*, *tönsä*, *töpö* указывают на недостаток ума невысоких и полных людей, поэтому условно они были объединены нами в одну группу.

В образе глупцов крупного телосложения мы видели в качестве возможного мотива развития значений несоответствие габаритов уровню интеллекта, а также некоторую неуклюжесть действий объектов оценки, которые тем более заметны благодаря своей комплекции. Что касается невысоких, и в особенности полных неумных, то их несколько комичную внешность также не может обойти своим вниманием взгляд и меткое слово окружающих. В случае с полными и невысокими объектами критике подвержена их глупость и все тот же повторяющийся элемент – *неуклюжесть*, *неповоротливость*, которые присутствуют в следующих словах:

Humppa 'невысокая и полная, разнаряженная женщина' / 'неразумный, бестолковый человек': "[*Vaimo karkasi toisen miehen mukaan*] *Ei se aviomies olis antanukkaan tuommosen humppamukaha lapsia!*" '[Жена ушла с другим мужчиной] Конечно, муж не отдал бы детей этой беспутной!']

Mollikka 'полный, круглый', 'большой, полный и бестолковый ребенок, обычно мальчик' / 'простофиля, дурачок'.

Etkö sinä mollikka tiijä mittään?! 'Ты совсем дурак, ничего не согласишь?!'

Mälhä 'немного глупый полноватый человек'.

Mölkki 'круглолицый человек, выглядящий глуповато'.

Mökkelö 'маленький, толстый, укутанный в одежду человек' / 'неуклюжий'.

Pöhkö 'полный, неповоротливый и глупый человек': *Sehä ov vähän semmonen pöhkö, työssäki ei taho soaha kunnon jäläkee, jota toiset sitte joutuu korjaelmmaan* 'Он такой дурень, работу никак до ума не доведет, все за него другим приходится доделывать'.

Tamppu 'невысокий, полный, иногда неуклюжий и глупый человек': *Mistä hiä lie sellaise akan tamppun löytänt?* 'Где он нашел такую неповоротливую глупую бабу?'.

Tokkelo 'полная, нерасторопная невысокая женщина' / 'бестолковая, глупая'.

Töllerö 'коротконогий человек' / 'глупец': *Se [lehmä] oli tyhmempi tavallisia, tosi töllerö* 'Эта [корова] глупее обычных, совершенная тупица'.

Töllykkä 'полный человек, выглядящий неуклюже' / 'неумеха' / 'дурак'.

Tönsä 'полный (о женщине, девочке)' / 'глупый'.

Tönterö 'низкорослый полный человек' / 'дурак'.

Törö 'маленького роста, толстый человек' / 'простак, глуповатый': *Minä olen huono marjanpoimija, semmonen törö* 'Никудышный я сборщик ягод, совсем неумеха'.

Полнота предполагает неловкость и непрворность объекта в работе, создается впечатление бестолковости во всех сферах деятельности, в первую очередь прикладной, а затем и умственной. Существует множество примеров сочетания сем *неловкость* – *бестолковость*, *глупость* в полисемантическом слове. Так, фак-

тором, вызывающим развитие образных значений, становится взаимодействие «созначений» полисемантического слова.

Кроме отмеченных выше обращает на себя внимание присущая некоторым словам, обозначающим низкорослых и особенно полных дураков, этимологически первоначальная семантика 'мягкий, непрочный, рассыпающийся', ср. *tohko* 'толстый мужчина' / 'глупый человек' при *tohko* 'мягкий, гнилой, пыль' (SKES). Таким образом, мы наблюдаем проявление еще одного сквозного мотива *мягкости*, актуального во многих других тематических кодах.

В финской наивной картине мира для характеристики какого-либо качества, в данном случае – глупости, появляются метафоры, в основе которых могут быть использованы крайние степени проявления какого-либо одного свойства или предмета. Так, слишком большой, так же как и маленький, рост объекта рождает метафору. Хороший пример – диалектное *tölkki* 'неуклюжий, большой, *слишком* высокий или *слишком* маленький, *слишком* толстый или «торчащий» (т. е. выделяющийся на общем фоне) человек' (SKES). Характерно, что в материалах финских диалектов не встретилось ни одной лексемы, где было бы особо отмечено: «глупый человек среднего роста или нормального телосложения». Возможно, это объясняется тем, что традиционное сознание не может обойти вниманием любое крайнее проявление какого-либо качества, явную «не норму». Отсутствие нормы выступает мотивационной доминантой, воплотившейся через ряд сквозных и частных мотивов.

Голова представляется ответственной за мыслительную деятельность, поэтому при характеристике внешности дурака она отмечается особо. Слово *rää* 'голова' бытует как самостоятельно, так и в целом ряде словосочетаний, в том числе устойчивых, во фразеологических оборотах, в составе сложных слов, связанных с

130

выражением умственной деятельности: ср. в NS: *Onpas siinä päätä, meidän pojassa* 'Парень-то наш с головой на плечах', *päättön* букв. 'безголовый', т. е. 'без соображения, не соображающий', об умном говорят, что у него *terävä pää*, букв. 'острая голова', *loistava pää* 'блестящая голова', *hyvä pää* 'хорошая голова', у глупого *tylsä* 'тупая', *kehno* 'негодная', *kova* 'твердая', *huono pää* 'плохая голова'. Человек небольшого ума называется сложными словами *jästipää* 'болван' (букв. дрожжи-голова), *raksupää* 'твердолобый', *riigorää* 'дурак' (букв. каша-голова), *rölkkurää* 'дурак' (букв. голова-чурка), *röllörää* 'глупец' (букв. свиная голова), *rässinpää* 'болван' (букв. баранья голова), *höyurää* 'сумасброд' (букв. пар в голове), *kaistarää* 'сумасшедший' (словарная статья *rää* в NS). Список может быть дополнен фразеологическими оборотами: *ruulla päähän lyöty* 'бревном по голове ударенный', (*lukea että*) *pää höyryä* 'пар из головы', *pää on sekaisin, olla pää pyörällä* 'голова кругом', *päänsä palelluttanut* 'глупый' (букв. 'отморозивший голову') и т. д.

В народном сознании, очевидно, существует подспудное представление о большой голове как умной, вмещающей много мыслей, однако это представление выражено в языке не столько прямым образом, сколько через целый ряд выражений, построенных на несоответствии размера головы и ее содержимого: в литературном языке *iso pää ja vähän järkeä*, в говорах соответственно *suuri pää ja vähän najua* 'большая голова, да ума мало' (*naju* 'ум' < рус. 'знаю'). Его же можно увидеть в качестве основы следующих метафор:

kollorää 'большая круглая голова': *Suuri pää ja vähä mieltä, on semmone kollorää* (Marjoniemi) 'Голова большая, ума только мало, такой уж он дурень';

juminkurikka 'человек с большой головой' / 'простак': *Peä on kum mikä juminkurikka* (Kuhmo) 'Голова как какая-то дылда';

kolhopää 'человек с большой головой, производящей впечатление угловатой' / 'болван, дурак';

komopää 'большая голова' / 'глупый человек', **komtorpää** 'бестолковый, болван': *Ei se mittee ymmärrä, soon semmonen komopее!* (Ikaalinen) 'Ничего он не понимает, он ведь глупый!'; *Sin ot semmonen komtorpee* (Jämsä) 'Ты такой недотепа';

lanttupää 'лысый, глупый человек с большой головой' / 'тупой': *Siul pää ko lanttu nii paksu ja nii tuhma* (Heinäjoki) 'твоя голова как брюква, большая и такая же дурая';

luupää 'большая голова; лицо с высокими скулами' / 'дурак': *Se luupää ei kuule, eikä huotaa* (Jokikylä) 'Этот дурак ничего не слышит и не замечает'.

По-видимому, допустимо предполагать в качестве одного из внутренних мотивов появления связки большая голова – глупая голова идею пустой головы, которая просматривается, например, в *komopää*, ср. *koto* 'полый, пустой внутри (напр., о стволе дерева)'

В языке есть определенные указания на то, что маленькая голова может ассоциироваться с глупой: *Onpa se neuvo kotoisin miehen kallosta vaan ei hatsaleen ämmän pääkkösestä* [Kivi] 'Вот этот совет рожден мужской головой, а не головешкой глупой бабы', где *pääkkönen* 'маленькая голова'.

Такие, казалось бы, второстепенные детали в разговоре об интеллекте, как прическа или одежда, участвуют в формировании образа финского дурака. Взъерошенные волосы, торчащие подобно перьям, добавляют какому-либо бестолковому человеку комичности, из финских диалектов нам известны лексемы *kahnapää, kohno, kohnopää, kohnupää, pöllö*, которые среди прочих своих значений сочетают указания на глупость и неаккуратную прическу. Неопрятность внешнего вида проецируется на прочие качества объекта, в совокупности с другими компонента-

ми создается образ несобранного, бестолкового или глупого человека:

kohno 'человек с лохматой, взъерошенной головой' / 'потешный': *Kamppraan nym ne hiukses ettei niin ook kohdollans* (Vampula) 'Причесу волосы, чтобы не были такими лохматыми'; *Mää oon tavallisen kohno ihminen, semmonel lyhytjärkinen konnen tota (asiaa) nym muistanu* (Vampula) 'Я же обычный дурной человек с короткой памятью, вот и не помню этого (дела)'; *Et mää niin kohnoi ol mitä tei luulette!* (Vihti) 'Я не такой болван, как вы думаете!'.

Помимо отмеченной выше внешней мотивации возможна и внутренняя, связанная с «непричесанностью», спутанностью, взъерошенностью мыслей, свойственной умственно неполноценным (ср. *sekavat ajatukset* 'путанные мысли', *mennä sekaisin* 'помешаться').

Глаза – зеркало не только души, принято считать, что в них также отражается интеллектуальный уровень человека. Бессмысленный, пустой взгляд является показателем такой же пустой головы. Поэтому описания глаз, взгляда часто употребляются в выражениях, отмечающих острый ум или же его недостаток или отсутствие. Данный смысловой перенос универсален, метафоры, указывающие на глупый, пустой, бессмысленный, отсутствующий и т.п. взгляд, встречаются в русском, немецком, английском и в других языках. В финской языковой традиции описанию взгляда также свойственны перечисленные характеристики.

Tyhjä katse silmissään, itseksi ihan osaamaton 'Пустота в глазах, и сам он совсем бестолковый'.

Aika ontto katse tällä kaverilla on 'Довольно пустой взгляд у этого парня'.

En mä pidä siitä... tyhmäkin katse sillä on 'Не нравится он мне ... и взгляд у него глупый'.

В диалектах финского языка бытуют лексемы *pöllö* и *ölliskö*, которые помимо своих первичных значений содержат коннотативную сему *тупой взгляд* и обладают образной семантикой *глупый человек*.

Лексема *pöllö* в прямом смысле обозначает сову, в переносном же указывает на дурака. Причины столь оригинального видения образа совы в финской традиционной культуре заслуживают отдельного изучения. Здесь же сосредоточимся на одном из наиболее характерных признаков совы – больших круглых неподвижных глазах, с которыми может сравниться взгляд человека:

Silmät ko tarhapöllöllä 'глаза, как у совы'.

Katsoo kuin pöllö 'смотри как сова'.

При этом неназванный взгляд воспринимается в отрицательном контексте: неподвижный взгляд как знак того, что в голове нет мысли, нет ума. Глаза совы ассоциируются у финнов с удивлением, изумлением и глупостью. Образованный от *pöllö* глагол *pöllöttää* означает 'выглядеть нелепо, глупо уставиться':

Äänettöminä he pöllöttivät kumpikin rinnaltaan 'Оба молча уставились, стоя рядом'.

Silmät pöllöllään pyöreinä 'По-совиному круглые глаза'.

Koululaiset ovat silmät rörpeillään niinku pöllöi 'Школьники с круглыми, как у совы, глазами'.

В этот ряд уместно привести и другие диалектные примеры, в которых взгляд больших неподвижных глаз воспринимается как знак глупости:

Silmät kuin tarhapöllöllä 'Глаза, как у лесной совы'.

Pöllö istuu ja silmät muljehtelevat 'Дурень сидит, глаза навывкаме'.

В финских говорах зафиксирован целый ряд именных производных от основы *ölle-/öllä-*, связанных с обозначением тугодумов: ***ölli, öllerö, ölliskö, öllikkä, öllikkö*** (SKES):

Kyl se o aika ölli, ei se mittää hoksa (Kuolemajärvi) 'Он довольно глуп, ничего не соображает'.

Se on semmonen ölliskö, ettei se tiäm mitään (Kannus) 'Он совсем глупый, ничего не знает'.

Seisuu suu auk eikä hoksa mitään se öllikkä (Hankasalmi) 'Смотрит, рот открыт, и ничего не соображает этот дурень'.

Ko monta yötä valvoo, ni tulloo iha oliköks (Kihtelysvaara) 'Когда несколько ночей не спишь, такой становишься отупевший'.

При этом они несут в своем содержании сему 'большой, крупный', напр., о крупном овоще: *Voi kun perunat on kasvaneet valkeita öllisköit* (Kuhmo) 'Картофелины выросли такие белые дылды' или о больших, широко открытых глазах, свойственных образу глупого человека: *Sen silimät on semmoset öllisköt* (Sotkamo) 'Глаза у него, как шары'. Тем самым проявляется внутренняя связь между понятиями 'умственно неполноценный' и 'широко открытые глаза'.

К этому стоит добавить, что рассматриваемая основа образует глагольные производные ***öllöttää, öllistellä*** со значением 'смотреть неподвижным взглядом, широко открытыми глазами, тупо уставившись', тем самым отражающие свойственные умственно неполноценным людям особенности взгляда:

Öllistelet ulos, etkä kuule mitä puhuttaa! (Nastola) 'Глазеешь налицу и не слышишь, что говорят!'.

Silmät öllöttivät tajuttomina juopuneen rengin päässä (NS) 'Глаза бессмысленно пялились с лица пьяного слуги'.

Вместе с упомянутым выше ***pöllöttää***, а также глаголами ***tollottaa, töllöttää, möllöttää*** 'смотреть неподвижным взглядом, широко открытыми глазами, тупо уставившись', связанными ге-

нетически с именными основами и производными, имеющими семантику ‘глупый, недалекий’ (*tollo, töllö, töllerö, möllö*), они отражают свойственные умственно неполноценным людям особенности взгляда:

Mitä pöllistelet sormi suussa kahtelet! (Himanka) ‘Что ты пялишься, смотришь, аж палец во рту!’.

Se töllistelee ku lehemä uutta konttija (Kerimäki) ‘Уставился как баран на новые ворота’ (букв. как корова на новую котомку).

Мы рассмотрели лексемы, относящиеся к физиологическому коду, а также выявили некоторые проявившиеся сквозные и частные мотивы образной номинации. Исследование лексики, проведенное одновременно на уровнях тематических кодов и внутренней мотивации, позволяет наблюдать появление и развитие метафор, то есть охарактеризовать логику носителя языка в момент вторичной номинации, объяснить причины его обращения к той или иной принятой в данной культуре номинационной модели.

Список литературы

Березович Е. Л., Леонтьева Т. В. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)* / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.

NS – *Nykysuomen sanakirja*. I – VI. Porvoo; Helsinki; Juva, 1979.

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VI. Helsinki, 1955–1978.

SMS – *Suomen murteiden sanakirja*. I–VII. Helsinki, 1985–2003.

Проблемы инвентаризации и описания единиц повседневного речевого общения на финском языке в сопоставлении с русским

Одним из направлений научной деятельности кафедры финского языка факультета иностранных языков КГПУ является «Коммуникативно-функциональное описание финского и русского языков в сопоставительном аспекте». В рамках данного направления решаются следующие задачи:

- коммуникативное и функциональное описание финского языка в целях преподавания его как иностранного русскоязычной аудитории;

- разработка технологии формирования коммуникативной компетенции разных уровней во всех видах речевой деятельности у учащихся средней школы и студентов ФИЯ в области финского языка как иностранного;

- создание учебных материалов для формирования коммуникативной компетенции во всех видах речевой деятельности, которые позволят удовлетворить коммуникативные потребности учащихся средней школы и студентов ФИЯ, изучающих финский язык как иностранный.

Целью коммуникативно-функционального описания является представление языка в форме, наиболее характерной для естественной выразительности речи его носителей. Минимальной единицей такого описания становятся стандартные языковые выражения – конвенциональные высказывания, характеризующиеся устойчивостью синтаксического построения, а также наличием в их структуре указательных элементов, отсылающих к коммуни-

кативной ситуации. Как правило, они образуют реплики диалога в виде блоков, которые усваиваются в готовом виде или создаются по продуктивным моделям. Подобные единицы повседневного речевого общения на финском и русском языках поддаются инвентаризации, сопоставлению и представлению в форме финско-русского словаря речевого общения.

В рамках заявленной темы на кафедре финского языка ФИЯ КГПУ проводятся исследования по следующим аспектам:

- коммуникативные тактики, обслуживающие ситуации выражения просьбы в финском и русском языках (Князева Ю. А., Храмцова О. А.),

- особенности моделирования речевого акта квеситива в финском и русском дискурсе (Мухина М. А., Храмцова О. А.),

- вербальные факторы речевого воздействия на адресата в финском и русском языках (Некрасова В. А., Храмцова О. А.),

- формы и способы репрезентации эмоций в современном финском языке в сопоставлении с русским (Яковлева А. Е., Храмцова О. А.),

- использование конвенциональных языковых средств при передаче значений финских прагматических частиц на русском языке (Шлык Т. В., Храмцова О. А.),

- семантика и прагматика неинформационного речевого акта вокатива в финском и русском языках (Дёмина М. В., Храмцова О. А.),

- лексико-грамматические средства выражения эпистемической модальности в финском и русском языках (Зарецкая О. А., Храмцова О. А.).

Полученные предварительные результаты исследований по данным аспектам позволяют, в первую очередь, обозначить ряд проблем, возникающих в процессе коммуникации на финском языке между носителями языка и обученными данному языку как

иностранному и во многом определяющих процесс коммуникативно-функционального описания финского и русского языков в сопоставительном аспекте.

Наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие проблемы:

1. Расхождения в социальных характеристиках участников одних и тех же коммуникативных ситуаций на финском и русском языках, а также несовпадение исходных предположений относительно их установок, намерений и ожиданий.

2. Несовпадения в использовании дейктических языковых элементов и невербальных средств коммуникации.

3. Различная степень клишированности языковых выражений в финском и русском языках.

Первая проблема проявилась достаточно ярко при проведении сопоставительного анализа коммуникативных тактик, обслуживающих ситуации выражения просьбы в финском и русском языках (Князева Ю. А., Храмцова О. А.). Например, было установлено, что носители финского языка чаще всего избегают прямого воздействия на адресата и, независимо от регистра общения, предпочитают прямым императивным высказываниям косвенно-вопросительные: *Onko sinulla kynää? Voisitteko vastata tähän kyselyyn?* В свою очередь, носители русского языка используют прямые просьбы независимо от регистра общения: *Открой мне дверь, пожалуйста. Извините, откройте, пожалуйста, дверь.* Для придания просьбе вежливой формы носители финского языка предпочитают использовать утвердительные вопросительные конструкции: *Heitätkö mut asemalle? Voisitko avata oven?* Носители русского языка чаще прибегают к вопросительным конструкциям с отрицанием: *Не подкинешь меня на вокзал? Вы бы не могли открыть дверь?* Финны крайне редко используют отрицание в речевом акте просьбы.

Было установлено, что среди просьб на финском языке в определенных ситуациях встречаются вопросительные конструкции с направленностью на говорящего, например: *Saanko kynän? Saisinko kyysin junalle?* Данная коммуникативная тактика используется носителями финского языка для понижения степени коммуникативного воздействия на адресата. В русском языке подобные конструкции практически не употребляются. На наш взгляд, такие различия обусловлены, прежде всего, экстралингвистическими, в т. ч. культурными, факторами. Финскому обществу с учетом специфики социальной структуры и семейного уклада присущи неконформистские западные ценности, предполагающие стремление к достижениям, самостоятельности, независимости, уверенность в себе, уважение взглядов и интересов других. Неконформистские установки финнов проявляются, в частности, в том, что они предпочитают говорить от первого лица, подчеркивать при помощи форм 1 лица ед. ч. свое участие в каком-либо деле и свою ответственность за его результаты, что является одним из способов понижения коммуникативного воздействия на адресата в СФЯ. В российской культуре с опорой на русский язык традиционно формируются конформистские ценностные установки, предполагающие коллективизм, взаимопомощь, ориентацию на традицию и т. д. Конформистские установки русских проявляются, в частности, в том, что в ситуации просьбы предпочтение отдается формам 2 лица (расчет на взаимопомощь) или безличным формам (апеллирование к судьбе). Форма первого лица в русском языке, в отличие от финского, в ситуации просьбы, на наш взгляд, не только не снизит коммуникативного воздействия на адресата, но и многократно его увеличит. Попробуйте отказать человеку, обратившемуся к вам с просьбой: *Я возьму твою ручку?*

Таким образом, формально сопоставимые в финском и русском языках единицы повседневного речевого общения на самом деле могут существенно различаться по скрытому в них социокультурному коду, для выявления которого необходим специальный прагмалингвистический анализ. Здесь мы сталкиваемся с проблемой учета национальных социокультурных стереотипов речевого общения в процессе коммуникативно-функционального описания иностранного языка. Установление соотношения между инструментальной и вербальной сторонами деятельности представителей определенной национальной культуры позволило бы разработать процедуру выявления национальных социокультурных стереотипов речевого общения с целью включения их в процесс обучения общению на иностранном языке.

Вторая проблема, влияющая на процесс коммуникативно-функционального описания финского и русского языков в сопоставительном аспекте, связана с различиями в использовании дейктических языковых элементов и невербальных средств коммуникации. Данная проблема была выявлена, в частности, при проведении анализа вербальных факторов речевого воздействия на адресата в современном финском языке. Результаты анкетирования носителей финского языка показали, что одним из самых распространенных средств установления контакта в современном финском языке является междометие *Hei!*: *Hei. Soita huoltoon, jos ehdit. / Hei! Muista ruokkia kalat joka päivä! / Hei! Muistuttaisin siitä, että minulla on uusintakoe huomenna. / Hei, laitapa enemmän vaatetta päälle. Ulkona on kova pakkanen. / Hei, lähdetään pyörälenkille! / Hei, kävisikö esitelmän aiheeksi Pink? / Hei! Mihin olet menossa? Haluatko kyydin? / Hei voisinks mä olla avuks?* В русском языке практически отсутствуют способы адекватной передачи данной интеръекционной единицы. Более того, *Hei!* может ассоциироваться у носителей русского языка со стилистически

маркированным междометием *Эй!*, которое привносит в высказывание оттенок пренебрежительного отношения говорящего к адресату, используется как стилистически-сниженный оклик или как просторечная и грубовато-фамильярная форма обращения: *Эй, (ты)!* В таких случаях коммуникативно-функциональное описание сопоставляемых в финском и русском языках единиц речевого общения должно включать в себя специальный прагматический комментарий.

В современном финском языке расширение узкого круга основных типов актов коммуникации происходит, в частности, за счет применения в прагматических целях таких конвенциональных языковых средств, как присоединительные частицы (*liitepartikkelit*). В задачи нашего исследования входило выявление и описание единиц речевого общения, грамматическая структура и семантика которых базируется на использовании прагматического потенциала данных дейктических языковых элементов, а также представление этих единиц в виде продуктивных моделей порождения высказывания на финском языке. В результате нами был составлен фрагмент финско-русского словаря речевого общения в разделе «неодобрение / недовольство», в который мы включили синтаксически и коммуникативно открытые формы, позволяющие субъекту речи выразить свое недовольство внешними обстоятельствами, повлиять на которые он не в силах, осудить чьи-либо действия, указывая на невозможность подобного для себя, и т. д. Материалы словаря могут быть использованы в специально разработанной системе заданий и упражнений, на которой будет базироваться формирование у обучаемых речеповеденческих стратегий, составляющих основу т. н. межкультурной компетенции. Прагматический характер функционирования присоединительных частиц в современном финском языке обуславливает их использование как конвенционального языкового

средства реализации речевых актов и требует применения адекватных конвенциональных способов трансляции на русский язык. К сожалению, довольно часто в практике преподавания финского языка как сами присоединительные частицы, так и их прагматический потенциал игнорируются, что может стать причиной т. н. коммуникативной неудачи.

Третья проблема, связанная с инвентаризацией и описанием единиц повседневного речевого общения на финском языке в сопоставлении с русским, обусловлена различной степенью клишированности соответствующих языковых выражений в финском и русском языках. Наиболее ярко она может быть проиллюстрирована материалами исследований, посвященных особенностям моделирования речевого акта квестива в финском дискурсе (Мухина М. А., Храмова О. А.), а также формам и способам репрезентации эмоций в современном финском языке (Яковлева А. Е., Храмова О. А.). В первом случае финским респондентам было предложено адресовать вопрос незнакомому человеку в достаточно конкретной ситуации, например, предлагалось узнать стоимость почтового конверта. Удивление вызвал тот факт, что из 31 опрошенного только 2 воспроизвели речевой стандарт: *Paljonko kirjekuori maksaa?* Остальные варианты в той или иной степени отличались от него по своему лексическому и грамматическому оформлению: *Anteeks, paljo kirjekuori maksaa? Anteeksi, paljonkohan kirjekuori maksaa? Hei, minkähän hintainen tämä kirjekuori on? Hei, paljo tätä maksaa? Minkä hintaisia nämä kirjekuoret ovat? Miten paljo tällainen kuori maksaa? Paljonkohan maksaa yks tuommonen kirjekuori?* и др. То же самое наблюдалось при анализе форм и способов репрезентации эмоций в финском языке. Например, респондентам предлагалось эмоционально отреагировать на сообщение друга о том, что с ним произошла какая-то неприятность. 28 опрошенных предложили 20 различных

вариантов: *Voi sinua! Voi sinua pientä raukkaa! (No) voi harmi! (No) voi surkea! Tosi ikävää! Aivan kamalaa! Voi että! Voi ei! Ei ole totta! Onpa kamalaa! Eikä!* Таким образом, в большинстве случаев инвентаризация и описание единиц повседневного речевого общения в заданной коммуникативной ситуации не сводились к предъявлению наиболее частотных вариантов, а требовали отдельного рассмотрения каждого речевого образца с подбором адекватных соответствий в сопоставляемом языке. Только при изучении речевого акта квеситива мы прибегли к процедуре моделирования, которая сводилась в основном к установлению наиболее продуктивных средств контактоустановления и способов достижения иллокутивной цели. Например, в ситуации, когда субъект речи вынужден обратиться к незнакомому человеку на улице с просьбой показать или объяснить дорогу, чаще всего как средство установления контакта используются диктема *anteekis, voisitteko sanoa*, локуция *minä-päästä-mihin* и индикатив как основной способ достижения иллокутивной цели. Типичной для данной ситуации реализацией речевого акта квеситива в СФЯ является фраза: *Anteeksi, voisitteko sanoa, miten pääsen (mihin?)...*

В определенной степени все перечисленные выше проблемы являются препятствием для создания готового финско-русского словаря речевого общения, но они ни в коей мере не исключают саму возможность инвентаризации и коммуникативно-функционального описания единиц повседневного речевого общения на финском языке в сопоставлении с русским. Результаты такого сопоставительного анализа могут быть обработаны и представлены в виде учебно-методических материалов, дающих учителю финского языка как иностранного возможность использовать и варьировать на уроке аутентичные речевые образцы в различных коммуникативных ситуациях.

Фамилии представителей привилегированного сословия Финляндии в XVII–XVIII вв.

«Раздел ономастики, изучающий имена людей, их происхождение, эволюцию и закономерности их функционирования» называется **антропонимикой** (Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, 36). **Антропоним** – это любое имя собственное, которым зовется человек: имя личное Matti, Kaisa, Simo; фамилия Piironen, Rantalainen, Koivisto; прозвище Jänis 'заяц'; псевдоним Juhani Aho (настоящее имя писателя Johannes Brofeldt).

Первоначально антропонимы-прозвища синтетически объединяли в себе современное имя и фамилию. **Антропонимы** – это слова, связанные друг с другом генетически, обладающие общими основами: личные имена «выкристаллизовываются из прозвищ, и те и другие служат источниками фамилий. Фамилии могут стать основами прозвищ и личных имен» (Суперанская А. В., 1986, 25).

Антропонимика занимается исследованием информации, которую может нести имя: характеристику человеческих качеств, связь человека с отцом, семьей, сведения о роде занятий, национальности, происхождении, сословии. Например, финская фамилия Vepsäläinen образована от апеллятива vepsä, указывающего на национальность человека (vepsä “вепс, вепсский”). В основе финской фамилии Lihavainen лежит указание на внешнюю характеристику человека, а именно физическую полноту, тучность (lihava “полный, тучный”). Фамилия Rappinen является примером образования фамилии от названия рода занятия человека – rappi “священник”.

Антропонимика также изучает **функционирование** антропонимов в речи, а именно номинацию, идентификацию, дифференциацию, смену имен, связанную с возрастом, изменением общественного или семейного положения, жизнью среди представителей другой национальности, вступлением в различные общества и т. д.

Антропонимическая система разных стран и народов национально окрашена и поэтому может служить лингвострановедческим источником информации. Мотивация при именовании людей «является важным признаком своеобразия народного самосознания, его менталитета» (Керт Г. М., 2002, 16).

Особенности образа жизни, политическая, экономическая и социальная обстановка в стране, принадлежность человека к определенному сословию, моральные и нравственные представления отражаются непосредственно на языке и антропонимической системе. Это дает исследователю возможность проследить специфику определенного языка.

Антропонимы выполняют определенные функции в языке, главная из которых заключается в идентификации одного человека от другого. С присвоением новорожденному человеку имени и фамилии происходит его легализация в обществе. Часто антропонимы указывают на социальное положение человека в обществе, его принадлежность к определенной социальной группе. Часто в антропонимах, особенно это касается человеческих прозвищ, отражаются какие-либо специфические особенности конкретного человека. Кроме того, антропонимы, указывающие на родство, в отдельных случаях помогают распознать родственников и неродственников.

Далее нами будут рассмотрены более подробно такие антропонимы, как **фамилии**. В соответствии с современным законодательством Финляндии у каждого гражданина страны должна

быть фамилия. Однако так было не всегда. Обязательное присвоение каждому человеку фамилии появилось в Финляндии только в 1920 г. в связи с появлением и вступлением в силу соответствующего закона о фамилии. Новый закон предписывал каждому гражданину обязательное ношение фамилии. Действительно, к этому моменту у финнов еще не было фамилий. В случае, если человек не сообщал о взятой им фамилии, священник должен был самостоятельно определить ее для этого человека. То, что людей, не имеющих фамилии, было в то время действительно много, связано со многими историческими и культурными обстоятельствами. Мы не можем говорить о едином, великом, доисторическом фамильном прошлом всего финского народа.

Изучая прошлое, становится понятным, почему антропонимист толкует следующее на письме за личным именем слово как фамилию. Основным признаком фамилии является ее **передача по наследству**. То, что в финских церковных книгах долгое время было обозначено имя дома, не доказывает, что именно это имя использовалось в качестве фамилии. Если имя хозяина менялось при смене дома (переезде в другой дом), то в таком случае речь еще не идет о фамилии, а только о прозвище. Поэтому когда мы говорим о населении западной Финляндии предыдущих столетий, правомочней использовать термин «прозвище».

В научных трудах по антропонимии Северных стран в 1980 г. давалось следующее определение фамилии. **Фамилия** – «это прозвище, которое сохраняется в одном роду на протяжении трех поколений» (Paikkala S., 1997, 4–10, перев.). По мнению исследователя Сиркки Пайккала, это определение является неполным, и неполнота его заключается в том, что оно касается только какого-то отдельного имени, а не всей системы имен в целом. Остается неясным также и то, является ли наследственная преемственность имен изучаемой группы людей в момент рассмотрения регуляр-

ной. Какую функцию стало выполнять имя с появлением системы имен? Иногда представляется особенно сложным проследить на практике передачу имен по наследству. Прозвище, которое по каким-либо причинам (ввиду профессии, при наследовании внешних черт человека или дома) переходит от одного поколения к другому, не всегда возможно считать фамилией. Финский исследователь Сиркка Пайккала предлагает свое определение фамилии, согласно которому **фамилия** – это «прозвище, принадлежащее к системе имен и выполняющее функцию указания на определенный род» (Paikkala S., 1997, 4–10, перев.).

Как известно, территория Финляндии является местом **столкновения западной и восточной культур** ввиду своего срединного географического положения между Востоком и Западом. Это культурное раздвоение отражается также и на практике номинации людей. С точки зрения использования фамилий Финляндия делится на два главных территориальных направления:

1 – восточное (провинции Саво и Северная Карелия). Отличительной чертой фамилий на этой территории является их регулярная передача по наследству, начиная с середины XVI в. Система сохранялась в неизменном виде почти на всей территории Саво и в Карелии как во времена Шведского господства, так и в период автономии.

2 – западное. На западе Финляндии долгое время сохраняется традиция использования прозвищ. Имя дома по образцу с прозвищем служило средством идентификации его жителей, выделения из группы других людей. При переезде семьи в другой дом имя прежнего дома сохранялось за членами данной семьи. Имя нового дома семья также наследовала.

Существует также и **другая классификация финских фамилий**, не связанная с территориальным делением страны на восточную и западную части. Критерием деления людей на груп-

пы является их **социальный статус** в обществе. Таким образом, выделяют фамилии представителей привилегированного сословия и фамилии людей, объединенных одной сферой деятельности.

В течение шести столетий, вплоть до 1809 г., Финляндия находилась в составе Шведского государства. В XVI–XVII вв. Швеция считалась великой европейской державой. Манера духовенства, буржуазии, чиновничества и континентального (европейского) дворянства использовать фамилии распространилась также и в привилегированных кругах Финляндии. Державная Швеция пыталась сделать Финляндию «шведской», и привилегированное финское общество больше всего впитало в себя шведские черты. Шведский язык являлся долгое время языком просвещения, образования, государственной власти Финляндии. Это не могло не отразиться и на финском именнике. Именно в этот период очень быстро увеличивалось количество фамилий и прозвищ не финского происхождения.

Ношение иноязычного имени придавало определенный «статус», который был обязателен для каждого, кто желает преуспеть. Представители высшего сословия, а именно дворяне, представители духовенства, а также чиновники, ремесленники, торговцы, использовали фамилии, соответствующие их сословию или сфере профессиональной деятельности. Привилегированные слои населения Финляндии носили исключительно **шведские фамилии**. Самые распространенные из них оканчивались на -berg (напр. Lundberg), -man (напр. Wikman), -felt (напр. Armfelt), -gren (напр. Appelgren). Фамилии на -der (напр. Melander), -ing (напр. Elfving) и -ius (напр. Salenius) встречались реже остальных. Фамилии дворян стали передаваться по наследству. Примерами шведских фамилий, образованных от личного имени отца или

деда, являются Johansson (>Johan), Karlsson (>Karl), Henriksson (>Henrik).

Имена представителей буржуазии и духовенства не были изначально постоянными, ибо могли меняться в течение жизни, но уже к концу XVII в. прозвища приобрели статус фамилий, передаваемых наследственным путем.

Влияние Шведской державы на разные сферы общественной жизни было поистине огромным. В середине XVII в. усилилась **шведизация Финляндии**, которая при короле Карле XI (годы правления 1660–1697) была фактически превращена в совокупность рядовых губерний. С целью закрепления власти на окраинах империи, финскому населению в обязательном порядке давали шведские фамилии. Например, фамилия Rekonen превратилась в Rolig. Возможно, замена фамилий происходила на основании созвучности финской и шведской фамилий. Другие фамилии сознательно сокращали или трансформировали. Например, финская фамилия Härmäläinen (härmäläinen ‘житель провинции Хяме’) превратилась в фамилию Hägg, Venäläinen (venäläinen ‘русский, русская’) – Vänberg.

Часть фамилий привилегированного сословия были образованы от **названий местности (ойконимов)**, например, фамилия Tammela была образована от омонимичного топонима Tammela, который, в свою очередь, был образован от апеллятива tammi ‘дуб’ (Suomen aatelis- ja säätyläissukujen alkuperä, перев.). Фамилии типа Tammela представляют особый интерес для исследователей, так как являются наглядным примером сочетания и взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. С одной стороны, сложное слово образовано путем **словосложения**, что является типичным для словообразования в прибалтийско-финских языках, где первый компонент сложного слова – финское слово tammi ‘дуб’, а второй lander – заимствова-

ние из шведского языка land ‘земля’. Таким образом, составные части слова являются разными по своему происхождению.

Шведы были участниками многочисленных военных кампаний, и поэтому профессия военнослужащего была престижной и почетной, говорила о высоком статусе человека. Вследствие реорганизации военных учреждений в 1690-х г., появился новый виток в системе прозвищ, образованных от особых **солдатских имен**. Чаще всего фамилии военнослужащих были шведского или немецкого происхождения. Эти имена предназначались только для того военнослужащего, который в данный момент имел воинскую обязанность. Когда на службу приходил новый солдат, он мог «наследовать» имя предыдущего солдата или получить новое воинское имя. Солдат носил это имя только во время прохождения службы в определенный момент времени, дальнейшее его ношение не предполагалось. Анализируя финские фамилии, мы использовали словарь финских имен и фамилий – Suomalainen nimikirja. Проиллюстрируем все вышесказанное на конкретных примерах солдатских фамилий. Например, солдатская фамилия Кнаарі заимствована финским языком в средние века с севера Германии. Слово knabbe/ knappe в переводе с немецкого языка обозначает ‘военнослужащий’ (Кнаарі→ нем. knabbe / knappe – sotilaspalveluksessa oleva asemies, sotilaspalvelija ‘военнослужащий’). Впоследствии фамилия была адаптирована финским языком и получила форму Кнаарі.

Pantsar – это пример финской фамилии, образованной от прозвища, которое давалось оружейному мастеру или солдату. По данным словаря Suomalainen nimikirja, происхождение слова Pantsar может быть связано с названием местожительства – Pantsarlahti. Ойконим, составленный посредством словосложения двух основ существительных (посессивная конструкция) pantsar ‘броня, укрепление’ и lahti ‘залив’. Подразумевалось, что залив

был опоясан скалами со всех сторон, и поэтому служил своеобразным панцирем, броней для залива. Таким образом, перед нами пример фамилии, образованной путем **частичной трансонимизации**, то есть перехода с класса ойконимов в класс антропонимов.

В провинциях Северной Карелии и Саво значительная часть иноязычных солдатских имен и фамилий ремесленников оставались неизменными, но, конечно, не всегда. Один и тот же человек мог в церковных книгах выступать под исконной финской фамилией, иногда новой иноязычной или под обеими. В целом дети военнослужащих использовали настоящие фамилии своих отцов, но в некоторых случаях, например, когда сын продолжал военную карьеру отца, данное в обязательном порядке солдатское имя сохранялось за сыном. Это могло распространяться на 2–3 поколения. Некоторые солдатские фамилии сохранились и до сих пор.

В военном полку провинции Саво в период после 1721 г. шведские офицеры давали финским солдатам шведские фамилии, так как не хотели произносить их по-фински. В основном давали **имена животных по карельскому образцу**. Например, шведская фамилия Domherre в переводе на финский означает tilhi ‘свиристель’, Oxe – härkä ‘бык’, Hjerpe – ruu ‘рябчик’ и Ekorre – orava ‘белка’. Часть фамилий была образована от названий растений, например: Roos – ruusu ‘роза’, цвета Grön – vihreä ‘зеленый’, военных терминов, названий военного снаряжения и инструментов: Ståhl – teräs ‘сталь’, Hammar – vasara ‘молоток’. Рассматривая эти антропонимы с точки зрения их семантики, можно заметить, что основу большинства фамилий составляют **антропонимы, образованные от явлений и предметов природы**. Использовать в качестве производной основы слова явления, встречающиеся в живой и неживой природе, характерная черта почти всех наро-

дов мира. Именно поэтому этот материал можно назвать в определенной степени универсальным.

Позднее распространилась тенденция называть людей в соответствии с присущим им определенным качеством характера или особенностью внешности, чаще всего с целью поглумиться над его носителем. Так, например, род Svinhufvud (> *sianpää* 'свиная голова') получил свое название по имени уродливого финского солдата, над которым насмеялся шведский король, называя его свиной головой (Suomen aatelis- ja säätyläissukujen *alkuperä*, перев.). Будучи изначально человеческим прозвищем, оно постепенно могло стать основой для образования фамилии. Таким образом, перед нами пример фамилии, образованной путем онимизации апеллятива *sianpää*.

По примеру шведов некоторые западные финны отказывались от своих исконно финских фамилий, и в таких случаях недогадливые священники записывали за этими людьми не только что принятые ими шведские фамилии, а названия их земельного участка или заносили в свои книги имя отца человека. Эта тенденция была, прежде всего, обусловлена географическими факторами. Территориальная близость Стокгольма, столицы Швеции, с западной частью Финляндии сыграла решающую роль. Позднее, когда ношение фамилии стало почетным, всем желающим давались шведские фамилии. Кроме того, исконные фамилии финнов могли быть подвержены **искажению**. Например, заметно исказилась финская фамилия Laitinen, превратившись в фамилию Dunder, Moilanen – Ferm (Suomen aatelis- ja säätyläissukujen *alkuperä*, перев.).

Следует отметить, что в некоторых случаях происходила также замена «родной» восточной фамилии иноязычной, например, при поступлении человека на военную службу или принятии им церковной должности, при становлении им ремесленником или

мещанином, иногда при отъезде человека на заработки в город. С одной стороны, фамилия менялась отчасти потому, что статус иноязычного имени был выше. С другой стороны, это было связано с тем, что носителей старых одинаковых финских имен и фамилий в определенной местности было огромное количество. При этом обратной смены фамилии уже, как правило, не происходило.

Таким образом, в ходе работы нами была сделана попытка рассмотреть, что представляли собой фамилии привилегированного сословия Финляндии в XVII–XVIII вв. и каковы были основные способы присвоения этих фамилий. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Представители привилегированных сословий Финляндии носили преимущественно шведоязычные фамилии, соответствующие их профессии и социальной группе, которые начали постепенно передаваться по наследству. Впитав в себя многочисленные шведские черты, финская элита стремилась подчеркнуть свое особое положение в обществе и при помощи иноязычной фамилии, которая, как считалось, придавала человеку более высокий статус.

Особый интерес для нас представляют фамилии, образованные от различных прозвищ, в основе которых лежат отличительные черты характера или внешности человека, а также особые солдатские имена немецкого и шведского происхождения. Проанализировав примеры этих фамилий, следует отметить, что пополнение антропонимической системы осуществлялось в основном за счет онимизации апеллятивов, заимствования готовых основ из других языков, а также трансонимизации, то есть переноса с одного ономастического класса в другой.

С течением времени мода на ношение иноязычной фамилии проникла и частично распространилась на территории восточной Финляндии, где к тому времени довольно прочно закрепилась

уже имеющаяся система восточных фамилий, регулярно передаваемых по наследству.

Если изначально иноязычной фамилией в Финляндии мог похвастаться только представитель привилегированного сословия, то в ходе усиления шведского великодержавия населению Финляндии обязательно присваивали шведские фамилии. Финские фамилии различными способами трансформировали и искажали так, чтобы они по своей форме напоминали шведоязычные. В армейской среде солдатам давались шведские фамилии, в семантике которых присутствовало указание на название животных, растений, инструментов и т. д.

Длительное нахождение Финляндии под влиянием великой шведской державы не способствовало становлению собственно финской национальной культуры, это влияние неизбежно отразилось и на системе именования людей, несмотря на то, что тенденции развития антропонимической системы внутри самой страны были весьма разнообразными. Именник финского народа воссоздает как историю отдельного человека, рассказывая об истории отдельной фамилии, так и историю всего народа в целом. Антропонимы, являясь богатым источником информации о культуре, истории такой страны как Финляндия, дают огромные возможности для дальнейших исследований.

Список литературы

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.

Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-русская, русская) / Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2002. 16 с.

Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 208 с.

Paikkala S. Sukunimet sukututkimuksessa. [http: //
www.genealogia.fi/nimet/nimi17s.htm](http://www.genealogia.fi/nimet/nimi17s.htm)

Paikkala S. Sukunimet sukututkimuksessa // Sukutieto. 1997. № 4.4.
10 s.

Suomalainen nimikirja // Suomen kielen sanakirjat 6. Keuruu: Otava,
1984. 925 s.

Suomen aatelis- ja säätyläissukujen alkuperä.

[http://www.suomalaisuudenliitto.fi/lippuvalistus/index.php?group=0000
0048&mag_nr=10](http://www.suomalaisuudenliitto.fi/lippuvalistus/index.php?group=00000048&mag_nr=10)

Тема сватовства в карельской и финской эпической традиции: к вопросу о единстве мотивов и образов

Возникновение карельской эпической традиции уходит своими корнями в далекое прошлое, время формирования рун относят к I тысячелетию н. э., т. е. к началу распада первобытнообщинного строя, хотя в песнях имеются и гораздо более древние пласты. До настоящего времени самими ранними записями эпических песен является материал, собранный финскими учеными в конце XVIII – начале XIX в. Знакомство с ним позволяет, по возможности, выявить ареал распространения и реконструировать многовековой путь развития карельской (шире – общей карело-финской) руны. По мнению финского этномузыковеда Х. Лайттинена, «в эпоху средневековья, вплоть до XVII в., руна была единственной настоящей песней, распространенной по всей территории проживания финского населения»¹. Изменения стали происходить только в следующем столетии: эпическая песня сначала ушла из репертуара исполнителей западной Финляндии, затем, в начале XIX в., руны стали постепенно исчезать в губернии Саво, в конце этого же столетия началось угасание традиции в Карелии и Ингерманландии. Материалов, подтверждающих активное бытование эпической руны на территории Финляндии, недостаточно. До настоящего времени сохранились лишь единичные уникальные рукописные источники, относящиеся к XVI в. Это песни, сочиненные финноязычными монахами, кото-

¹ *Laittinen H.* Suomen musiikki. Kansanmusiikin historia. Helsinki, 2006. S. 17.

рые были знакомы с древней эпической традицией и на ее основе слагали новые рунические тексты, сохраняя поэтический размер и стилистические особенности. Все остальные архивные материалы более поздние. Напомним, что особый интерес к народной поэзии в Финляндии возник только в XVIII в. во времена Портана и Сакари Топелиуса-старшего. Первые публикации эпических песен (а это сборник Топелиуса «Suomen kansan vanhoja runoja uppä myös nykyisempiä lauluja») подтолкнули финских ученых и любителей народной культуры к обширной собирательской работе, которая стала активно проводиться на рубеже XVIII–XIX вв. Результатом ее являются 33-томное издание «Древние руны финского народа» (SKVR, 1908–1948, 1997) и многочисленные рукописные неопубликованные источники, хранящиеся в Архиве Финского литературного общества. В сборнике SKVR представлены фольклорные записи, сделанные во всех губерниях Финляндии, а также в него включен материал из Беломорской, Олонецкой Карелии и Ингерманландии. Собственно эпических песен, записанных в Финляндии, немного. К тому времени руны уже утратили свое широкое бытование, уступая место новым песенным жанрам.

По-иному обстояло дело в Карелии, еще в первой половине XX в. руны можно было услышать практически в каждой карельской деревне. Исследователями принято разделять карельскую эпическую традицию по ареалам бытования, самостоятельно рассматриваются северно- и южно-карельская руны (песни). Причем район Беломорской Карелии является более обследованным, на этой территории зафиксировано огромное количество рун на различные сюжеты, найдены искусные исполнители. В сборнике SKVR северно-карельский материал представлен в 4 томах, это более 4648 рун. Южно-карельская эпическая традиция оказалась в центре внимания сравнительно позже, исследователи уделяли

меньше внимания территории проживания карелов-ливвиков по причине трудности понимания языка и из-за удаленности от финской границы. В сборнике SKVR южно-карельская поэзия представлена лишь в одном томе, насчитывается 1129 рун. Значительным дополнением к этому является материал, собранный карельскими учеными в Олонецкой Карелии уже в советское время, только на сюжет о сватовстве было записано около 200 песен.

Необходимо отдельно сказать о Средней Карелии, районе Сегозерья. Ученые сошлись во мнении, что этой группе карелов эпическая традиция неизвестна. Вопрос, на наш взгляд, является противоречивым, на сегодняшний день недостаточно материала для таких выводов. Район мало обследован, ранних записей практически не сохранилось. Отдельные песни от жителей деревни Сельга, находящейся недалеко от Падан, все же включены в сборник SKVR. К некоторым записям и исполнителям даются комментарии собирателей, например, об исполнителе Петре Титове, 51 года, мы узнаем, что он слышал и усвоил руны от одного парня из «Лаппи» (т. е. из районов, находящихся севернее по отношению к Сегозерью, от парня из Северной Карелии). Информатор ничего не мог сказать о Вяйнямёйнене, не знал и других эпических героев². На наш взгляд, отдельные реплики, полученные от одного исполнителя, не могут раскрыть действительную картину бытования рун в Сегозерье. Возможно, наиболее полное обследование района могло бы дать представление о распространении эпической руны у этой локальной группы карелов.

Отдельно выделяются Приладожская Карелия и финская Карелия с достаточно хорошо сохранившейся здесь эпической традицией. Большое количество записей, сделанных в Приладожье, в приграничной и Северной Карелии (Северная Карелия – губерния в Финляндии), можно объяснить беспрепятственным передвиже-

² Suomen kansan vanhat runot, II. Helsinki, 1927. S. 40.

нием финских ученых по этой территории, дающим возможность наиболее полно выявить материал. В сборнике SKVR приладожский и материал, записанный на территории финской Карелии, насчитывает 9 томов, более 16 000 рун. Эпические песни были записаны также и в восточной Финляндии, в губернии Саво, они включены в 2 тома, это 7639 рун.

Таким образом, при кратком обзоре ареалов бытования карело-финской эпической традиции мы обнаружили, что руна была известна как в Карелии (Беломорская Карелия, Олонецкая Карелия, частично – средняя), а также в Приладожской Карелии и в Финляндии (губерния Северная Карелия, губерния Саво). В данной работе мы не рассматриваем северные районы Финляндии, в частности Кайнуу и губернию Похъянмаа, где руны также имели широкое распространение.

Анализ сюжетного состава имеющегося материала показал, что многие темы и мотивы эпических песен повторяются в репертуарах сказителей во всех рассматриваемых локальных группах. Таковой, например, является руна о сватовстве и поисках жены, повествование о путешествии героя (героев) в далекую страну в поисках своей суженой. В Беломорской Карелии сватовство героев происходит в Похъеле, Туонеле или Маанале, в средней Карелии – в Маанале, Туонеле, в южной, Приладожской Карелии, а также в эпических песнях, записанных в губернии Саво, герои едут свататься в Хийтолу. Несмотря на встречающееся многообразие топонимов, Туонела, Похъела, Маанала и Хийтола в рунах всегда отображают чужую далекую мифическую страну, откуда герой должен был привезти себе жену. Чужая сторона в рунах, а также в свадебных причитаниях соответствует «иному миру». Существует одно принципиальное различие: если в свадебном обряде представления об «ином мире» и уходе в него всегда даются с точки зрения невесты и этим иным миром явля-

ется род жениха, то в эпосе, отразившем более раннюю ступень общественного развития, наоборот, «иной мир» был миром невесты или невест, куда навсегда уходил мужчина. Постепенно постоянное матриликальное поселение сменилось временным, а затем и вовсе установилось патрилокальное поселение супругов, но эпос продолжал изображать род жены по-прежнему «иным миром». Основные действующие лица рассматриваемой песни во всех локальных традициях незначительно различаются, если в северно-карельской традиции свататься едут три героя: Вяйнямёйнен, Илмаринен, Йоукахайнен, и по ходу повествования отображается противоборство братьев, а затем центральным действующим лицом становится Вяйнямёйнен, то в южно-карельской редакции на первый план выходит кузнец Илмойллине, и он один, в единичных случаях с братьями, отправляется в далекое путешествие за своей суженой. В среднекарельском варианте главное действующее лицо – старый Вяйно, в приладожской – Илмаринен, а в песнях губернии Саво герои чаще безымянные, в отдельных вариантах основным персонажем становится Лемминкяйнен.

Рассматривая развитие сюжетной коллизии, обращаем внимание на сходство, а в некоторых случаях – на различие зачина или начала в вариантах песен каждой локальной группы. Северно-карельский вариант может начинаться со сборов Вяйнямёйнена на сватовство:

Tuob on vanha Väinämöinen
Lähtiesengö kägesi
Pohjolanko naimisehi.

Это старый Вяйнямёйнен
собирался в путь-дорогу
сватать в Похъеле невесту.

II, 149, 83–85³

³ Первая цифра обозначает номер тома SKVR, вторая – номер руны внутри тома, третья – номер страницы.

Также и в среднекарельских рунах:

Läksi vanhan Väinöm poiga

Собирался старый Вяино
сын

Anni neittä koizoimah.

Анни-девушку сватать.

II, 112, 1–2

Однако, по мнению Э. Киуру, этот зачин очень редок, его появление может быть обусловлено тенденцией к циклизации отдельных сюжетов и, скорее, играет роль связки⁴. Наиболее типичным зачином для северно-карельской версии является мотив Анникки-островитянки:

Annikki saaren neiti,
Sisar seppo Ilmarisen,
Joutu sotkut sotkamassa,
Vaatteet viruttamassa,
Rannalla meryttä vasten...

Анникки-островитянка,
Илмаринена сестрица,
платье вышла постирать,
полоскать пришла одежды,
на песчаном побережье.

II, 469, 15–19

В южно-карельской редакции в большинстве песен в качестве завязки выступает мотив «Чудесное рождение героев»:

Iroi neidoi, imbi neidoi,
Sugi pidä survitteli.
Pakui kolme hivustu:
«Kunnebo nämä panozin?
Panizin pätshih, riähky roih,
Lykkäisin pihal, riähky roih».

Ирой-дева, непорочная дева,
причесывала голову.
Выпало три волосинки:
«Куда я их положу?
Положила бы в печку –
грешно,
Выбросила бы на улицу –
грешно».

⁴ Киуру Э. С. Тема добывания жены в карельских эпических рунах. Петрозаводск, 1993. С. 22.

Pani omah oigieh shokkah.	Положила себе за правую щеку.
Rubei vatshu kazvamah.	Стал живот расти.
	II, 102, 1–7

В некоторых вариантах в качестве зачина южно-карельской песни выступает мотив «Анни носит воду»:

Anni tyttö, aino tyttö	Анни-девушка, единственная девушка
Otti korvazen olalle,	Взяла ушат на плечо,
Korendohon kainalohko.	Коромысло под мышку.
	II, 94, 1–3

Как мы уже заметили, выделенный мотив присутствует и в северно-карельской руне, но последний обычно включает в себя развернутый диалог между девушкой Анни и героями, основанный на множестве иносказаний.

Завязка в южно-карельских песнях может соответствовать началу северно-карельской песни, т. е. начинаться со сборов героя в дорогу. Причем если присутствует мотив «Чудесного рождения», то он почти всегда контаминируется с мотивом сборов героя в дорогу, т. е. последний является обязательным связующим элементом песни.

Ближе к южно-карельской приладожская версия, в которой в качестве завязки также может выступать мотив «Чудесного рождения» в дальнейшей контаминации с песней «Анни носит воду». В большем количестве вариантов указанный мотив опускается и песня начинается непосредственно с мотива «Анни носит воду», с развернутым, как и у беломорских карел, диалогом. Примечательно, что в южно-карельской и приладожской традициях мотив «Чудесного рождения» может контаминироваться как непосред-

ственно со сватовством, так и с промежуточными, дополнительными мотивами, такими как «Поездка на корабле» и «Изготовление кантеле». В ливвиковских вариантах все указанные мотивы являются частью песни «Сватовство в Хийтоле», в приладожской же версии при контаминации мотива «Чудесного рождения» с другими мотивами происходит некая трансформация: образуются отдельные руны. На этом примере можно проследить процесс изменения структуры эпической песни: из полной, включающей в себя различные сюжеты и мотивы, песня распадается на более мелкие, самостоятельные.

В песнях Восточной Финляндии завязкой является мотив «Сборы в дорогу». Заметим, что мотив сборов в дорогу аналогичен во всех рассматриваемых редакциях, он основывается на диалоге героя (героев) с матерью или сестрой. Герой обращается к матери (к сестре) с просьбой приготовить ему чистые одежды и истопить горячую баню «медовыми дровами». В данном мотиве просматривается отражение свадебного обряда с приготовлением традиционной бани для жениха.

Центральное место в каждом из рассматриваемых вариантов песен занимает мотив брачных испытаний. Народной поэзии, как и другим формам искусства, свойственно отражать действительность на грани смены одних форм явлений в момент противоборства и победы нового над старым. В рунах можно усмотреть конфликт между изжившим себя матрилокальным и нарождающимся патрилокальным браком. Новую форму брачных связей между экзогамными родами учреждают герои рун. Семантика трудных заданий довольно разнообразна: от хозяйственных работ, являющихся своеобразной «отработкой» права вернуться в свой патриархальный род, до сказочных, в которых герой показывает свои магические способности. Во всех выделенных локальных группах трудные задания повторяются: как у беломорских, так и южных и

приладожских карел, а также у населения восточной Финляндии герою нужно вспахать змеиное поле. Другим распространенным заданием является обуздание коня. У северных карел мы находим прямое описание этого испытания, лесную лошадь приручают приладожские карелы, коня-лося – южные карелы, лося Хийси – восточные финны. В. Я. Пропп указывает, что в числе характерных для волшебных испытаний жениха одна из постоянных и типичных задач – укротить коня⁵. Таким образом, данный мотив карело-финского эпоса имеет свои истоки в международной традиции. Однако здесь у него своя специфика: конь должен быть пойман, а укрощение состоит только в его обуздании. Исторический факт распространения вплоть до раннего средневековья в Северном Приладожье и на Карельском перешейке полудикой лошади объясняет популярность данного мотива в карельском эпосе, а также позволяет проследить этапы его локального развития. Как утверждает Э. С. Киуру, в Приладожье, в очаге консолидации карельской народности, этот мотив слился с международным, а затем переосмыслился по мере продвижения части карельского племени в X–XIV вв. из Приладожья на северо-запад к Ботническому заливу и на север, в места современного расселения Северной Карелии. «Лесная лошадь» стала восприниматься (в духе общей тенденции к возвышенному) как священная⁶. А в южно-карельской традиции появляется интересный образ коня-лося, в котором два образа слились воедино.

Остальные брачные задания также являются типичными для всех локальных групп: поймать огромную серую щуку, помыться в огненной бане. Примечателен еще один факт: при выполнении

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1987. С. 311.

⁶ Киуру Э. С. Указ. соч. С. 80.

брачных испытаний герои обращаются к помощи верховного бога Укко. В северно-карельских и приладожских песнях это обязательный момент повествования, реже он встречается в южно-карельских. У финнов восточной Финляндии мы находим обращение к Богу, которое появляется еще перед отправлением на сватовство: *Lähe nyt Jeesus kelkkaani, Jumala rekoseni*, Пойдем, Иисус, в мои санки, Бог в мои сани.

Рассматривая развязку анализируемых вариантов песни каждой из редакций, выделим некоторые различия. В северно-карельском варианте после удачно выполненных брачных испытаний герой получает невесту и отправляется в обратный путь. На этом руна не заканчивается: хозяйка Похьелы гонится за героями, возникает борьба между Похьелой и Вяйнямёйненым. В южно-карельском варианте после отбытия их Хийтолы невеста, превращаясь в различных животных, сама убегает от кузнеца Илмойллинена. Финал – Илмойллинен превращает девушку в чайку. Такое же развитие сюжета и в приладожской версии – побег невесты, а затем превращение в чайку. У восточных финнов хозяйка Хийси губит героя Лемминкяйнена, мать отправляется на поиски сына и оживляет его. Несмотря на имеющиеся в развязке различия, все они отражают борьбу эпического героя за невесту, уже завоеванную и увозимую домой. Это один из постоянных мотивов эпоса о сватовстве.

Анализ имеющихся текстов показывает, что в развитии сюжетной коллизии просматриваются аналогичные мотивы и связи. Руна о сватовстве у всех локальных групп имеет одинаковую схему: сборы на сватовство, брачные испытания, борьба за невесту. Во всех рассматриваемых вариантах присутствуют одни и те же центральные персонажи. Таким образом, можно высказать предположение о единстве происхождения рун о сватовстве, получивших широкое распространение как на территории Карелии, так и в Финляндии.

Творцы мироздания в карельских эпических песнях

Карельские эпические песни сохранили древнейшие представления карелов о происхождении мироздания. Они уходят корнями в те доисторические времена, когда наши предки, не обладая естественнонаучными знаниями, пытались объяснить возникновение и устройство окружающего мира.

Так, согласно карельской мифологической концепции, вселенная возникла из яйца, снесенного птицей на колено Вяйнямёйнена. Космогонический миф о возникновении мира из яйца является основным сюжетом также в коми, саамской, финской, ижорской, эстонской мифологиях. У марийцев и удмуртов, угров и самодийцев миф не зафиксирован и даже нет упоминаний о нем. Следовательно, по мнению исследовательницы Н. Г. Юрченковой, нет оснований толковать миф как общий прауральский. В Европе он наличествует у балтов, восточных славян, на Балканах и имеет широкие мировые параллели (Юрченкова, 2002, 55). В. В. Напольских предполагает, что восточно-европейские мифы о сотворении вселенной из яйца восходят к эпохе палеолита (примерно 2,6 млн. лет назад), к мифологии древнейших аборигенов Средней и Восточной Европы, говоривших на языках неизвестной (неиндоевропейской и неуральской) принадлежности (Напольских, 1990, 7).

Космологические представления карельского народа составляют ядро космогонических мифов, которые, в свою очередь, играют в рунах сюжетообразующую роль, занимая в контаминированных текстах центральное или периферийное положение. На данный момент к исследованию привлечено более 130 текстов

рун, содержащих сюжет о сотворении мира. Из них 71 текст отражает мировоззрения беломорских карелов, 67 – карелов, проживающих в южной части Карелии.

Финская исследовательница О. Окконен в своей статье, посвященной руне о сотворении мира, дифференцирует мифы, касающиеся рождения мира и начальных этапов жизни, на две группы. С одной стороны, вселенная может возникнуть как результат желания или действия какого-либо божества или перво-создателя. С другой стороны, вселенская упорядоченность может каким-то «чудесным» способом зародиться из хаоса или появиться случайно из другого вещества. В древней карело-финской эпической поэзии встречаются оба данных типа. Основными создателями мироустройства являются, несомненно, Вяйнямйнен и Илмаринен. Последний известен в основном как кователь небосвода. Покровителем растительности, а также сеятелем деревьев является Сампса Пеллервойнен. Наряду с сюжетами об активных персонажах, творящих окружающий мир, в мифологии прибалто-финнов существует сюжет, в котором мироздание, а именно земля, небо и небесные светила, возникает из частей яйца (Okkonen, 1929, 123–124).

Однако на новом витке науки с привлечением нового фактического материала эти суждения могут быть в значительной мере скорректированы. И цель данной статьи – доказать наличие, пусть иногда не совсем явное, целого ряда персонажей или субстанций, занимающих активную позицию в творении мироздания из яйца.

Сюжет карельского космогонического мифа сводится примерно к следующему. Вяйнямйнен, сраженный антагонистом, падает в первозданные воды, где дрейфует 6–7 лет, попутно создавая рельеф морского дна. В это время птица, мечущаяся в поисках места для гнездования, видит колена Вяйнямйнена, при-

нимает его за кочку, свивает на нем гнездо и сносит яйцо или несколько яиц и начинает их высиживать. Вяйнямёйнен, чувствуя обжигающее тепло, шевелит коленом, и гнездо вместе с кладкой опрокидывается в воду. Яйцо разбивается, и из его нижней части образуется земля, из верхней – небо, из желтка – солнце, из белка – луна, из «пестрых» частей – звезды. Процесс формирования мироздания повсеместно сопровождается прямой речью, и в том случае, если указан произносящий заклинательные слова, то это Вяйнямёйнен или же сама птица. Финский исследователь К. Крон в своей статье, посвященной сюжету о сотворении мира, приводит цитату из финской руны, где заклинательные слова произносит само яйцо:

«Muna virkki kuoltuansa» «Яйцо сказало, умерев» (Krohn, 1903, 210).

В репертуаре карелов, проживающих на юге Карелии, сюжет кардинально меняется, и представлен он несколькими версиями. Птица, преимущественно ласточка (в 56 вариантах из 67), устраивает себе гнездышко на палубе или мачте корабля, иногда – на острове. При этом гнездо она «отливает» из меди и сносит в него золотое яйцо. Порыв ветра опрокидывает гнездо в море, яйцо попадает в первозаданную водную стихию, и на этом месте возникает остров или луг. В других вариантах птица просит кузнеца выковать грабли, с помощью которых она выгребает из воды половинки желтка и белка, из чего образуются звезды либо месяц, солнце и звезды. Такое различие сюжетов можно объяснить взаимодействием с эпическими традициями Ингерманландии.

Из 71 варианта севернокарельской руны в 34 случаях речь идет о мифической водоплавающей птице, которая по некоторым параметрам соотносится с реальной птицей семейства Утиных. В 32 случаях это нырок (sotka), единойды – утка (sorsa) и алейка (народное название морянки) (alli-lintu). В 14 текстах роль творца

отведена гусю (hanhi, hanhut). В 17 текстах фигурирует орел (kokko, kotka) – птица семейства Ястребиных. В единичных вариантах встречаются маленькая (lintu pikkaraini) или маленькие птички (pienet lintuset) и даже пчела, осмысляемая как воздушная птица (meheläinen ilman lintu).

Итак, главная роль принадлежит водоплавающей птице, а именно утке. Культ утки имел в древности широкое распространение, что, как утверждает В. В. Напольских, может быть прослежено по археологическим данным. Многочисленные изображения «уточек» в лесной полосе от Западной Сибири до Балтики времен средневековья, бронзы и неолита связываются исследователями с предками финно-угров. Напольских предполагает, что «район Ангары был палеолитическим центром культа утки-гагары и именно отсюда распространялся этот культ (вероятно, и миф о ныряющей птице) в конце палео – начале мезолита» (Напольских, 1987, 184–185).

Однако птицы в эпосе представлены не в реальном, а в символическом значении. Действие происходит в «начале времен», когда, на первый взгляд, нет ничего, кроме безграничных первозданных вод. Птица является носителем, сосредоточением яйца мирового, из которого вселенная происходит. Но количество яиц, сносимых и высидываемых птицей, не совпадает с количеством яиц реальной птицы и заключает в себе определенную символику. В действительности у птиц семейства Утиных кладка – от четырех яиц и выше. В рунах же три яйца в гнезде – наиболее типичная ситуация (в 40 случаях из 71), что не случайно. Число 3 является первым числом в целом ряде традиций; оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное. Три – не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифопоэтического макрокосма (МНМ, т. 2, 630). Отдельно отметим птицу-орла: во всех 17 вариантах, за-

писанных на территории Ухтинского, ныне Калевальского района, в гнезде оказывается 3 золотых яйца (в действительности же орел может снести 1–3 яйца белого цвета). Золотая окраска яиц – признак мифологичности птицы. Особый интерес вызывают руны, записанные в районе деревни Войницы Калевальского р-на. Здесь кладкой яиц занимается гусь, и откладывает он шесть яиц и седьмое железное. Сходный мотив можно найти в загадках, описывающих одновременно и год, и, по сути, мировое дерево. Ср.: «Выросло дерево от земли до неба, на этом на дереве 12 сучков, на каждом сучке четыре кошеля, в каждом кошеле по шесть яиц, а седьмое красное» (МНМ, т. 2, 631). Ср. загадку о неделе у карелов: *Kuusi kultaista käkäie, seiččemes rautani* (Шесть золотых кукушек, седьмая – железная). Однако Элиас Лённрот, составитель эпоса «Калевала», в журнале «Пчела» («*Mehiläinen*») в 1839 г. писал о том, что иногда в финском эпосе орел сносит шесть яиц и седьмое золотое. Тогда же Лённрот выдвинул предположение, не являются ли эти шесть яиц метафорой шести дней, в течение которых Бог создает мир, а седьмое яйцо – следующим за ними днем отдыха (Lönrot, 1839, 32)? Так или иначе в тексте руны закодирована числовая модель вселенной.

Далее, впечатляет длительность полета птицы – летний день, осенняя ночь, хотя темпоральные указания в традиции Беломорской Карелии встречаются очень редко. Место гнездования также ирреально: колено-кочка посреди первозданного океана. И, в конце концов, способность птицы говорить, произносить заклинание окончательно завершает ее мифологичный образ:

Sano aina hanhut lintu,
Hanhut lintu, ilman lintu:
”Mi munassa ylistä puolta,
Yliseksi taivoseksi,
Mi oli alaista puolta,

Aliseksi maaemäksi.

SKVR I 1 № 1 : 128–133

Говорила всегда гусь-птица,

Гусь-птица, воздушная птица:

«Что в яйце – верхняя половина,

Будет верхним небом,

Что в яйце – нижняя часть –

Нижней землей-матушкой».

(Здесь и далее перевод автора статьи)

Заметим попутно, что в древнейшей общей финно-угорской мифологии космогонические мифы сходны: бог-демиург (коми *Ен*, марийский *Кугу юмо*, удмуртский *Инмар*, *Нуми-Торум* у обских угров и др.) велит водоплавающей птице или младшему брату в облике птицы (коми *Омоль*, марийский и удмуртский *Керемет*, мансийский *Куль-Отыр* и др.), плавающему по первичному океану, достать со дна земли. Из нее бог творит Землю и все полезное на ней, а его брат из земли, утаенной во рту, – горы и все вредное (МНМ, т. 2, 563–567). В мордовской мифологии известен сюжет о том, как бог *Шкай* сначала создает из своей слюны черта *Шайтана*, а потом посылает его на дно океана за землей (Harva, 1942, 86). Другой вариант космогонии – творение из яйца, снесенного птицей (в финской, карельской, ижорской, эстонской, саамской, коми мифологиях).

Несомненно, птица-демиург древнее, чем антропоморфный бог-демиург, выступающий в паре со своим помощником, не утратившим орнитоморфных признаков. В эпической традиции Карелии в сотворении вселенной принимает участие антропоморфный бог-демиург Вяйнямйнен, который в данном сюжете изображается в ипостаси первочеловека. Именно на его колене птица устраивает гнездо и сносит яйцо, откуда оно скатывается и раз-

бивается на части. В ряде случаев именно Вяйнямёйнен произносит заклинательные слова:

Itze virkki Väinämöinen:
”Mi munassa valkieta”...

SKVR I 1 № 21 : 41–42
Сам сказал Вяйнямёйнен:
«Что в яйце белок»...

Считается, что имя Вяйнямёйнен произошло от слова *väinä* – широкий, спокойно текущий участок реки в устье. Таким образом, происхождение самого Вяйнямёйнена оказывается связанным с водной стихией. Он же – некое средоточие земли, огня и воздуха, природных стихий, существование которых само по себе даже не мыслится в «начале времен». Согласно карельской эпической поэзии, акту сотворения мироздания сопутствует акт сотворения первочеловека из трех стихий: земли (чурка еловая, бревно сосновое), воды и воздуха (ветер):

Siitä vanha Väinämöinen
Sormin sortuvi merehen,
Käsin käypi lainehisiin.
Kulki siellä kuusi vuotta
Sekä seitsemen keseä,
Kulki kuusissa hakona,
Petäjäissä pölkyn päänä.

SKVR I 1 № 15 : 7–13
Тогда старый Вяйнямёйнен
Пальцами упал в море,
Руками оперся в волны.
Плавал там шесть лет

И семь лет,
Двигался чуркою еловой,
бревном сосновым.

Зачатки огненной стихии – метафорическое тепло или жар, которое Вяйнямёйнен испытывает на своем колене, когда птица принимается высиживать яйца:

Tuora vanha Väinämöini
Luuli polvesa palavan,
Jäsenesä lämpievän,
Veti polvesa merehe.
SKVR I 1 № 36 : 39–42

Старый Вяйнямёйни
Почувствовал – колено обжигает,
Сустав нагревается,
Втянул колено в море.

Карельская руна содержит также упоминание о формировании Вяйнямёйненом ландшафта морского дна, что происходит либо до, либо после возникновения мироздания, например:

Kuh hänen bokat koski,
Sih hiän rannat luaitteli;
Kuh hänen polveh koski,
Sih hiän pohjat potkai;
Kuh hänen kynnet koski,
Sih hiän kallivot takou;
Kuh hänen parta koski,
Sih hiän luvvot luikoi.
KKR I 1 № 39 : 56–63

Где боками касался,
Там берега созидал;
Где коленями касался,

Там дно становилось (букв. пинал);
Где ногтями касался,
Там скалы выковывает;
Где бородой касался,
Там рифы сглаживал.

Итак, бог-демиург Вяйнямёйнен – фигура, без участия которой творение вселенной не происходит.

Далее, в текстах рун самой южной части Карелии, где яйцо сносится на корабле или острове, упоминается бог, посылающий ветер, в результате чего яйцо скатывается в воду:

Jumala loi suuren tuulen:
Muna vierähti vettie,
Pesä pyörähti jälest.
SKVR XIII 1 № 686 : 11–13
Бог послал сильный ветер:
Яйцо скатилось в воду,
Гнездо свалилось следом.

Ср. в одной ингерманландской руне появление теоантропоморфного творца – бога Иисуса, на лопатки которого утка сносит яйцо:

Jeesuksen on lapaluilla,
Väinämöisen polven päällä
Munii kultasen munasen,
Valaa vaskisen pesäsen.
КФНЭ I 1 № 1.IV : 9–12
На лопатки Иисуса,
На колена Вяйнямёйнена
Снесет золотое яйцо,
Совет медное гнездышко.

Творцом мироздания может выступить также само Слово, некая языковая субстанция. Слово одушевляется, становится творцом, которому принадлежат заклинания, выраженные прямой речью:

Munat vieröovi vetehen:

Jäälitsen alainen puoli

Alaiseksi maan emäksi,

Jälitsen ylinen puoli

Yliseksi taivahaksi,

Jälitsessä ruskiata

Se päiväksi paistamahan,

Jäälitsessä on valkiata

Se kuuksi kuumottamaan,

Jäälitsen muut murut

Ne täheksi taivoisella.

SKVR I 1 № 30b : 10–20

Яйца скатываются в воду:

Нижняя половина яйца

Будет нижней землей,

Верхняя половина яйца –

Верхним небом,

Желток яйца

Будет солнцем светить,

Белок –

Месяцем сиять,

Остальные крошки яйца

Станут звездами на небе.

Таким образом, можно выделить несколько творцов мироздания в карельском эпосе: зооморфный демиург (птица, главным образом водоплавающая), его метонимический эквивалент (яй-

цо), антропоморфный (Вяйнямёйнен, представленный в ипостаси первочеловека), а также, дополняя финскую и ингерманландскую традиции, упомянем теoантропоморфного творца (бога), косвенно участвующего в создании вселенной, некую языковую субстанцию (слово).

Список литературы

КФНЭ – Карело-финский народный эпос: В 2 кн. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.

МНМ – Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энцикл., 1980–1982. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 719 с.

Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5–21.

Напольских В. В. Культ утки у финно-угров: евразийско-североамериканские параллели // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл.: В 2 т. Устинов, 1987. Т. 2. С. 183–185.

Юрченкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса / Науч. ред. Н. И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 156 с.

Harva U. Mordvalaisten muinaisusko. Porvoo; Helsinki: S. n., 1942. 292 s.

Krohn K. Kalevalan runojen historia. Helsinki, 1903. 893 s.

Lönnrot E. Alkuluomisesta // Mehiläinen. Helsinki, 1839. S. 28–35.

Okkonen O. Maailmansyntyyruno // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvo, 1929. № 1. С. 123–137.

SKVR – Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XIV. Helsinki, 1908–1948.

Народные поверья как признак номинации некоторых названий болезней

«Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предметов», по-другому «номинация есть закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определенные признаки...» (ЯН, 1977, 101). При номинации субъект отбирает в объекте ряд признаков или один признак, которые, как правило, берутся в основу наименования. Каждый предмет имеет множество признаков. В названии отразить все эти признаки невозможно, поэтому достаточно указать лишь на один, наиболее характерный. Мотивация является одной из характерных черт номинации. В современной теории номинации разработаны и приняты термины «типы и способы номинации». Способ номинации представляет собой прием реализации номинации. В основе некоторых наименований болезней лежат народные поверья, связанные, как правило, с верой людей в различных персонажей, обитающих в определенном пространстве (бане, лесу, водоеме и т. д.) и имеющих функцию хозяина или защитника своей сферы обитания. Карел, впрочем, как и вепс, в своей душе остался язычником, и в его мифологии царят “haltie” (“дух”) и “izändy, isäntä” (“хозяин”). Данные архива и фонотеки ИЯЛИ КНЦ показывают, что самыми распространенными среди персонажей карельской мифологической прозы являются хозяева двух природных стихий – воды и леса (veinižändy (ливв.), veinhaltie, vienisäntä (ск.) ‘хозяин воды’; mečänižändy (ливв.), mečänhaltie, mečänisäntä (ск.) ‘хозяин леса’) (Иванова, 1995, 34). Лесного хозяина представляют в виде человека, то очень высоко-

го – “ростом с большую ель”, то маленького – “с куст можжевельника”, то в виде молодого мужика – черного, лохматого, то (чаще) в виде маленького старичка. Показывается он людям крайне редко. Одежда у него застегнута не так, как у людей, а наоборот. Раньше лесным духам оставляли на пеньке небольшие приношения – калитки, немного каши, блины (Азовская, 1977, 148). Хозяин воды (или водяной) – это самый почитаемый дух среди карел и вепсов. В их представлении – это тучный мужчина с длинными волосами. Людям он показывается в разных обликах: то в виде утопленника, то в виде коряги, а то и в виде большой старой щуки. Водяным силам надо угодать. В древности, по-видимому, водяному приносили даже человеческие жертвы (Азовская, 1977, 149). Хозяйка земли (moaemä, moanhaltie (ск.); tuapanemäny (ливв.)) соединила в себе некоторые черты и хозяйки дома, и хозяйки хлева. Предстает она чаще в человеческом облике (женщины, старушки или не то мужчины, не то женщины). За почтительное отношение к могущественному духу человек обычно бывает вознагражден, и в то же время хозяйка наказывает за все прегрешения и ошибки. С особым почтением карелы относились к хозяину бани (kylynižändy (ливв.); kylynhaltie, kylynisäntä (ск.)). Это, пожалуй, не столько самый строгий, сколько самый жестокий дух. Баня занимала в жизни карела огромное место. Из-за тяжелой физической работы, из-за холодного климата ее могли топить даже несколько раз в неделю – здесь человек мылся, парился и тем самым выгонял из себя хвори. В бане совершали свои действия знахарки, в святки гадали, в бане рожали женщины. То есть часть жизни карела, многие ее поворотные этапы были связаны с баней. И в то же время именно к пребыванию и поведению в ней относятся самые строгие запреты. Заходя в баню, необходимо было поздороваться со всей семьей хозяина бани, которую олицетворяли пол и потолок, стены и

полок. Во избежание не только болезни, но и смерти в баню нельзя было ходить поздно вечером или в праздники. Прежде чем взять из бани в дом веник, его полоскали в озере или в реке. Белье в бане не стирали. Придя из бани домой, умывались, так как дома вода чище. Пить воду из котла нельзя было ни в коем случае, потому что в полночь вода становилась как кровь. В баню старались ходить максимум в три очереди, считалось, что потом уже моется семья хозяина бани. А для нее обязательно оставляли горячей и холодной воды и веник. Хозяин бани не любит пьяных, поэтому не разрешает ночевать в бане. Зайдя в баню в неурочный час, можно услышать голоса, хотя помещение кажется пустым, – это беседует семья хозяина бани. Сам он людям не показывается. Но иногда может прийти во сне и, например, рассказывает о причине болезни, которую он сам и наслал за какие-нибудь проступки. Например, один из информантов рассказал: «Вот как я во сне увидела старуху, черные одежды, седая голова, толкает на кровати. “Иди вымой ноги, – говорит, – грязные ноги”. А ко мне как пристало в бане... На коленях мылась, ругалась в шутку, вот и стала из ноги вода сочиться». В бане, по поверьям, могли пристать многие болезни, так как голый человек оказывался беспомощным перед злыми силами (Иванова, 1995, 45–46). Помимо этого, карелы персонифицировали отдельные атмосферные явления (ветер, мороз, холод), а также другие предметы и явления, с которыми они соприкасались (железо, камень, дерево, огонь и т. д.). Таким образом, по представлению карел, за нарушение правил ритуального поведения в лесу, бане, возле водоема и т. д. или за плохое отношение к различным предметам хозяева, атмосферные явления или же сами предметы накажут человека (человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает). Лечили эти заболевания в основном с помощью “источника болезни”. Рассмотрим теперь несколько примеров:

jumalantauti, jumalanvika: ск. (срв) jumalantauti, jumalanviga // ливв. (смз, нкр, слм) jumalantaudi, jumalanviga (KKS, 1, 523) // jumalanviga (СВЯ, 1972, 158) (вепс.); jumalantauti (KKS, 1, 523) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, была послана человеку богом’ (букв. jumalantaut(d’i) – божья болезнь, болезнь бога; jumalanvik(g)a – божья причина (изъян), причина бога). Карелы считали, что этой болезнью заболеют в том случае, если человек пройдет мимо иконы и не перекрестится или икону повесит дома в холодной комнате. Помимо этого, женщине запрещалось в течение шести недель после родов ходить в церковь (когда у нее еще кровь идет), в противном случае она могла заболеть болезнью от бога. Если человек заболел божьей болезнью, то он узнает об этом из сна: увидит лошадь во сне. Тогда нужно Бога задобрить: поставить свечку иконе, перекреститься, поклониться иконе и отнести в церковь или часовню подарки (пару метров ситцевой или холщевой ткани) (Paulaharju, 1995, 84);

kuoliennenä, kalmann’enä: ск. (крс, сст, срв) kuoliennenä, kalmann’enä // ливв. (крб, лхт) kuoliennenä; (вдл, нкр, смз) kalmannenä (KKS, 2, 35–36) // люд. (прж) kuolen nenä // kalmannenä, kalmanvihä (KKS, 2, 35–36); kuoliennenä (KKS, 2, 448) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от мертвого или от кладбища’ (букв. kuoliennenä – нос мертвого; kalmannenä – нос могилы). По мнению карел, эта болезнь пристает к человеку, если он испугается мертвого или испугается в таком месте, где есть какие-нибудь принадлежности мертвого: щепки от гроба, одежда мертвого. Также она могла пристать, если услышишь вдруг известие о смерти и вздрогнешь. Легко приставала эта болезнь и от кладбища в том случае, если ты пройдешь мимо кладбища, не перекрестившись. Если человек случайно задел ногой гроб, то к его ногам приставала вечная боль, вечная kalmannenä. Она выражалась в виде глазных заболеваний,

судорог и эпилепсии (Ylinen, 1990, 12–13). От этого заболевания избавлялись тем, что обливались водой, и затем эту воду несли на кладбище (Paulaharju, 1995, 81);

kylmänvihat, vilun viha: ск. (кль, срв) kylmänvihat (KKS, 2, 516); (срв) vilun viha (KKS, 6, 600) // ливв. (смз) külmänviha, vilun viha (KKS, 2, 516) // kylmänvihat (KKS, 2, 516) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от холода’ (букв. kylmänviha, vilun viha – зло холода). Признаком болезни от холода считалось обморожение. ;

kynnenvihat: ск. (кль, ргз, срв) kynnenvihat // ливв. (крб, лхт) kynnenviha; (смз, нкр) kynnenviha (KKS, 2, 527) // kynnenvihat (Forsius, <http://www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html>) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, пристала от ногтей’ (букв. kynnenviha – зло ногтя). Карелы и финны считали, что если человек подстригал ногти в воскресенье или в праздничный день, то к нему обязательно пристанет эта болезнь. У тверских карел было поверье: хворь от ногтя пристанет, если ногти подстригаешь и бросаешь их на пол. Надо было собрать их аккуратно и закопать во дворе (Virtaranta, 1961, 206);

mečännenä: ск. (кль, вкн, крс, ргз, срв) mečännenä // ливв. (слм, смз, нкр) mečännenä (KKS, 3, 297–298) // люд. mečäńńeńä (Kujola, 1944, 236) // mecańeńa (СВЯ, 1972, 323–324) (вепс.); metsännenä (KKS, 3, 297) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от леса’ (букв. лесной нос, нос леса). По мнению карел, эта болезнь приставала тогда, когда человек встанет утром, лицо не умоет, глаза не перекрестит и быстро поспешит на улицу (Virtaranta, 1963, 272); или если человек испугается чего-то в лесу, или вздрогнет, увидев задранную медведем корову (Paulaharju, 1995, 80). Карелы-людики считали, что проявлением хвори от леса были волдыри на руках, из которых тек гной (Virtaranta, 1963, 273);

moan vihat, muannenä: ск. (вкн) moan vihat (KKS, 6, 600) // ливв.: (крб, лхт) muanviha; (смз) muannenä (KKS, 3, 336) // maannenä (KKS, 3, 336), maanviha (SKES, 2, 324) (фин.) ‘хворь от земли’ (букв. moan viha, muanviha – зло земли; muannenä – нос земли). Помимо этого, эта болезнь могла пристать к человеку от сырой местности (от грязи, от трясины, от лужи и т. д.), и в этом случае она носила название *хворь от сырой земли* (Paulaharju, 1995, 80): ск. (илм) vesimoahine, vezmoahin’ // ливв. (смз) vezimuahine (KKS, 6, 565) (букв. vesimoahine, vezmoahin’e – водяная земляная, водяная экзема). Или же болезнь приставала от сухой местности (поле, луг и т. д.) и тогда она называлась *хворь от сухой земли* (Paulaharju, 1995, 80): ск. kuivamoahine // ливв. kuivumoahine (KKS, 2, 410) (букв. kuivamoahine – сухая земляная, сухая экзема) Так, информант из Костомукши рассказывает, что она не знает, “видели ли хозяйку земли”, но болезнь, которая “приставала от земли, от грязи и проявлялась в виде гнойных высыпаний на коже”, была (Иванова, 1995, 40–41);

rauvan vihat: ск. (вкн, сст, срв) rauvan vihat // ливв. (нкр, смз, вдл) ravvanviha (KKS, 5, 48) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от острого предмета’ (букв. rauvan viha, ravvanviha – зло железа). Карелы, если поранили о железный предмет руку или ногу, обращались к этому предмету со словами:

Rauta raukka, kormiličča,
 teräš teinänpäivällini,
 etkä ollun šuuri
 etkä šuuttunut,
 šuošta oli šotkettu,
 veteläštä vejetty.
 Mehiläini meijen lintu,
 kannan mettä kielelläš,
 kipijillä voitimiksi,

Железо бедное, кормилица
 сталь злополучная,
 не было бы ты ни большим,
 ни рассерженным,
 из болота (тебя) месили,
 из топи добывали.
 Пчела, наша птица,
 наноси меду языком,
 (чтобы) больные места

pahoilla parannuksiksi
yličči yheksän meren.
Mistä lienöy šuonet šorruttu,
šiihi šuonet šolmiutukkah.

Mistä lienöy lihat liikuttu,
šiihi lihat liittyykkäh.

смазать,
раны вылечить,
через девять морей.
Где сосуды повредились,
Там пусть сосуды завяжутся
в узел.
Где мышцы сдвинулись,
там пусть мышцы срastутся.
(ПФКК, 1989, 130);

tulen viha: ск. (кль, ргз, срв, вкн) *tulen viha* (KKS, 6, 600) // ливв. (крб, лхт) *tulenviha* // *tulen vihat* (Virtaranta, 1961, 206) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от огня’ (букв. *tulenviha* – огненное зло, зло огня). По мнению карел, болезнь от огня приставала к губам человека. На губе появлялись водянистые волдыри или корка (Virtaranta, 1958, 118). Карелы лечили огневицу с помощью огня, дыма или угля. У тихвинских карел огневицу лечили с помощью лоскутка ткани, которым вытирали стол, предварительно подержав над дымом от бересты, прикладывали к больному месту и приговаривали: “Savune sie savune, ota tämä boline, savune sie savune, ota tämä boline”. – “Дымок, ты дымок, возьми эту боль”. Ткань необходимо было три раза подержать в дыму и приложить к больному месту (Лавонен, 2000, 81);

tuulennenä: ск. (срв, сст) *tuulennenä* // ливв. (смз, нкр) *tuulennenä* (KKS, 6, 328) // *tuulennenä* (Virtaranta, 1961, 208) (фин.) ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от ветра’ (букв. *tuulennenä* – ветряный нос, нос ветра). Карелы считали, что можно было избежать хвори от ветра. Одним из способов было то, что когда двигался сильный вихрь, то ему надо было обязательно кукиш показать, и тогда болезнь мимо тебя пройдет (Конкка, 2003, 406);

viennenä: ск. (смз) viennenä (KKS, 6, 588); (вкн) vejen vihat (KKS, 6, 600) // ливв. viennenä (СКЯ, 1990, 427); (крб, лхт) vienviha, veziviha ‘болезнь, которая, по поверью, приставала от воды’ (букв. vejen viha, vienviha – водяное зло, зло воды; viennenä – водяной нос, нос воды). Карелы считали, что хозяин воды мог разгневаться на человека по разным причинам, например: если ты ругнешься возле воды (во время стирки, рыбалки); если человек смотрел на свое отражение во время того как мыл лицо или просто пил воду из озера или реки; если человек ловил рыбу или пил воду с беспроточного пруда в лесу (Paulaharju, 1995, 81–82). Хворь от воды могла пристать к чему угодно (к ушам, зубам и т. д.), человек мог даже с ума сойти от такого заболевания (Virtaranta, 1958, 127). Зачастую люди, которые заболели хворью от воды, дарили воде и ее хозяину подарки, просили у хозяина воды прощения за свои проступки. Если подозревали, что болезнь пристала от озера или реки, которые находились далеко, необходимо было налить в тарелку чистой воды и вылить ее на бревна стены со словами: “Vedoi pravednoi, vezi, veljedäs etš!” (“Вода праведная, вода, ищи брата!”). Вода сама “по водным жилам” убежит на свое первоначальное место и освободит больного от болезни (Лавонен, 2000, 86).

На первый взгляд, этимология заболеваний, рассмотренных нами в данной статье, не представляет никаких затруднений, если к человеку пристала **viennenä**, – это значит, что у него болезнь от воды, если пристала к нему **mečänviha**, – значит, у него хворь от леса и т. д. Но нам бы хотелось обратить внимание на вторую часть в названии этих заболеваний, а именно на слова **viha** и **nenä**. Лексема **viha** бытует во всех трех наречиях карельского языка в следующих значениях ‘злора, ненависть, вражда, зло, воспаление, заражение’ (ск., люд.). В словарях Агриколы и Лённрота слово **viha** употребляется как синоним словосочетания

“змеиный яд” (Vuorela, 1975, 710). Скорее всего, в названиях болезней (как часть сложного слова или словосочетания) лексема *viha* используется в значении ‘зло’ (например, *kuppenviha* – букв. ‘зло ногтя’; *kuylmänviha* – букв. ‘зло от холода’; тоап *viha* – букв. ‘зло земли’ и т. д.), так как, по представлению карел, хозяева (атмосферные явления и т. д.) наказывают человека (букв. ‘насылают зло, недуг на человека’) за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве (человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает). В славянской мифологии *злыдни* (от сущ. ‘зло’) – это персонификация злой доли, бедности, болезней (СД, 2, 99). Слово *penä* в диалектах карельского языка и в финском языке имеет одинаковый перевод – ‘нос’. Как объяснил один из информантов, во время вышеуказанных заболеваний человеку было тяжело дышать, потому что эти болезни приставали к людям именно через нос, по воздуху, когда человек дышал (блг). Другие информанты утверждают, что составляющей частью этих наименований является лексема *penä*, так как нос всегда “находится впереди человека”, и поэтому именно через нос все болезни проникают в организм человека (црп, смб, пчс, олн). В какой-то мере подобная теория существует в славянской мифологии: “Нос – часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром и напрямую соотносится с материально-телесным низом. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела могут проникать нечистая сила и ее агенты” (СД, 3, 435).

Таким образом, языческие верования карел (равно как вепсов и финнов) нашли свое отражение в некоторых названиях болезней.

Список литературы

Азовская Л. П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы: Сб. ст. Л., 1977. С.140–152.

Иванова Л. И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С.30–52.

Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С.386–414.

Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. 176 с.

ПФКК = Песенный фольклор кестеньгских карел / Сост. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. 290 с.

СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. 745 с.

СД, 2= Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. 697 с.

СД, 3 = Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. 704 с.

Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Изд-во Наука, 1977.

Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta. Режим доступа к ст.: <http://www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html>

KKS, 1 = Karjalan kielen sanakirja. 1 osa // LSFU. Helsinki, 1968. XVI, 1. 576 s.

KKS, 2 = Karjalan kielen sanakirja. 2 osa // LSFU. Helsinki, 1974. XVI, 2. 591 s.

KKS, 3 = Karjalan kielen sanakirja. 3 osa // LSFU. Helsinki, 1983. XVI, 3. 584 s.

KKS, 5 = Karjalan kielen sanakirja. 5 osa // LSFU. Helsinki, 1997. XVI, 5. 634 s.

KKS, 6 = Karjalan kielen sanakirja. 6 osa // LSFU. Helsinki, 2005. XVI, 6. 782 s.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja // SUST. Helsinki, 1944. 543 s.

Paulaharju S. Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). Helsinki, 1995. 248 s.

SKES, 2 = *Toivonen Y., Itkonen E., Joki A.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. 2 osa. Helsinki, 1980.

Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. Helsinki, 1988. 319 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. II // Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Helsinki, 1963. № 130. 419 s.

Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki, 1961. 271 s.

Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. 804 s.

Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. 776 s.

Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. 104 s.

Список сокращений

- блг – Большие Горы
- вдл – Видлица
- вкн – Вокनावолок
- илм – Иломантси
- кль – Калевала
- крб – Корбинаволок
- крс – Корписелькя
- лхт – Лахта
- нкр – Неккула – Рыпушкалица
- олн – Олонец
- пчс – Печная Сельга
- слм – Салми
- смб – Самбатукса
- сст – Суйстамо
- срв – Суоярви
- смз – Сямозеро
- црп – Царь-порог
- вепс. – вепсский язык
- ливв. – ливвиковское наречие
- люд. – людиковское наречие
- ск. – собственно-карельское наречие
- фин. – финский язык
- букв. – буквально
- т. д. – так далее

Некоторые вопросы номинации названий болезней в карельском языке (на основе названий птиц и животных)

Проблема номинации – сложная. Ее разработка в различных аспектах ведется на протяжении многих десятков лет. Пополнение номинационных ресурсов в языке происходит постоянно. Оно осуществляется в основном за счет переосмысления значений уже существующих в языке наименований и сопряжено с образованием у них новых значений, формирующихся в актах вторичной номинации (Железанова, 1987, 11). Одним из способов вторичной номинации является метафора. Метафора предполагает, что предметы, имеющие некоторые сходства между собой, могут одинаково называться. Сходство между предметами (явлениями), на основании которого становится возможным “именем” одного предмета называть другой, бывают самыми разнообразными. Предметы могут быть похожи: формой, расположением, цветом, размером, характером производимого на нас впечатления и т. д. В данной статье попытаемся рассмотреть некоторые названия болезней в карельском языке, в основе которых лежит метафорический перенос:

koirann’än’n’i: ск. (кль, ргз, твр, имп) koirann’än’n’i // ливв. (вдл, нкр, слм, смз) koirann’än’n’i (KKS, 2, 278) // люд. (прж) koigan n’änni “ячмень (гнильное воспаление сальных желез века)” (букв. koirann’än’n’i – собачий сосок). Карелы использовали название koirann’än’n’i потому, что ячмень на глазу по внешнему виду напоминает собачий сосок;

koiranvanhus: ск.: koiranvanhus // ливв. (слм) koiranvanhus (KKS, 2, 279) “рахит, болезненная худощавость” (букв. koiranvanhus – собачья старость, старость собаки). Во время этого заболевания ребенок очень сильно худел, его била мелкая дрожь. Симптомы рахита напоминали больную собаку в старости, и именно поэтому карелы стали использовать название детской болезни koiranvanhus. Для сравнения, хотелось бы отметить, что у русских названием “собачья старость” или “собачья немочь” обозначали болезнь не рахит, как у карел и вепсов, а сильное изнурение у детей, при котором лицо принимало старческий вид (Забылин, 2003, 397);

kukonsilmät: ск.: (илм) kukonsilmät, (срв) kukoinsilmäd // ливв. (вдл) kukoinsilmät, (нкр) kukoinsilmäd (KKS, 2, 419) “куриная слепота” (букв. kukonsilmät, kukoinsilmät – глаза петуха). Человек во время этой болезни плохо видит в темноте, равно как и петух или курица, скорее всего, поэтому карелы и стали называть эту болезнь kukonsilmät;

kurmičča, kurbičča, kurvičča: ск. (пдн) kurbičča, (илм) kurvičča, (твр) kurmičča~kurvičča, (имп) kurmičču // ливв. (тлз, влз, слм) kurmičču, (вдл) kurmičad (KKS, 2, 468) // люд. kurmičču (Kujola, 1944, 174) ‘веснушки’ (kurb(v)ičča, kurmičča, kurm(v)ičču – от сущ. kurmoi ‘кулик’). На территории Карелии, где распространено собственно карельское наречие, веснушки называют kurvičat, kurbičat, а в Олонецком районе и у людиков – kurmičča, kurmičču. На Карельском перешейке и в ижорском языке используют лексемы räaskysenkirjat, räaskysen kirjavat, первая часть которых переводится ‘ласточка’ (räaskynen). В финском языке названия teerenpilkku, teerenpisamat, teerenpiset, teerenkirjat образованы от слова teeri (‘тетерев’), на севере Финляндии вместо первой части слова teeren- используют koppelon- (koppelo ‘глухарка’). Почему в прибалтийско-финских языках названия вышеука-

занного кожного явления происходят от названий птиц? Существуют разные мнения: одни считают, что веснушки по цвету напоминают оперение таких птиц, как тетерев, глухарка и кулик; другие (и этой точки зрения придерживается большинство) думают, что птицы по какой-либо причине “насылают” веснушки на людей. Например, раньше люди верили, что если беременная женщина съест яйцо тетерева, то у ее ребенка обязательно будут веснушки. В некоторых местах про человека с веснушками говорят, что на его лицо тетерев (глухарка или кулик) разбил свое яйцо. На некоторых территориях Финляндии используют и грубые названия веснушек – teerenpaska, teerenpaskat (букв. ‘дерьмо тетерева’). Эти названия связаны с верой людей: если весной человек пойдет под то дерево, где тетерев воркует, то тетерев испражнится на него сверху, в результате чего у человека появятся веснушки (teerenpaskat). В Карелии и Ингерманландии было такое поверье: если человек разрушит гнездо ласточки, то она накакает на этого человека веснушками (Heikinmäki, 1976, 467–468);

poččitaudi: ливв. (ткс) poččitaudi “свинка, заушница, паротит” (букв. poččitaudi – свиная болезнь). Во время этого заболевания у больного шея становится очень толстая, трудно голову повернуть, другими словами, шея и лицо становились как у свиньи, вероятно, поэтому карелы и стали использовать такие названия. Надо отметить, что в народной медицине южных и капшинских вепсов известен термин siganišk (букв. ‘свиная шея’), так как вепсы считали, что “носитель этой болезни” свинья (то есть свинья “насылает” эту болезнь на человека): “Siganišk väžihe, nīkuna ī anda pād kätä” – “Свиная шея привязалась, никуда не дает головы повернуть” (Винокурова, 2006, 331);

varoinsoapat, kurrenšapat: ск. (илм, вкн) variksenšoaapat (KKS, 6, 500); (тв.г.), kurrenšapat (СКЯ, 1994, 123) // ливв. (смз) varoinsuapat (KKS, 6, 502) “цыпки” (букв. varoinsoapat,

variksenšoarpoat – вороньи сапоги; kurgenšuarpuat – журавлиные сапоги). Во время этого заболевания у детей лопалась кожа на ногах и была похожа на кожу на лапах вороны, поэтому карелы стали использовать названия variksenšoarpoat, varoinsuarpuat (Virtaranta, 1958, 147). В некоторых деревнях (например, тихвинские и тверские карелы) использовали название kurgenšuarpat, потому что цыпки появлялись весной, именно в то время, когда прилетали журавли (кроме этого, журавли проводят большую часть времени в воде или возле нее, а, как известно, цыпки появляются и от холодной воды), и карелы верили, что журавли приносят это заболевание (Virtaranta, 1980, 126; Heikinmäki, 1976, 464).

Таким образом, метафоричность рассмотренных наименований заключается в следующем: данные лексемы указывают на то, что внешний вид больного или основной симптом заболевания имеет сходство с тем или иным животным или птицей (во время свинки – шея больного становится толстой, как шея свиньи; цыпки на ногах напоминают ороговевшую кожу на лапах вороны; человек, страдающий куриной слепотой, видит плохо в темноте, равно как и курица или петух, и т. д.). Метафора играет важную роль в процессе словообразования карельских названий болезней.

Список литературы

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. 448 с.

Железанова Т. Т. Семантическое развитие номинаций паралингвизмов // Сборник научных трудов: семантика, прагматика, текст. М., 1987. Вып. 290. С. 11–21.

Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. М., 2003. 608 с.

СКЯ = Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // *Virittäjä.* 1976. № 5. S. 459–479.

KKS, 2 = Karjalan kielen sanakirja. 2 osa // LSFU. Helsinki, 1974. XVI, 2. 591 s.

KKS, 6 = Karjalan kielen sanakirja. 6 osa // LSFU. Helsinki, 2005. XVI, 6. 782 s.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja // SUST. Helsinki, 1944. 543 s.

Virtaranta P. Katri Peräläinen, inkeriläinen kielenoppaani // *Kertojat ja kuulijat / Toim. Laaksonen P.* Helsinki, 1980. S. 117–136.

Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. 804 s.

Список сокращений

собственно-карельское наречие:

вкн – Вокनावолок

илм – Иломантси

имп – Импилахти

кль – Калевала

пдн – Паданы

ргз – Ругозеро

твр – Тверь

людиковское наречие:

прж – Пряжа

букв. – буквально

ливв. – ливвиковское наречие

люд. – людиковское наречие

ск. – собственно-карельское наречие

сущ. – имя существительное

ливвиковское наречие:

вдл – Видлица

влз – Ведлозеро

нкр – Неккула – Рыпушкалица

слм – Салми

смз – Сямозеро

ткс – Тукса

тлз – Тулмозеро

Заемствованные элементы в лексике новописьменного карельского языка

Процессы развития лексической системы новописьменного карельского языка относятся к сфере общеязыкового планирования, являющегося составной частью корпусного планирования языка. Общеязыковое планирование включает в себя планирование словарного состава наряду с планированием норм правописания и грамматических норм. В свою очередь, непосредственно корпусное планирование охватывает создание и развитие литературного языка, реформы орфографии, введение в обиход новых слов и терминов, а также составление словарей и грамматик. Создание и развитие единой нормы литературного языка, т. е. его стандартизация, составляет ядро корпусного языкового планирования (Раннут, 2004).

Развитие словарного состава новописьменного карельского языка началось с первой половины 1990-х г. с выходом в свет карелоязычных газет, учебных изданий, художественной литературы, а также в связи с преподаванием карельского языка в системе образования.

Лексика языка фиксируется, прежде всего, в словарях. В связи с этим представляется важным подчеркнуть, что за период более чем 15 лет развития карельской письменности были составлены и изданы словари карельского языка на ливвиковском и на собственно-карельском наречиях, словарь карельского языка тверских говоров, фразеологический словарь карельского языка и т. д. Новая лексика и терминология также зафиксированы в изданиях Республиканской термино-орфографической комиссии.

Карельский язык обладает достаточно развитой системой словообразования. Имена и наречия в карельском языке образуются в основном с помощью суффиксов и путем словосложения, для глагольного словообразования характерен суффиксальный способ.

Суффиксальная система карельского языка чрезвычайно богата, большинство продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются производные слова, различаются в собственно-карельском и ливвиковском наречиях лишь огласовкой.

Проанализированный лексический материал показывает, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдается морфологическому способу словообразования. Большинство новых слов в карельском языке образовано по правилам карельской грамматики суффиксальным способом.

При образовании новых слов помимо собственных ресурсов карельского языка используются также заимствования. Экстралингвистическими условиями бытования карельского языка обусловлены основные языки-доноры в процессе заимствования. Ими стали русский язык, как наиболее развитый соседствующий идиом, и финский, как близкородственный литературный язык.

Из русских заимствований можно назвать: *vięro* 'верование', *bolsevikka* 'большевик', *bojevikka* 'боевик', *rossi* 'брошь' (с.-кар.), *kluassu* 'класс', *ručku* 'ручка', *rajonu* 'район', *zavodu* 'завод' (лив.); из финских заимствований в ливвиковском наречии – *ilmoitus* 'объявление' (фин. *ilmoitus*), *muodo* 'форма' (фин. *muoto*), *luondo* 'природа' (фин. *luonto*), *luonneh* 'характер' (фин. *luonne*); в собственно-карельском наречии – *takavarikoija* 'конфисковать', *osuuskunta* 'кооператив', *luotto* 'кредит', *avaaruus* 'космос' и т. д.

Достаточно частым в современном карельском языке стало употребление интернациональной лексики, заимствованной главным образом через русский язык (в этих случаях русский язык становится языком-медиатором). Так, например, из общего состава общественно-политической лексики на ливвиковском наречии, зафиксированной в бюллетенях Республиканской терминологической комиссии, более 40% составляют интернационализмы (Общественно-политическая лексика, 2003, 2004). Среди слов-интернационализмов – *dokumentu*, *projektu*, *aspektu*, *indeksu*, *bogiemu*, *biljardu*, *seminuaru*, *matriarhattu* и т. д.

Сам по себе процесс заимствования представляет собой перемещение различных языковых элементов, чаще всего лексических, из одного языка в другой. Слово, становясь заимствованием, подвергается в языке-реципиенте фонетическому, грамматическому, семантическому освоению. Не останавливаясь подробно на этих явлениях, отметим, что в карельском языке при заимствовании слов из финского языка происходит озвучивание смычных звуков в ливвиковском наречии (*sopimus* – *sobimus*), в собственно-карельском наречии *s* переходит в *š* (*sopimus* – *šopimuš*); слова, оканчивающиеся в финском языке на *-nen*, в карельском языке приобретают окончания *-ne* (ливв.) и *-ni* (*с.-кар.*); согласный звук *t* трансформируется в *č* (ливв.) или в *tš* (*с.-кар.*) – *halličus* и *hallitšus* и т. д. При заимствовании интернациональной лексики в наречия карельского языка слова приобретают конечную огласовку, характерную для данного наречия, например: ‘интеллект’ *intellektu* (ливв.) и *intellekti* (*с.-кар.*), ‘проект’ *projektu* (ливв.) и *projekti* (*с.-кар.*), ‘интуиция’ *intujitsii* (ливв.) и *intuitijo* (*с.-кар.*).

Как особенность употребления в речевой практике заимствованной лексики можно отметить использование дублетов. Дублетную пару могут составлять слово-интернационализм и исконное карельское слово либо калька, созданная по правилам грам-

матики карельского языка, а также в качестве дублета интернациональных лексем могут выступать заимствования (в основном из финского языка). В качестве примеров использования дублетных пар можно привести следующие: 'интенсивный' – *intensiivine* и *vägevü* (ливв.), *intensiivini* и *voimakas* (*с.-кар.*); 'интеллект' – *intellektu* и *mieli/tazo* (ливв.), 'инфляция' – *infl'atsii* и *d'engu/arvon langenemine* (ливв.); 'интриган' – *šeikkailii* и *intriguanu* (ливв.); 'конкретизация' – *konkretisointi* и *täsmennys* (*с.-кар.*); 'календарь' – *kalenteri* и *päivä/kirja* (*с.-кар.*).

Для одних и тех же лексем в наречиях карельского языка в некоторых случаях находятся различные эквиваленты, например: 'инстинкт' – *vainu, tundo* (собственная лексема в ливв.) и *instinkti* (интернационализм в *с.-кар.*), 'интуиция' – *süväin/iäni* (собственная единица в ливв.) и *intuitijo* (интернационализм в *с.-кар.*), 'интенсификация' – *intensiivistämine* (интернационализм в ливв.) и *tehostamini* (*с.-кар.*; ср. фин. *tehostaminen*), 'закс' – *zaksu* (заимствование из русского в ливв.) и *rekisteri/toimisto* (*с.-кар.*; ср. фин. *rekisteritoimisto*), 'законопроект' – *zakonan/huave* (первая часть сложного слова – русское заимствование в ливв.) и *laki/ehotus* (*с.-кар.*; ср. фин. *lakiehdotus*).

Помимо заимствований особую группу словообразовательных моделей представляют кальки и полукальки. Использование калек и полукалек – один из наиболее предпочтительных способов пополнения лексики младо- и новописьменных языков, поскольку они наилучшим образом вписываются в языковую структуру. Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку средств создается производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в языке слову придается новое

значение в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову. Так, словообразовательными кальками в карельском языке стали: 'главное слово' *riäsana* (ср. фин. *pääsana*), 'сложное предложение' *ühtüsvirkeh* (ср. фин. *yhdyslause*), 'письменный язык, письменность' *kirjukieli* (ср. фин. *krjakieli*). Под влиянием финского языка путем аффиксации созданы, например, слова *üksikkö* 'единственное число' от карельского *üksi* 'один' (ср. фин. *yksikkö*) и *monikko* 'множественное число' от карельского *moni* 'много' (ср. фин. *monikko*).

В некоторых случаях бывает непросто определить словообразовательную модель создания новой лексической единицы. Например, при образовании слова *lugu/miärü* 'численность' в ливвиковском наречии можно предположить наличие калькирования, так как обе части сложного слова были известны в карельском языке *lugu* 'счет' и *miärü* 'мера', а финская лексема *lukumäärä* с таким же значением могла бы явиться образцом для создания кальки. Однако при более детальном анализе обнаруживается, что в карельском языке существовала собственная аналогичная словообразовательная модель адвербиального значения – *silmü/miäriä* 'приблизительно, на глазок', которая также могла бы стать образцом для создания нового слова.

Процессы заимствования отмечаются также при словосложении. Частями сложных слов могут выступать как исконные, так и заимствованные компоненты, при этом их сочетания могут быть различными. Это в полной мере относится к новым сложным словам карельского языка. Одним из типов словосложения при формировании новой лексики карельского языка стал тип «исконное слово + заимствованное слово» и «заимствованное слово + исконное слово».

Новообразования этих двух типов включают в себя в качестве основной части исконные или заимствованные компоненты и, соответственно, в качестве определяемой части также либо заимствованные, либо исконные компоненты. Большинство лексем составляют такие имена, в которых первый или второй компонент заимствован из русского языка (либо это интернационализм, заимствованный через русский язык). Такое преимущественное «соседство» исконных карельских слов и русских заимствований в словосложении легко объясняется экстралингвистическими факторами – давними языковыми контактами, функциональной мощностью русского языка, преобладающим типом современного двуязычия.

С заимствованными из русского или через русский язык компонентами сложных слов представлены следующие новообразования: *tütti/teatru* ‘кукольный театр’, *jalgu/miäččü* ‘футбол’, *sportu/houzut* ‘спортивные брюки’, *imu/bumuagu* ‘промокательная бумага’, *sugu/termin* ‘термин родства’, *aigu/formu* ‘временная форма’, *škola/šalgu* ‘портфель’, *kauneh/gimnastiekku* ‘художественная гимнастика’, *černil/onzi* ‘стержень’ (ливв.); *peli/stola* ‘игровой стол’, *arhiiva/tieto* ‘археография’, *keittäjä/muasteri* ‘кулинар’, *advokatti/toiminta* ‘адвокатура’, *pliitta/kivi* ‘брусчатка’, *lasi/mosaikka* ‘витраж’, *kino/taito* ‘кинематография’, *gieni/vara* ‘генофонд’, *rahvahan/suutu* ‘народный суд’, *netäli/kirja* ‘еженедельник’, *rauta/betoni* ‘железобетон’, *malli/kuklani* ‘манекен’ (с.-кар.).

Среди новых сложных слов есть и такие, один из компонентов которых заимствован из близкородственного финского языка: *kerdavo/sävel* ‘припев’, *salbo/merkit* ‘скобки’, *pagin/elimet* ‘органы речи’, *pappi/soitin* ‘щипковый инструмент’ (ливв.).

Составными частями сложного слова могут стать заимствованные компоненты, и это следующий тип словосложения – «заимствованное слово + заимствованное слово».

Среди новообразований этого типа словосложения, как правило, одна часть сложного слова заимствуется из русского языка (или через русский), а вторая часть – из финского языка, или наоборот. Реже обе части сложного слова заимствованы из какого-либо одного языка. Новые слова данного типа представляют собой немногочисленную группу: *zakonoin/luadii* ‘законодатель’, *kul'tuuru/keskus* ‘культурный центр’, *arhiivu/tiedo* ‘археография’, *algu/kluassu/škola* ‘начальная школа’ (в последнем случае заимствованы из русского языка второй и третий компоненты слова) (ливв.); *kukla/teatteri* ‘кукольный театр’, *substantiivi/atribuutti* ‘субстантивное определение’ (с.-кар.).

Список литературы

Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Szombathely, 2003. 137 с.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. 120 с.

Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. 216 с.

Лингвистическая терминология. Бюллетень № 1. Государственный комитет Республики Карелия по национальной политике. Петрозаводск, 2000. 31 с.

Маркианова Л. Ф. Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск, 1985. 193 с.

Маркианова Л. Ф. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Szombathely, 2003. С. 63–74.

Маркианова Л. Ф., Бойко Т.П. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1996. 222 с.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): А–О. Бюллетень № 6. Петрозаводск, 2003. 130 с.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): П–Я. Бюллетень № 8. Петрозаводск, 2004. 255 с.

Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие): А–О. Бюллетень № 7. Петрозаводск, 2003. 111 с.

Раннут М. Пособие по языковой политике. Таллинн, 2004. 215 с.

Markianova L. Karjalan kielioppi 5–9. Petroskoi, 2002. 293 s.

Õispuu J. Oma mua – lehden uudissanastoa vuosilta 1990–1997. I Tallinn, 2003. 268 s.

Õispuu J. Oma mua – lehden uudissanastoa vuosilta 1990–1997. II. Tallinn, 2003. 238 s.

**«Белая волюшка» – основной объект оплакивания
в вепских свадебных причитаниях**

Основным объектом оплакивания в вепских свадебных причитаниях является **vouged voudeine** – «белая волюшка». Слово-сочетание является «традиционной формулой» языка вепских причитаний и представлено во всех локальных традициях. Диалектные варианты «формулы»:

vouged voudeine (западные говоры средневепс. диалекта),
vauged vaud (vaudeine) (восточные говоры средневепс. диал.),
vāged vādāne (южно-вепс. диал.), *vouged (vol'ni) valdaine* (северно-вепс. диал.).

Диалектная вариативность объясняется характерными фонетическими переходами в истории вепского языка, где **l > л > u**, отсюда появляются вторичные дифтонги: **al > ал > au > ou** (Tunkelo, 1946, 437, 608). В части говоров южновепсского диалекта отмечаются долгие гласные на месте дифтонгов на **-u: au > ā** (в первом слоге) и дифтонгов на **-i: ai > ā, ui > ū** и др. (далее первого слога) (Tunkelo, 1946, 436; Зайцева, 1981, 306–307).

Прим.: *vauged > vāged* (белый),
valdaine (valdeine) > vaudaine > voudeine (волюшка),
valdaine (valdeine) > vaudaine > vādāne,
linduine > lindūne (птичка, пташечка), *pezaine > pezāne* (гнездышко).

Рассмотрим круг представлений, лежащих в основе данного образа, выраженного в текстах причитаний традиционной формулой *vouged voudeine*. «Белая волюшка» символизирует девичью жизнь, с которой прощается навсегда выходящая замуж де-

вушка. В русских плачах ей соответствует «вольная волюшка», в карельских свадебных причитаниях *valgiel valdazet (valkiel valtaset)* – «белые, светлые волюшки» (Степанова, 2004, 282).

Основной комплекс плачей, исполняемых вечером накануне свадьбы, был посвящен расставанию, прощанию девушки-невесты с ее «волей» и являлся кульминационным моментом предсвадебного этапа. У вепсов в косу невесты вплеталась лента, чаще белого цвета. Эта лента была как бы материальным воплощением «девичьей воли» и называлась *vouged voudeine* (Кузнецова, 1999, 136). Подтверждение этому мы находим и в плачах.

Невеста обращается к сестре (средневепс., Немжа):

Setei sinä minun da čikuško,

otaške sinä minun vouged voudeine, krasni krasoteine-se.

*Mäned sinä vesl'ale besedeižele, levedale gul'ankeižele,
pleti-ko ičiiz kalhiže da kasežihe minun golubijad da lenteižed,
guleižoitaške, ved jäd mamanke i tatanke i veslide viikoihuzidekeni...*

*Alaške sinä händast abidi, minun vouktad da voudašt-se,
kezou ed voi sinä vöda gul'bišeizele, sidoške tihedaha koivuižehese,
okha niciš koivuižes da minun lenteine, ili tihedaha tomudehe,
okha hän krasuiše i likuiše.*

*Paštaškab vouged peiveine, okha händast lämbitab,
a proiduškatas libedad linduižed, okha ištutas i pajatadas.*

(ФПГК, 313/8013)

«Милая ты моя сестрица,

Возьми ты мою белую волюшку, красную красотушку,

Пойдешь ты на веселую беседушку, на широкую гуляночку,

заплети в свои дорогие косы мои голубые ленты,

повыгуляй (волю), ведь остаешься с мамой и папой и веселыми братцами...

Не обидь ее, мою белую волюшку,

летом не сможешь отвести на гульбище, завяжи на густую березоньку,

пусть на этой березоньке да моя ленточка, или на густую черемушку,

пусть она красуется и колыхается.

Засветит светлое солнышко, пусть ее согреет,

а пройдут милые пташечки (девушки), пусть присядут и спокуют».

Сестра невесты, отказываясь принять ее «волюшку», причитывала:

...Nece tari sidoda kalha kaseižehe sinun vouged voudeine-se.

Emboi minä sinun vouktad voudašt krasuižoitta i likuižoitta,

surdun minä löumou radeižuu-se...

(ФПГК, 313/8016)

«Нужно завязать в дорогую косыньку твою белую волюшку.

Не могу я твою белую волюшку красовать и колыхать,

Устаю я на тяжелой работушке-то».

Прилагательное «белый», широко применяемое в народной лирике, имело обобщенное значение – нечто красивое, приятное. В анализируемом словосочетании эпитет «белый» кроме функции созвучия несет положительную семантику – «чистый, светлый». А аллитерация, в свою очередь, способствовала запоминанию языковой формулы (*vouged voudeine*).

Зачастую в свадебных причитаниях в качестве синонима «белой волюшки» употребляют атрибутивную пару, заимствованную из языка северно-русской свадьбы: *krasni krasoteine* – «красная красотушка», таким образом, синонимичная пара образовывала поэтический повтор.

Užeske-ku minä krasuižoitan ičiin vouktan voudeižen, krasnijan krasoteižen...

(ФЭЛИ, 2984/17)

«Погоди-ко, я покрасую свою белую волюшку, красную красотушку».

В причитаниях южных вепсов этому соответствовала пара: *vāged vādāne – kābed krasāne* – «белая волюшка – красная (красивая) красотушка».

Kirboīn i kadoīn nečil pimedā ehtāzō ičēn kābedan krasāžen, ičēn vāktan vādāžen...

«Уронила и потеряла этим темным вечерочком свою красную красотушку,

свою белую волюшку...»

(ОВР, 1969, 256–58)

«Красотой» – *krasot* также назывался пучок разноцветных лент, крепившийся к концу косы. Она также могла выглядеть как широкая лента, расшитая бусами, к которой сзади крепился пучок лент. Эта «красота» надевалась поверх платка, покрывающего голову невесты (Кузнецова, 1999, 136). Затем подружки невесты разбирали ленты, крепившиеся к повязке, и забирали себе на память (Колмогоров, 1913, 383). Из расплетения косы и снятия лент и состоял обряд «расставания с волей» (Кузнецова 1992, 116).

«Красота» – повязка с лентами, украшенная бисером, была характерна и для северных русских губерний (Колесницкая, Телегина, 1977, 115). Этнограф Т. А. Бернштам, рассматривая обряд «расставания с красотой» на восточнославянском материале, пишет: «За термином стоял ряд отвлеченных понятий – девичья красота, радость, невинность» (Бернштам, 1982, 55). Автор делает вывод, что древней семантикой образа «красоты» является то, что это душа девушки, которую она утрачивает, выходя замуж (Бернштам, 1982, 56). Таким образом, девушка умирает в девичестве, теряет свою девичью душу и приобретает другую, душу замужней женщины.

Появление в севернорусских свадебных причитаниях образов девичьей «души» – «воли», «красоты» в виде живых существ, птиц исследователи связывают с воздействием понятий и образов финно-угорского фольклора (Бернштам, 1982, 57).

Мотив, где девичья воля представляется в образе птицы, мы обнаруживаем в вепсском причитании, где утром в день свадьбы невеста рассказывает о приснившемся ей сне (средневепс., Ладва):

*Rodimii roditel', minä nägin' tälüu uniš,
ku sinun izon da iknanno oli tihed da koivuine,
kovuižehe ištui libed da linduine-se.*

*Rodimii roditel' kalliž kazvatei,
nece ii libed linduine ištund, a ištui minun da vouged voudeine,
ii lehedad lehtuižed sigä, a lehežiba minun kalhes-se kasaižes
čomad da lenteižed.*

(ЯИН, 2002, 61)

«Родимый родитель, я видела сегодня во сне,
Как у твоего милого окна была густая березонька,
На березоньку села милая пташечка.

Родимый родитель, дорогой выросивший,

Это не милая пташечка сидела, а сидела моя белая волюшка,

Не свежие листочки там, а колыхались (развевались) в моей
дорогой косе красивые ленточки».

Появление образа березы в плаче, возможно, не случайно. Как известно, береза – священное дерево финно-угорских народов. Вепсы кладут в гроб покойнику оборванные с сухих веников березовые листья (Азовская, 1977, 143). В северно-русских свадебных причитаниях «воля-красота», отделившись от девушки, иногда оказывается именно на березе. Исследователи указывают на выделяемое женское начало в культуре березы у русских, в чем сохранились «древние представления о березе как о дереве-тотеме, женском божестве» (Кузнецова, 1993, 88–90).

Представление о «волюшке» как о живом существе, а возможно, указание на ее персонификацию мы обнаруживаем в следующем плаче, где у «белой волюшки» появляются «стройные ноженьки» (средневепс., Ладва):

I užeske vuu valičen i viberin minä tahoizen, i čomale tazole nitüižele,

okhaske hän sigä krasuiše i likuiše minun gor'o-gor'ki vouged voudeine

i oi ved' minä fatimoi i zdogadimoi – ii sija sit' linne minun vouktale voudeižele-se,

i mändasoï veslad viikoihuded teravide lituukeižideke – ka

i čaptas hänuu i sorvad jougeižed-ne vouktou da voudeižuu.

[VLKS, № 11]

«И погоди-ко еще выберу я местечко, и на хороший ровный лужок,

Пуškai она там красуется и колыхается моя горе-горькая белая волюшка,

И ой ведь я схватилась и догадалась – не место здесь моей белой волюшке,

И пойдут веселые братцы с острыми косами,

И отрежут у нее **стройные ноженьки, у белой волюшки».**

Для вепсских свадебных причитаний характерны мотивы «выбирания места» для «волюшки», это и *laged püudoine* – «чистое полюшко», *vihand nitüine* – «зеленый лужок», *tazod zapol'kad* – «ровное заполье», *izo ikneine* – «милое окошечко». Но все-таки невеста оставляет свою «белую волюшку» сестре или подруге, а иногда «светлomu солнышку» – *vouktale peiveihudele* или матери под правую грудь.

Таким образом, предметным воплощением «волюшки»-«красоты» является лента или праздничная повязка невесты. Порой проявляется орнитоморфная символика, «воля» выступает в

образе птицы, что подтверждает мысль о «волюшке» как душе девушки, проводя параллель с образами птиц как душ умерших людей в похоронных плачах.

Список литературы

Азовская Л. П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 140–152.

Бернштам Т. А. Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 47–58.

Зайцева М. И. Грамматика вепского языка. Л.: Наука, 1981. 360 с.

Колесницкая И. М., Телегина Л. М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 112–122.

Колмогоров А. И. Чухарская свадьба (Черты обрядовой жизни у чухарей) // Сборник в честь 70-летия Д. М. Анучина. М., 1913. С. 371–393.

Кузнецова В. П. О семантике карельских, вепских и севернорусских свадебных причитаний // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 109–126.

Кузнецова В. П. Причитания в севернорусском свадебном обряде. Петрозаводск, 1993. 179 с.

Кузнецова В. П. Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: Изд-во Петр. гос. ун-та, 1999. С. 126–147.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 303 с.

ОВР – Образцы вепсской речи / Сост. Зайцева Н. Г., Мулло-
нен М. И. Л., 1969.

ЯИН – Язык и народ (Тексты и комментарии). СПб., 2002.

Tunkelo E. N. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946. 922 s.

ФПГК – фонотека Петрозаводской государственной консерватории,
№ 313/8013, № 313/8016.

ФЭЛИ – фонотека Эстонского Литературного института, № 2984/17.

VLKS – Vepsän lauluja kansan suusta (CD, Juminkeko, 2003). № 11.

Экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов в вепском языке

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке неразрывно связано с именем В. В. Виноградова. В ряде работ им были поставлены и разрешены многие вопросы общего характера, которые впоследствии позволили создать базу для изучения устойчивых сочетаний слов в современном русском литературном языке.

Проблема экспрессивности как языкового явления всегда находилась в центре внимания многих лингвистов, поскольку она связана с выражением субъективного отношения говорящего к предмету речи. Особенный интерес к экспрессивности пробудился к середине XX в. (монографии Ш. Балли, Я. Зимы, В. А. Звягинцева, А. И. Ефимова, статьи Е. М. Галкиной-Федорук, Л. М. Васильева и других исследователей, в которых было положено творческое осмысление категории экспрессивности). В исследовании экспрессивности выделяется два основных подхода: функционально-стилистический или речеведческий (М. Н. Кожина, Н. М. Павлова, Т. Г. Хазагеров и др.) и семантический (Л. М. Васильев, Н. А. Лукьянова, Т. В. Матвеева, В. Н. Телия и др.). Существует также точка зрения, что экспрессивность, в силу размытости ее границ, следует заменить более четко определенной лингвистической категорией (В. Д. Девкин).

В лингвистике наблюдается повышенный интерес к эмоциональной сфере человека, к проблеме воздействующей силы слова, к возможности изучения личностных качеств коммуниканта по

его речевой деятельности, к вопросу взаимоотношений между языковыми знаками и теми, кто ими пользуется.

Возрастает интерес к изучению приемов и средств выражения экспрессивности в языке, а также в языке текстов художественных произведений. За последние годы вепсский язык стал интенсивно развиваться: печатается газета “Kodima”, выпущено много сборников стихов вепсских поэтов, вышел в свет роман на вепском языке, благодаря чему можно сравнить примеры фразеологических оборотов разговорно-бытовой и книжной речи.

Исследование типологии экспрессивного потенциала и художественно-изобразительных функций разноуровневых языковых средств представляется актуальным также для практики художественного перевода, поскольку их некорректное, неадекватное применение часто приводит к искажению замысла автора, разрушая семантико-вербальную архитектуру авторского текста, с чем мы часто сталкиваемся на занятиях по практике перевода. Рассмотрим это на примерах художественной литературы и стихов: ’ni mecad en el’genda’ – ни леса не понимаю, ничего не понимаю, ’pästta nenad’ – опустить нос, повесить нос, ’manaluine muhu’ – (’manaluine’ – дух мертвых, лукавый) лукавая улыбка, ’haraganpašoi’ – Сорокина Пашенька, пустышка, хохотушка (И. Бродский «Каларанд»). Н. Г. Зайцевой удалось совместить в одной строке стихотворения “Taivhanke sido” и народную мудрость, и авторский талант в создании новых образных выражений: Hel’mesine vihmüt – kaiken elon idu, Hobedaizän rihmoin Taivhanke meid sidob. Жемчужный дождь – всей жизни росток, он как будто серебряными нитями связывает нас с небом. Жемчужный дождь – всего живого жизнь, серебряным силком объединил нас с небом. В стихотворении “Kodirandal” ’minun hengen tuskkur poleb’ тоска лижет мою душу. В данном контексте tuskkur – это нахлынувшая тоска.

Всестороннее изучение фразеологической системы вепсского языка позволит нам глубже проникнуть в сложную и разнообразную жизнь устойчивых сочетаний слов, получить представление об их основных структурно-семантических и стилистических типах, узнать их происхождение и особенности функционирования, поможет объективно и правильно оценить творческие поиски вепсских писателей и публицистов и т. д.

С точки зрения экспрессивно-стилистических свойств Н. М. Шанский выделяет следующие группы фразеологических оборотов:

- межстилевые,
- разговорно-бытовые,
- книжные,
- архаизмы и историзмы.

Касаясь стилистической дифференциации фразеологизмов, следует говорить «о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются ими (фразеологизмами) вследствие их предпочтительного и даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения» [1].

Употребление многих фразеологических оборотов в той или иной степени ограничено рамками определенного стиля языка ('kohtu tönduda' 'отправиться за животом' – забеременеть, 'pinoho panda' 'положить в поленицу' – навести порчу, 'lähtta vozišpäi' 'выйти из возраста' – состариться – принадлежность к разговорно-бытовой речи, 'sügüzen kuld' – золото осени, осеннее золото, 'keväz'vezi' 'весенняя вода' – мимолетное видение, 'päiväižen sil'mäine' 'солнечный глазик' – солнечный лучик – принадлежность к книжной речи). Многие фразеологические обороты не только называют то или иное явление объективной действительности, но и указывают на определенное отношение

говорящего к этому явлению (неодобрение, ласка, ирония, риторичность и т. д.).

Межстилевые фразеологические обороты – это устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка (Шанский, 1996). Межстилевые фразеологизмы, как и межстилевые слова, являются, таким образом, простыми наименованиями явлений объективной действительности без какой-либо оценки: ‘antta vajeh’ – дать слово, обещать; ‘išhta kämnil’ – ударить ладонями, решить; ‘hambastada kel’ – прикусить язык, помолчать.

Фразеологических оборотов межстилевого характера много, их количество постоянно растет.

Разговорно-бытовые фразеологические обороты – это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи (Шанский, 1996). Фразеологизмы разговорно-бытового характера отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления, а с другой – своей сниженной экспрессивно-стилистической окраской (ласкательный, бранный, иронический, презрительный, шуточный, фамильярный и др.): ‘vähiš hengiš’ – еле живой; ‘voikud panda’ – горько плакать; ‘rästta voikud’ – горько плакать, рыдать; ‘toine pol’ – обратная сторона, бес, черт; ‘kacta lähtkehe’ – ‘смотреть в колодец’ – предвещать, предугадывать (относится к устаревшим ФО); ‘antta sud’ – ‘дать рот’ – целоваться; ‘antta čumbušt’ – поцеловать; ‘uitohto (luhtoho) perda’. Разговорно-бытовые ФО благодаря своим специфическим свойствам широко используются в художественных произведениях, используя их, писатели добиваются «яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения» (Ефимов, 1957).

Книжные фразеологические обороты – это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи (Шанский, 1996). Фразеологизмы книжного

характера отличаются от разговорно-бытовых фразеологизмов, с одной стороны, совершенно иной сферой употребления (это фразеологизмы, характерные для письменной речи), а с другой – своей повышенной экспрессивно-стилистической окраской (книжный, торжественный, поэтический). Книжные фразеологические обороты употребляются в основном в строго нормированной литературной речи.

Долгое время вепсский язык был бесписьменным языком, следовательно, фразеологические обороты сохранились на уровне разговорно-бытового языка. Тем не менее благодаря становлению литературного языка произошло преобразование некоторых фразеологических оборотов и слов, что побудило нас говорить о наличии книжных фразеологизмов. Например, в рассказе В. Пулькина “Laps’again Abekirj” использованы следующие обороты: ‘jäl’gmäized päiväizen sil’muded’ ‘последние глазки солнца’ – последние лучи солнца (в разговорной речи ‘päiväizen sil’maižed’); ‘vezi hengib’ ‘вода дышит’ – легкое колебание воды (в разговорной речи ‘vezi läikäb’); ‘elo om jo tulnu sügüz’kündusehesai’ ‘жизнь уже подошла к осеннему порогу’ – жизнь проходит (в разговорной речи ‘elo om künduzpordhal’).

Особое место среди книжных фразеологических оборотов занимают устаревшие фразеологизмы: фразеологические историзмы и архаизмы. По мнению А. И. Молоткова, данные фразеологизмы легче всего выделяются в составе фразеологизмов и удерживаются в пассивном запасе языка (Молотков, 1957).

Фразеологические историзмы – это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности (Шанский, 1996). ‘Sovetoiden nevondad da mamšin silitand’ ‘советы Советов да старушечьи поглаживания’ – бесполезная трата времени, бес-

полезность; ‘bairin sija’ ‘боярское место’ – удобное место; ‘rapin akan kündled’ ‘слезы попадьи’ – крокодиловы слезы.

Фразеологические архаизмы – это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями слов или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий (Шанский, 1996). ‘Theta heim’ – сделать родню (heshmostadas – породниться); ‘vedehižen tukad’ – волосы водяного (šol’l’od – водоросли) и др.

Степень устарелости фразеологических оборотов может быть разной. Одни фразеологизмы в настоящее время совсем вышли из употребления и без специальных справок не понятны: ‘vāta kavehe’ – играть в прятки, дословно – играть в кол; ‘ištutada maid’ – поставить молоко на простоквашу, ‘puhuda ühthe hil’he’ ‘дуть на один уголь’ – жить душа в душу, ‘sarvel sötted’ ‘рогом вскормленный’, ‘sarvel imetud’ ‘рогом вскормленный’ – искусственно вскормленный ребенок – 1) грубый, жестокий, бессердечный; 2) не испытывавший ласки матери, сирота и др. Другие фразеологизмы, четко осознаваясь как устаревшие, почти всем известны и используются в стилистических целях: ‘otta mehele’ – брать человеку, мужчине, брать в жены; ‘Sur’ Sünduine Sötäi’ – большой (главный) Ангел-кормилец и др.

Употребление устаревших фразеологических оборотов с определенной художественно-выразительной и изобразительной целью аналогично использованию устаревших слов. Они могут быть использованы для придания речи торжественности, для создания языкового колорита эпохи или комического эффекта.

Фразеологические обороты придают речи силу и убедительность, красочность и образность. «Крылатое слово», полная народная мудрость поговорка, выразительная идиома оживляют язык, делают речь более эмоциональной. Эти специфические ка-

чества фразеологизмов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-образительных целей говорящими не преследуется. Однако особенно ясно выразительные свойства фразеологизмов проявляются в литературных произведениях. В руках писателей и публицистов фразеологизмы становятся одним из наиболее действенных языковых средств воплощения художественного образа, их используют для создания речевой характеристики героя, для оживления авторской речи и т. д.

Особенно часто фразеологические обороты встречаются в поэзии, где на устойчивых словах возможно построение целых стихотворных структур. Например, в творчестве Николая Абрамова фразеологические обороты и образные выражения занимают главное место. Поэт сознательно использует их, показывая красоту и самобытность вепсской речи. Само название одного из сборников стихов Н. Абрамова звучит трогательно “Kurgiden aig”, что в переводе означает “Время журавлей” или “Журавлиное время”. Существует два значения объяснения данного выражения – время испытаний, когда приходит пора журавлям улетать в дальние края, второе значение – начало новой жизни, ожидание весны. Большой интерес вызывают стихи Алевтины Ивановны Андреевой, о родном крае, о вепсском народе. Много стихов она посвятила детям, где умело использовала образные выражения (слова): например, ‘unisiga’, ‘unikego’, ‘unifat’, ‘unituk’ обозначают «соня». В стихах для взрослых мы видим другие обороты – ‘mäba hibused läbi nahkas’ ‘волосы вылезают сквозь кожу’ – очень страшно; ‘südäimel kundled’ ‘душой слышишь’ – чувствуешь.

В качестве емких и выразительных языковых средств фразеологические обороты вепсского языка стали довольно широко использоваться в периодической печати, чаще всего как броские, останавливающие читательское внимание заголовки: Vepsläižed

vezad – вепские побеги (Kodima. 2003. № 12), Henktä ühthe hengehe – дышать в одно сердце (Kodima. 1998. № 7–8), “Vepsläižiden pajoiden värtin” – веретено вепских песен (Kodima. 2006. № 11), “Elon Pu” – празник Šoutjärven küläs – праздник «Дерево жизни» в деревне Шёлтозеро (Kodima. 2006. № 8).

В авторском тексте ФО выступают как одно из средств, делающих речь более разнообразной и выразительной, а в речи персонажей – как одно из средств их языково-стилистической характеристики. При таком использовании фразеологизм сохраняет присущие ему в общенародном употреблении значение и структуру и не несет никаких дополнительных экспрессивно-стилистических функций.

Однако нередко фразеологические обороты употребляются писателями и публицистами в измененном, переоформленном или обновленном виде, с иным значением или структурой. В этих случаях фразеологизм получает, помимо свойств, заложенных в нем самом, новые экспрессивные свойства. Исследование художественных произведений на вепском языке позволяет определить основные приемы индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов. Например, ‘eläbid juvid hengehe paneb’ ‘живые зерна закладывает в душу’ – радует душу; ‘kezan muju sulab’ – ‘тает краска лета’ – лето кончается (Nina Zaiceva. “Izo Lizoi”).

Исследование фразеологических оборотов, их классификация позволяют решить целый ряд вопросов, касающихся значимых единиц вепского языка в целом, характера лексического значения слов, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, стилистики художественной речи. Всестороннее изучение фразеологической системы вепского языка позволит получить пред-

ставление о ее основных структурно-семантических и стилистических типах, узнать их происхождение, а особенности функционирования помогут овладеть литературными нормами словоупотребления. Важно изучение фразеологизмов и с точки зрения их специфических свойств в ряду других значимых единиц языка.

Список литературы

Ахманова О. С. Очерк по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996.

Современные концепции построения учебников иностранного языка для общеобразовательной школы

Все новое, что предлагается сегодня авторами учебно-методических комплектов (УМК), базируется на трех основных концепциях обучения иностранному языку:

- 1) лингводидактической (автор Л. В. Щерба);
- 2) логико-психологической (автор А. З. Рахимов);
- 3) коммуникативной (автор Е. И. Пассов).

В основе **лингводидактической** концепции Л. В. Щербы лежит изучение системы языка. Различая речевую деятельность (процессы говорения и понимания), языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого) и систему языка, академик видел задачу лингвистики в воспроизведении системы языка и изучении языковых явлений.

Автор **логико-психологической** концепции А. З. Рахимов считает, что «учебник должен нести не только новые знания, а содержать проблему, имеющую общественно-значимую ценность, которая будет захватывать ученика, перерабатываться умом и сердцем». Учебная книга должна быть ориентирована не на заучивание понятий, она должна также формировать мотивы учения, самостоятельность, ответственность, творческое отношение к учению.

Коммуникативная концепция Е. И. Пассова, согласно программе преподавания иностранного языка, является основной в современной школе, т. к. во главу угла ставится развитие у учащихся умение общаться на иностранном языке, то есть развитие коммуникативной компетенции.

Авторы УМК обычно придерживаются той концепции, которая на данный момент наиболее актуальна и отражает социальный заказ и потребности общества и непосредственно учащегося.

Так, например, в определенную историческую эпоху у школьников, осваивающих курс иностранного языка в школе, развивалось в первую очередь умение читать художественную или публицистическую литературу, т. к. опыт общения с носителями языка практически сводился к нулю. Исходя из этого положения строились учебники: учащиеся изучали более углубленно грамматику, причем в основном конструкции письменной речи. В обучении устной речи делался упор на монологическое высказывание, а на обучение диалогу отводился меньший объем времени. Так же на основе лингводидактической концепции строились и учебники финского языка, например учебник Нелли Хольм и Ольги Кукконен (учебник финского языка для 1-го класса национальных начальных школ, 1949 год). Однако языковая ситуация в то время в национальных школах принципиально отличалась от сегодняшней – дети в семьях говорили на финском, карельском языках, и авторы учебника предлагали дидактический материал, основанный на априорном владении учащимися разговорным финским и близким ему карельским языками.

В настоящий момент, с одной стороны, практически утеряна способность свободной коммуникации на родном языке, а с другой – возникла необходимость и возможность общения и взаимодействия с реальными носителями языка, как в случае с финским языком, который является и иностранным, и одновременно национальным языком, так и в случае с любым другим иностранным языком – английским, немецким, французским и т. д. Поэтому методистами активно начинает применяться коммуникативная концепция при создании УМК. Именно она становится основополагающей.

Логико-психологическая концепция применяется сейчас в основном при создании УМК для краткосрочных учебных курсов, организуемых для взрослой аудитории, однако некоторые ее положения были бы очень интересны для создателей школьных учебников. Например, наличие общего героя или объединение материала единым сюжетом.

Применение той или иной концепции или написание авторской зависит от цели, которую ставят перед собой авторы УМК или, что абсолютно очевидно, ставит перед авторами программа преподавания иностранного языка, утвержденная Министерством образования РФ.

В Государственном стандарте и в Программе по иностранным языкам сказано, что «основной целью обучения иностранным языкам в средней школе является развитие личности школьника, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом языке и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой им иноязычной речевой деятельности». То есть школьник как носитель культуры своей страны должен овладеть всеми видами речевой деятельности настолько, чтобы участвовать в непосредственном или опосредованном диалоге культур с представителями другой страны, где говорят на изучаемом языке. Школьник должен занять центральное место в учебном процессе, а учебник следует рассматривать уже не как основное средство обучения.

На смену ему приходит новая единица – учебно-методический комплект (УМК), направленный на создание мотивации к изучению предмета и обеспечивающий раскрытие творческого потенциала индивидуальности каждого ученика.

УМК не только формируют минимально достаточный уровень коммуникативной компетенции, но и служат развитию ин-

дивидуальности учащихся в диалоге культур (родной и иностранной).

Достижение этой сложной комплексной цели обучения заставляет авторов УМК включать в учебники новые нетрадиционные средства обучения, направленные на реализацию основной формулы концепции коммуникативного обучения. Согласно ей (формуле), обучение иноязычной культуре, процесс обучения иностранным языкам противопоставляются иноязычному образованию. Его цель – не только овладение определенными навыками и умениями, но и формирование человека: развитие его духовных сил и способностей. Содержанием иноязычного образования является культура как система духовных ценностей, накопленных обществом во всех сферах – от быта до философии. Отсюда вытекает, что иноязычное образование есть передача иноязычной культуры в познавательном, развивающем, воспитательном и обучающем аспектах. Чтобы овладеть иноязычной культурой, необходимо, во-первых, от формулы «язык + культура» перейти к формуле «язык (как овладение всеми видами речевой деятельности) через культуру и культура через язык», во-вторых, сделать общение каналом познания, средством развития, инструментом воспитания.

В связи с такой постановкой цели учебник иностранного языка стоило бы называть учебником иноязычной культуры. Доминирующими упражнениями в нем являются полиаспектные, полимодальные и полифункциональные задания, особенностью которых является то, что овладение речевым материалом происходит как бы произвольно, на втором плане, на первом же идет нормальный процесс общения по поводу факта культуры.

Опорами для построения учащимися собственных монологических и диалогических высказываний на иностранных языках становятся логико-синтаксические схемы (об этом говорилось в

статье «Фреймовый подход в обучении иностранному (финскому) языку»¹⁾, образцы диалогических единств и микродиалогов, схемы для их конструирования, стереотипные выражения, характерные для употребления в формальном или дружеском общении. Перечисленные материалы представляют второй, функциональный путь создания условий для диалога культур, т. к. они обеспечивают успешное протекание всех видов речевой деятельности на иностранных языках при психологически благоприятном для иноязычного общения климате. Еще одним путем создания условий для диалога культур является организационный, требующий включения учащихся в такие формы учебной деятельности, которые бы наиболее точно моделировали общение.

Необходимо отметить, что при изучении иноязычной культуры очень часто забывается, что культуры не существуют в вакууме, что они неразрывно связаны. Познание культуры страны изучаемого языка не должно являться самоцелью, но лишь поводом для более глубокого понимания и осмысления своей родной культуры и приобретения понятия о взаимовлиянии культур. Поэтому было бы ценно, если бы учебники по финскому языку содержали материал, побуждающий школьников к активному поиску аналогичной информации о собственной стране, о народах, говорящих на родственных финно-угорских языках и живущих в России и Карелии. Кроме того, очень важно побуждение школьников и к анализу найденной информации, и осознанию культурного вклада этих народов в развитие республики и страны в целом.

¹ *Коробейникова С. В.* Фреймовый подход в обучении иностранному (финскому) языку: Материалы международной конференции «Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика». Петрозаводск, 2006. С. 252.

Сами учебно-методические комплекты по иностранным языкам должны создаваться коллективом авторов, куда входили бы высококвалифицированные специалисты – методисты, учителя-практики, а также консультанты-носители языка. Только в таком соавторстве возможно создание УМК, который бы всесторонне обеспечил полноценное и высококачественное обучение иностранным языкам.

В связи с только что сказанным представляется актуальным ознакомиться с требованиями к УМК, которые предъявляет современная методика обучения иностранным языкам.

Ответы на вопросы «Для чего учить?» и «Чему учить?» находятся в таких категориях методики, как *цели* и *содержание* обучения. Ответ на вопрос «Как учить?» следует искать в *методах* обучения. «С помощью чего учить?» – ответ на этот вопрос мы находим в категории *средства* обучения, центральным компонентом которых является учебник.

В методике обучения иностранным языкам в понятие «*средства обучения*» входят материальные объекты, включенные в учебный процесс и способные либо замещать учителя в отдельных функциях, либо помогать ему выполнять их. Это и учебники, и объекты окружающей среды, и графические средства (таблицы, схемы и т. п.), иллюстративный материал, фильмы, тексты, аудиозаписи и многое другое. Их следует подразделять на традиционные (нетехнические) средства обучения и современные технические средства обучения. Несмотря на все их преимущества, они используются с небольшим коэффициентом полезного действия. Это объясняется и консервативностью отдельных учителей, и недостаточной надежностью технических средств, и необходимостью большой подготовительной работы к уроку. Кроме того, еще недостаточно разработаны многие вопросы методики использования технических средств обучения, поэтому до сих пор

основным и самым массовым комплексным средством обучения остается учебник.

С учебником в своей повседневной практике сталкиваются все. Известны и различные определения учебника. Утверждают, что учебник – это своеобразный «сценарий учебного процесса» или «модель реализации системы обучения тому или иному иностранному языку». Эти определения не являются исчерпывающими, так как учебник – не только сценарий учебного процесса, но и своеобразный справочник для учащихся, не только информационная модель, но и организатор процесса формирования навыков и умений, и вообще учебник не столько модель, сколько конкретное средство реализации системы обучения².

На наш взгляд, гораздо более убедительно утверждение В. Г. Бейлинсона и Д. Д. Зуева о том, что учебник есть необходимое средство реализации цели, принципов, содержания и методов обучения. Если к этому присовокупить также, что цели, принципы, содержания и методы обучения реализует учитель, то становится ясным, что именно учебник выступает в качестве средства, способного наиболее полно реализовать функции учителя в их совокупности. Реализация не одной, а в той или иной мере всех функций в их взаимосвязи и является особенностью учебника, отличающей его от другого комплексного средства обучения – пособия. Если учебное пособие способствует решению частной задачи и реализует одну, две функции учителя, то учебник предназначен для решения более общих задач. Реализуя в той или иной мере все функции учителя в их взаимосвязи, он объединяет

² *Миньяр-Белоручев Р. К.* Методика обучения французскому языку: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1991. С. 57

в единое целое цели, принципы содержания и методы обучения. С одной стороны, учебник является для подавляющей массы учащихся важнейшим источником знаний, носителем содержания образования. В нем формируются и раскрываются основные научные понятия, предусмотренные школьной программой, определяется объем основ учебного материала – знаний, предназначенных для изучения в школе. С другой стороны, учебник – средство обучения. И как средство обучения, он должен способствовать усвоению конкретных знаний, выработке в процессе усвоения умений и навыков, опыта самостоятельной творческой деятельности, умения ориентироваться в предмете, искать и находить необходимую информацию.

Однако возможности учебника ограничены. Он не дает описания всей учебной деятельности учителя. В условиях массовой школы это обстоятельство остается недостатком: не все учителя правильно воспринимают систему обучения, заложенную в учебнике. Учебник плохо приспособлен для обучения аудированию. Напечатанные в нем тексты для аудирования перестают быть неизвестными для учащихся (точнее сказать, для части учащихся, так как многие из них не проявляют желания читать в учебнике «незаданные» тексты). К тому же для обучения аудированию лучше использовать технические средства обучения, которые могут воспроизводить тексты, начитанные носителями языка. Если к сказанному добавить, что фонограммы и видеофильмы удобнее готовить в специализированных центрах, а тексты к ним поручить подбирать и озвучивать высококвалифицированным специалистам, то становится ясным, что учебники следует дополнить целой системой средств обучения. Так появился учебно-методический комплект (УМК). **Учебный комплект представляет собой систему дидактических средств обучения по конкретному предмету (при ведущей роли учебника), создаваемую**

мую в целях наиболее полной реализации воспитательных и образовательных задач, сформулированных программой по этому предмету и служащих всестороннему развитию личности учащихся. УМК состоит из учебника (включающего книгу для чтения), книги для учителя, набора аудио- и видеоматериалов, комплекта учебно-наглядных пособий, комплекта грамматических таблиц. С помощью этого комплекта (особенно учебника и книги для учителя) задается в конкретном виде (а не декларативно, как в программе) иерархия целей обучения (конечные цели каждого года обучения, промежуточные цели, задачи по теме – серии уроков, задачи отдельного урока, звена внутри уроков), а также задается содержание и структура учебного материала, "программирующих" педагогический процесс, т. е. организацию деятельности учителя и учащихся. Таким образом, в УМК находят конкретную реализацию методы обучения.

Среди всех средств обучения вообще (и даже внутри комплекта) именно учебник составляет центральное звено, опосредующее деятельность учителя и учащихся. Учебник является главным, непосредственно данным учащимся и учителю в руки звеном системы обучения. **Учебник организует как деятельность учащихся, так и через книгу для учителя – деятельность учителя, воплощая в себе инструмент их взаимодействия.** Именно поэтому учебник неотделим от книги для учителя. Таким образом, мы рассматриваем учебник как микромодель всей системы обучения в целом, отражающим все ее компоненты: цели, содержание, структуру учебного материала, педагогического процесса (различные формы деятельности учителя и учащихся), методы, а также другие средства обучения. Будучи средством для внедрения в практику целей обучения, его содержания и методов, учебник наряду с другими средствами обучения выступает как система их реализации.

Каким требованиям должен отвечать учебник, чтобы обеспечить успешное овладение иностранным языком в процессе обучения? Требования неоднократно рассматривались в отечественной методической литературе, в связи с чем можно отметить наличие различных точек зрения на решение данного вопроса.

Основные требования, предъявляемые к современному учебнику иностранного языка:

- **системность и комплектность:** в дидактическом плане общая структура учебно-воспитательного процесса представлена двумя основными подсистемами:

- 1) подсистемой, организующей деятельность учащегося, которая материализуется с помощью учебника иностранного языка и некоторых пособий;

- 2) подсистемой, которая управляет работой учителя благодаря специальному методическому пособию и целому ряду вспомогательных средств, используемых учителем на уроке и во внеклассной работе.

Следовательно, суть первого требования сводится к необходимости создания не изолированного от прочих средств обучения учебника, а учебника, который бы явился ядром всей системы вспомогательных средств обучения;

- **необходимость учета особенностей этапа обучения:** все три этапа обучения имеют специфические лингвистические, психологические и методические особенности, которые необходимо учитывать при создании учебных пособий;

- **преимственность материала учебника:** учебник должен быть построен таким образом, чтобы последующие тексты и упражнения опирались на предыдущие, чтобы они повторяли и развивали дальше ранее изученный материал с целью успешного формирования, закрепления и совершенствования речевых умений и навыков;

- **учет особенностей родного языка:** отбирая языковой материал и модели речевой коммуникации, а также разрабатывая виды упражнений, необходимо уделять особое внимание тем иноязычным явлениям, которые либо совсем отсутствуют в родном языке, либо существенно отличаются от соответствующих явлений в нем;

- **научно обоснованный подход:** в связи с перегрузкой учебника учебным материалом отбор минимумов языкового материала (лексики, грамматики, фонетики) и речевых умений является не только актуальным, но и совершенно обязательным;

- **речевая направленность учебных материалов:** не отрицая большого значения усвоения языкового материала, следует, однако, с первых уроков неуклонно наращивать удельный вес упражнений, предназначенных для формирования и развития речевых умений;

- **концентрическое и циклическое построение учебных материалов:** при таком подходе одно и то же грамматическое явление изучается последовательно несколько раз, но каждый новый раз с нарастающей глубиной охвата изучаемого объекта³.

Рассмотрим функции учебника, являющегося центральным компонентом УМК:

- **информационная:** учебник является основным источником обязательной для усвоения учащимся информации. Информационная функция рассчитана на достижение в процессе обучения просвещенческого образовательного эффекта (роста в обученности учащихся), лишь на основе которого могут произойти сдвиги в развитии и воспитании школьников;

³ Ляховицкий М. В. Методика преподавания иностранного языка: Учебное пособие для филологических факультетов вузов. М.: Высшая школа, 1981. С. 64–70.

- трансформационная: связана с преобразованием, переработкой научно-теоретических, мировоззренческих, художественно-ценностных и других знаний, включаемых в учебник в порядке воплощения, уточнения и конкретизации государственной учебной программы.

Основными направлениями трансформации содержания предмета обучения при переводе его на уровень учебного материала являются:

- 1) обеспечение доступности содержания для данной возрастной категории;

- 2) установка связей изученного материала с жизнью, с практикой;

- 3) оптимальная активизация обучения школьников путем введения элементов проблемного изложения, усиления занимательности и эмоциональной выразительности материала;

- систематизирующая: обеспечение строгой последовательности изложения учебного материала в систематизированной форме. Строгая логика изложения учебного материала, обеспечение глубокой внутренней взаимосвязи его элементов на всех уровнях, четкая линия межпредметных связей, продуманная система вопросов, заданий, аппарата ориентировки – все это помогает реализовать данную функцию школьного учебника;

- интегрирующая: учебник обеспечивает помощь в усвоении в качестве единого целого знаний, приобретенных учащимися из различных источников. Тем самым современный учебник располагает реальной возможностью последовательно формировать методы научного исследования, воспитывать у учащихся умения самостоятельно оценивать факты, перерабатывать всю ту массу информации, которая к ним поступает;

- координирующая: одна из принципиальных особенностей учебника современной школы заключается в том, что он, в

силу своего назначения в системе средств обучения, является ядром, вокруг которого группируются все другие учебные средства (в настоящее время значение этой функции все более возрастает на фоне расширяющегося применения технических средств в процессе обучения, создания системы УМК при обучении иностранному языку);

- закрепления и самоконтроля: являясь носителем определенного, обязательного учебного материала, учебник призван всемерно *облегчать* учащимся усвоение и закрепление этого материала, помогать им *самостоятельно* восполнить пробелы в знаниях и умениях;

- развивающе-воспитательная: содействует активному формированию важнейших черт гармонически развитой личности⁴.

Авторы по-разному трактуют проблему функций школьного учебника. С точки зрения А. З. Рахимова, автора *логико-психологической концепции* разработки школьных учебников, сформулированная им концепция выделяет следующие функции учебника:

- мировоззренческая: формирование убежденности в том, что данное явление может быть познано и объяснено, в том, что знания об окружающем мире могут быть объективными и верными;

- синтезирующая: призвана формировать целостное представление о мире и целостную творческую личность ученика. Это может быть достигнуто путем синтеза в одном учебнике знаний из разных областей, в том числе естественных и гуманитарных наук;

⁴ Зуев Д. Д. Школьный учебник. М.: Педагогика, 1983. С. 59.

- ценностно-ориентационная: усиливает гуманитаризацию образования, обеспечивает широкий интеллектуальный фон, на котором может развертываться процесс самообразования⁵.

Конечно, нельзя забывать и о педагогических функциях учебника:

- общеобразовательная: реализуется путем специального вооружения школьников знаниями методических принципов, методами познания предмета и умения сознательно применять их в учебно-познавательной деятельности;

- развивающая: развитие познавательной потребности, положительной мотивации, учебной активности и творческих способностей учащихся;

- воспитательная: развитие отношения к научным знаниям как средству рациональной организации своей учебной деятельности и источнику самообразования, формирование развивающей системы самоконтроля и самооценки, взаимоконтроля и взаимооценки⁶.

Мы видим, что у разных авторов перечень функций, которыми должен обладать учебник, различны. Несомненно, что все они справедливы, но наиболее часто встречаются информационная, трансформационная, функция систематизации, закрепления и контроля, самообразования, интегрирующая, координирующая функции. Наиболее разработанной в дидактическом отношении и методическом воплощении можно считать информационную функцию.

В теории учебника совокупность функций называют комплексом или системой педагогических функций современного учебника. Ни одна из функций не может выполнять в полной ме-

⁵ Рахимов А. З. Психодидактика. Уфа, 2000. С. 59.

⁶ Там же. С. 31-33.

ре свое назначение вне комплекса. Например, функция систематизации связана почти со всеми функциями. Каждая из функций имеет воспитательную направленность – развивает умение мыслить, учит стройности изложения мысли, вооружает предпосылкой для осуществления других функций.

Таким образом, можно сделать вывод: несмотря на то, что существуют основные функции УМК:

- соответствие потребностям педагогического процесса,
- целенаправленность,
- ориентация на учащихся,
- мотивация,

каждый учебник не может обладать строго определенными функциями. Они могут варьироваться в зависимости от дидактической концепции и активных целей процесса обучения. Задачей авторского коллектива, работающего над созданием УМК, является, на наш взгляд, четкое формулирование концепции разрабатываемого УМК, т. к. именно от нее, как от поставленной цели, в конечном итоге будет зависеть успешность обучения школьников иностранному, в нашем случае финскому, языку. Учебно-методический комплект – основное средство обучения ИЯ; компонент процесса обучения, управляющий деятельностью учителя и учащихся, отражающий определенный концептуальный подход к обучению ИЯ, цели, принципы, содержание обучения, что определяет стратегию и тактику системы обучения в целом.

Список литературы

Зуев Д. Д. Школьный учебник. М.: Педагогика, 1983.

Коробейникова С. В. Фреймовый подход в обучении иностранному (финскому) языку: Материалы международной конференции «Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика». Петрозаводск, 2006.

Ляховицкий М. В. Методика преподавания иностранного языка: Учебное пособие для филологических факультетов вузов. М.: Высшая школа, 1981.

Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1991.

Рахимов А. З. Психодидактика. Уфа, 2000.

Итоги реализации Международного проекта «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия 2005–2007»

Международный проект «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия» был инициирован Министерством образования РК и Национальным Управлением образования Финляндии в 2005 году.

Цели и задачи проекта

Глобальная стратегическая **цель** проекта – повышение интереса к сотрудничеству (и расширение возможностей этого сотрудничества) в экономической и социальной сферах на приграничных территориях России и Финляндии. Достижение данной цели возможно за счет увеличения российских специалистов, владеющих финским языком, причем подготовка таких специалистов должна проходить посредством модернизации системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия.

Исходя из цели, в **задачи** проекта входят следующие направления деятельности:

1. Содействовать сотрудничеству учителей финского языка в РК.
2. Переработать стандарт и учебные программы по финскому языку как иностранному.
3. Содействовать разработке учебных материалов по обучению финскому языку как иностранному.

4. Подготовить специалистов (преподавателей-инструкторов) по обучению финскому языку как иностранному в сфере повышения квалификации и профессионального развития.

Задачи определили содержание проекта, который структурно состоит из **четырёх компонентов:**

Компонент 1: Сотрудничество учителей.

Компонент 2: Переработка стандарта и программ.

Компонент 3: Разработка учебных материалов.

Компонент 4: Обучение и повышение квалификации.

В рамках каждого из компонентов предполагалось выполнение следующих **мероприятий:**

Компонент 1 (Сотрудничество учителей)

1. Выбор координатора компонента.
2. Установление контактов с учителями Финляндии, преподающими финский язык как второй и как иностранный язык.
3. Разработка плана действий для осуществления сотрудничества.
4. Разработка структуры сотрудничества и сети взаимодействия учителей финского языка.
5. Создание web-сайта для учителей финского языка.
6. Организация мероприятий по информированию учителей школ и преподавателей университетов по вопросам обучения финскому языку как иностранному.
7. Участие в мероприятиях в рамках других компонентов проекта.

Компонент 2 (Переработка стандартов и программ)

1. Выбор координатора компонента.
2. Создание рабочих групп: 1-я группа – для 2–11-х классов общеобразовательных школ и 2-я группа – для педагогического вуза.

3. Переработка стандарта и программ для 2–11-х классов.
4. Переработка программ для КГПУ.
5. Представление переработанных стандартов и программ на утверждение.
6. Публикация стандартов и программ.

Компонент 3 (Разработка учебно-методических материалов)

1. Выбор координатора компонента.
2. Анализ существующих материалов.
3. Интеграция результатов анализа в исследование, проводимое на начальной стадии.
4. Изучение передового международного и финского опыта в сфере разработки учебных материалов.
5. Выбор инструкторов.
6. Разработка и внедрение обучающей программы по разработке и совершенствованию учебных материалов.
7. Привлечение (при непосредственном участии органов управления образованием и университетов) опытных учителей финского языка к участию в программе.
8. Выпуск перечня рекомендаций для создания учебных материалов; публикация рекомендаций.
9. Подготовка существующих материалов для утверждения (грифования) и издания.
10. Разработка экспериментальных учебно-методических материалов для пилотирования и издания.
11. Распространение результатов, включая проведение диссеминационного семинара.

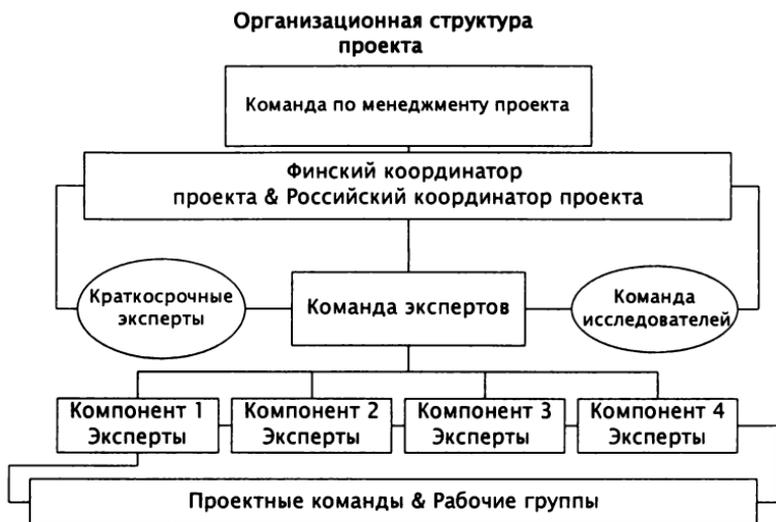
Компонент 4 (Обучение и повышение квалификации)

1. Выбор координатора компонента.
2. Проведение анализа потребностей учителей финского языка.

3. Интеграция результатов анализа в исследование, проводимое на начальной стадии.
4. Выбор инструкторов для обучения по программе повышения квалификации.
5. Разработка обучающей программы подготовки преподавателей-инструкторов.
6. Утверждение программы.
7. Выбор участников для апробации обучающей программы (при непосредственном участии органов управления образованием и университетов).
8. Апробация обучающей программы.
9. Разработка модулей повышения квалификации учителей.
10. Утверждение программных модулей.
11. Апробация программных модулей подготовленными преподавателями-инструкторами.
12. Разработка материалов по повышению квалификации.
13. Распространение результатов, включая проведение диссеминационного семинара.

Организационная структура проекта

Общее руководство проектом с финской стороны осуществляла Ханна Турпейнен (ун-т г. Вааса), российским менеджером проекта являлась Е. Г. Богданова (КГПУ). Команду финских экспертов составили: Яана Пускала (ун-т г. Вааса), Марина Бергстрем (ун-т г. Вааса), Айла Песонен (ун-т г. Вааса) и Анн-Мари Окерс (ун-т г. Вааса). В качестве российских экспертов выступили: О. А. Храмцова (КГПУ), Е. Л. Волокославская (ГОУ РК «ИПК РО»), Е. М. Семенова (Финно-угорская школа им. Э. Лённрота г. Петрозаводска).

Принципы осуществления проекта:

- **Целостность.**

В качестве ведущего подхода к осуществлению проекта был выбран интегрированный подход, предполагающий тесную взаимосвязь и взаимозависимость всех структурных компонентов проекта.

- **Цикличность.**

В целях успешного осуществления всех направлений деятельности по проекту следовало придерживаться принципа цикличности и вносить необходимые корректировки на всех стадиях осуществления проекта. По каждому направлению проекта разрабатывался план действий с учетом конкретных, но в то же время инновационных подходов к мониторингу и оценке проектной деятельности.

- Многофункциональность.

Все учителя финского языка и все школы, в которых идет преподавание финского языка как иностранного, должны были получить непосредственную пользу от результатов деятельности по данному проекту. В связи с этим деятельность в рамках проекта должна была носить многофункциональный характер, и во внимание необходимо было принимать разнообразные потребности потенциальных реципиентов.

Начальная стадия проекта

В проектном цикле начальная стадия выполняла важную функцию, так как она должна была стать прочной базой для трехлетнего сотрудничества.

В рамках начальной стадии предполагалось проведение следующих мероприятий:

1) необходимо было привлечь местных экспертов, которые совместно с международными экспертами будут принимать непосредственное участие в осуществлении проекта;

2) второй задачей было создание команды менеджеров проекта;

3) в течение трех первых месяцев предполагался визит финских экспертов в Петрозаводск для знакомства с условиями осуществления проекта, с российскими партнерами по проекту и другими заинтересованными сторонами;

4) было запланировано проведение исследования в области обучения финскому языку как иностранному;

5) предполагался выбор пилотных площадок, а именно школ, учителя которых смогут стать непосредственными участниками проекта;

6) проведение PR- деятельности;

7) по итогам начальной стадии подготовка отчета для утверждения на заседании стратегического комитета.

Самым масштабным мероприятием начальной стадии стало проведение базисного исследования по 4 направлениям:

- 1) изучение образовательных потребностей учителей финского языка;
- 2) создание базы данных по наличию учителей финского языка РК;
- 3) обзор существующих учебных материалов по финскому языку;
- 4) составление прогноза наличия учителей финского языка и учеников до 2009 г.

Первым направлением было проведение социологического исследования образовательных потребностей учителей финского языка, целью которого являлось выявление заказа на повышение квалификации учителей финского языка. Основным методом исследования послужил метод анкетного опроса, который был проведен специалистами КФРО И ГОУ РК «Институт повышения квалификации работников образования». Всего было опрошено 38 учителей из 19 школ, в которых ведется преподавание финского языка.

В ходе опроса были выявлены проблемы, которые возникают в системе повышения квалификации учителей. Так, например, основной проблемой опрошенные педагоги назвали малое количество курсов с носителями языка (более половины респондентов), на втором месте оказалась «вечная проблема» – недостаток материальных ресурсов, на третьем – недостаток информации о проводящихся курсах.

Учителя также отвечали на вопрос о том, как они предпочитают повышать собственную квалификацию. По результатам опроса половина учителей предпочитает самообразование, популярной формой является также обмен опытом с коллегами за пределами собственного образовательного учреждения и прохо-

ждение курсовой подготовки на базе образовательных учреждений дополнительного профессионального образования г. Петро-
заводска.

Наиболее востребованными образовательными областями, где учителя хотели бы повысить свою квалификацию, стали: знания по языку, методики обучения, образовательные технологии, новые ИКТ, практическая психология образования. Исходя из того, что взгляд школьников на изучение языка может в некоторой степени помочь в определении наиболее актуальных зон для повышения квалификации, учителям было предложено ответить на вопрос о том, что, по их мнению, вызывает наибольшие трудности в процессе изучения финского языка. Среди ответов на первом месте было названо умение говорения, на втором – аудирование, далее письмо, чтение, грамматика и самостоятельная работа школьников.

По результатам данного исследования учителя финского языка изъявили готовность участвовать в разработке учебных материалов по финскому языку. Среди ответов были перечислены такие материалы, как: наглядные пособия (схемы, таблицы и пр.), рабочая тетрадь ученика, программное обеспечение, учебник.

Следующим мероприятием было создание базы данных по учителям финского языка РК. В рамках данного мероприятия в электронном табличном виде была собрана информация по учителям общеобразовательных, средних и высших профессиональных учреждений РК.

В ходе начальной стадии был также составлен обзор существующих учебных материалов по финскому языку, предназначенных для школ. В обзоре представлен анализ используемых в настоящее время учебников по финскому языку, выявлены как положительные стороны, так и возможные недостатки учебных материалов. По итогам обзора делается вывод об отсутствии необ-

ходимого минимума современных учебных материалов по финскому языку, имеющих гриф Министерства образования РК и рекомендованных к использованию в учебном процессе, а также констатируется отсутствие книги для учителя, рабочей тетради и аудиоприложения к учебнику финского языка.

Заключительным мероприятием начальной стадии был прогноз (до 2009 г.) по наличию учителей финского языка и учеников, изучающих финский язык, для осуществления среднесрочного планирования повышения квалификации учителей, реализуемого в рамках проекта. Прогноз был также составлен в связи с необходимостью представления планов приема студентов в учреждения профессионального образования, ведущих подготовку учителей финского языка.

Прогнозные данные показали следующее: в 2005 г. финский язык в школах РК изучало 6934 чел., по прогнозу в 2008 г. – 5983 чел.; контингент учителей: 2005 г. – 101 чел., 2008 г. – 91 чел.

По итогам прогноза делается вывод о наличии тенденции к снижению количественных показателей в связи со сложившейся демографической ситуацией в России. Тем не менее прогноз показал, что потребность в педагогических кадрах, преподающих финский язык, сохранится.

Результаты деятельности по компонентам проекта

Итоги Компонента 1

В рамках деятельности по первому компоненту проекта был открыт двуязычный сайт www.suoppi.karelia.ru. Основными рубриками сайта являются такие рубрики, как:

- информация о проекте;
- новости;
- учебные материалы;
- программы и стандарты;
- полезная информация;

- конкурсы;
- контакты.

На сайте также представлена информация об **ассоциации учителей финского языка** Республики Карелия. Ассоциация была создана в рамках проекта в 2005 г. Основные цели и приоритетные направления деятельности ассоциации раскрываются в ее Уставе. Руководство ассоциацией учителей осуществляется президентом, который избирается на один год общим собранием членов ассоциации, официальное количество которых на данный момент насчитывает 50 человек. В рамках деятельности ассоциации проводятся семинары, организуются олимпиады, конкурсы, праздники, проходят заседания методического объединения учителей финского языка. Ассоциация активно сотрудничает с аналогичным общественным объединением учителей родного языка в Финляндии.

Итоги Компонента 2

Итогами деятельности по данному направлению явилась разработка стандарта по финскому языку как второму иностранному языку в Региональном (национально-региональном) компоненте государственного стандарта общего образования Республики Карелия. На основании стандарта были созданы примерные программы по финскому языку как второму иностранному для начального, основного и среднего (полного) общего образования (со 2-го по 11-й класс).

В 2007 г. были разработаны и изданы примерные программы по финскому языку как первому иностранному для 5–9-х классов, 10–11-х классов (базовый уровень), 10–11-х классов (профильный уровень).

На уровне высшего профессионального образования была проведена работа по созданию программно-методических материалов для студентов 1–5-го курсов ФИЯ КГПУ, включающих

рабочие программы по дисциплине «Практический курс финского языка. Практика устной и письменной речи» и тематические списки слов, на основании которых в дальнейшем будут разрабатываться русско-финские лексические минимумы.

Разработка нормативной базы преподавания финского языка в Республике Карелия послужила основой для создания дидактических и методических материалов.

Итоги Компонента 3

Для общеобразовательной школы различными авторскими коллективами была проведена работа по созданию следующих материалов:

1. Программно-методические материалы по финскому языку как второму иностранному для средней школы. Настоящий сборник включает темы и ситуации общения, лексико-тематические каркасы для изучения финского языка на различных этапах освоения школьной программы. В предлагаемых разработках освещаются вопросы обучения всем видам речевой деятельности, проблемы контроля знаний, навыков и умений учащихся средней школы. Методические материалы содержат также таблицы уровней владения ИЯ по общеевропейской шкале, алфавитные списки из лексических единиц, составляющих необходимый для усвоения в средней школе лексический минимум. Словники представлены как на финском, так и на русском языках.

2. Контрольно-измерительные материалы по финскому языку, содержащие тестовые задания для проверки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции по окончании начальной, основной и средней (полной) школы.

3. Сборник материалов по внеклассным мероприятиям на финском языке.

4. Олимпиадные задания по финскому языку.

5. Рабочая тетрадь для обучения письму на финском языке (2-й класс).

6. Уроки-презентации.

7. Тексты для аудирования.

8. Примерное календарно-тематическое планирование (со 2-го по 11-й кл.).

Активная работа по созданию учебных материалов для изучения и преподавания финского языка велась и в высших учебных заведениях Республики Карелия. На кафедре финского языка факультета прибалтийско-финской филологии и культуры был подготовлен финноязычный материал о писателях Карелии и классиках финской литературы (автор Т. И. Старшова), разработаны пособия по синтаксису (сост. Е. А. Тихонович) и морфологии финского языка (сост. И. П. Козяр).

На кафедре финского языка КГПУ к работе были привлечены студенты, результатом совместного творчества стал целый ряд готовых к публикации работ:

1) Учебный финско-русский словарь информативно-регуляторской лексики: Учебное пособие / Сост. О. Рощанинова, О. Храмцова.

2) Финские соответствия названий населенных пунктов Республики Карелия: Учебное пособие / Сост. О. Храмцова, Е. Троицкая.

3) Финское рождество: электронный финско-русский лингвострановедческий словарь / Сост. О. Храмцова.

4) Финские личные имена: Учебно-методическое пособие / Сост. О. Храмцова.

5) Грамматика финского языка в таблицах: Учебно-методическое пособие / Сост. Л. О. Руханен.

6) Термины методики преподавания иностранных языков: русско-финские соответствия / Сост. Е. Богданова, Е. Морозова.

7) Новые подходы к обучению иностранным языкам в школе: Курс лекций / Сост. Е. В. Борзова.

8) Методика преподавания финского языка: Методическое пособие / Сост. Л. Н. Шевченко.

9) Реферирование с русского языка на финский: Учебное пособие / Сост. Ю. Князева.

10) Стандартные выражения повседневного речевого общения на финском языке: Сборник материалов / Сост. М. Мухина, В. Некрасова, О. Храмцова, А. Яковлева.

Итоги Компонента 4

Курсы повышения квалификации учителей финского языка проходили в период с ноября 2005 г. по ноябрь 2007 г. **Организаторами** курсов выступали:

- Национальное Управление Образования Финляндии;
- Министерство образования Республики Карелия;
- Карельский фонд развития образования;
- ГОУ РК «Институт повышения квалификации работников образования».

Слушателями курсов являлись учителя финского языка из школ г. Петрозаводска, г. Костомукши, г. Кондопоги, п. Пряжа, п. Муезерский, пгт. Калевала, п. Новое Юшкозеро, д. Юшкозеро, п. Харлу, п. Коткозеро, п. Лоймола.

Кадровое обеспечение курсовой подготовки:

- представители Национального Управления образования Финляндии;
- специалисты Министерства образования и по делам молодежи РК;
- преподаватели ГОУ РК «ИПКРО»;
- профессорско-преподавательский состав ПетрГУ и КГПУ;
- преподаватели университетов г. Вааса, г. Хельсинки, г. Тампере, г. Ювяскюля, г. Оулу, г. Турку (Финляндия).

Цели и задачи курсовой подготовки:

1. Научиться разрабатывать авторские программы по финскому языку для образовательного учреждения.

2. Научиться составлять календарно-тематическое планирование по предмету.

3. Научиться составлять поурочное планирование учебного материала на базе имеющихся программ по финскому языку для общеобразовательной школы.

4. Научиться разрабатывать контрольно-измерительные материалы для проведения тестирования с целью выявления языковой компетенции обучающихся.

5. Научиться разрабатывать планы (сценарии) внеклассных мероприятий по финскому языку.

6. Разработать и подготовить к публикации комплект учебно-методических материалов для обучения финскому языку в школе.

7. Получить необходимую профессиональную подготовку по нормативно-правовым основам образовательной деятельности, гуманитарному и социо-культурному блоку, психолого-педагогическому блоку, научно-теоретическим и методическим основам преподавания финского языка как иностранного.

Тематика обучающихся семинаров была разработана в соответствии с поставленными целями и задачами курсовой подготовки. Основными **формами** проведения курсовой подготовки являлись:

- лекции;
- семинары;
- практические занятия;
- круглые столы;
- самостоятельная работа в форме выполнения межсессионных заданий;

- составление портфолио слушателя курсов.

Всего было проведено 7 обучающих семинаров, два из которых прошли в Финляндии, в г. Вааса, где учителя имели возможность окунуться в аутентичную языковую среду, реально познакомиться с финской культурой, посетить учебные занятия в финской школе, послушать лекции и принять участие в семинарах преподавателей финского языка как иностранного из различных университетов Финляндии.

Основные вопросы методики преподавания финского языка как иностранного, которые поднимались на семинарах, нашли отражение в публикации профессора Е. В. Борзовой «Новые подходы к обучению иностранным языкам в школе»(курс лекций), электронном методическом пособии к. ф. н. Л. Н. Шевченко «Методика преподавания финского языка».

По итогам курсов слушателям будут вручены **свидетельства о повышении квалификации**, основным условием получения которых является выполнение **итоговой квалификационной работы** следующего содержания:

1) тематическое планирование по любой теме для любого этапа обучения (по выбору учителя) с учетом требований, изложенных в материалах обучающих семинаров в рамках курсов повышения квалификации;

2) поурочное планирование в рамках выбранной темы и конспекты всех уроков (не менее 3) с учетом требований, изложенных в материалах обучающих семинаров в рамках курсов повышения квалификации;

3) контрольно-измерительные материалы по выбранной теме с учетом требований, изложенных в материалах обучающих семинаров в рамках курсов повышения квалификации;

4) план и конспект проведения внеклассного мероприятия по выбранной теме с учетом требований, изложенных в материалах

лах обучающих семинаров в рамках курсов повышения квалификации.

В заключение хотелось бы сказать, что данный проект, безусловно, сыграл большую роль в процессе преподавания финского языка в Республике Карелия: проект дал толчок для взаимного сотрудничества как учителей, так и администрации, обозначил проблемы, требующие скорейшего решения. Хотелось бы выразить надежду на то, что проект найдет свое продолжение в будущем и работа, начатая в рамках этого проекта, не остановится.

ОГЛАВЛЕНИЕ

© <i>Zaikov P., Bogdanova L.</i> Karjalan kielen nykytila, kehitys ta käyttö Karjalan Tasavallassa (sosiologisen tutkimuksen valossa).....	3
© <i>Starshova T.</i> Karjalan kansallinen kirjallisuus ja kielten sekä kulttuurien kontaktointi.....	8
© <i>Karlova O.</i> Hävieve kylä – hävieve ni kieli?.....	22
© <i>Flink T.</i> Inkeriläisten palautukset Neuvostoliittoon vuosina 1944–1955.....	32
© <i>Богданов Е. В.</i> К вопросу о франкоманстве Л. Онерва	44
© <i>Копталева Ю. Э.</i> Исторический и этнокультурный аспекты ингерманландской фитонимии	62
© <i>Лебедева Н. А.</i> Ареальная дистрибуция структурных моделей финской ойконимии Ингерманландии.....	75
© <i>Мамонтова Н. Н.</i> Географические названия на современных картах Карелии (традиции и нормы).....	97
© <i>Кузьмин Д. В.</i> Восточно-финские типы в топонимии Карелии.....	107
© <i>Логинова Е. В.</i> Каковы дураки на вид: сочетание сем ‘внешность’ и ‘умственные способности’ в лексике финских говоров	122
© <i>Храмцова О. А.</i> Проблемы инвентаризации и описания единиц повседневного речевого общения на финском языке в сопоставлении с русским	137
© <i>Хрушкова А. В.</i> Фамилии представителей привилегированного сословия Финляндии в XVII – XVIII вв.....	145
© <i>Миронова В. П.</i> Тема сватовства в карельской и финской эпической традиции: к вопросу о единстве мотивов и образов	157
© <i>Власова М. В.</i> Творцы мироздания в карельских эпических песнях.....	167
© <i>Пашкова Т. В.</i> Народные поверья как признак номинации некоторых названий болезней	178

© <i>Пашкова Т. В.</i> Некоторые вопросы номинации названий болезней в карельском языке (на основе названий птиц и животных).....	189
© <i>Ковалева С. В.</i> Заимствованные элементы в лексике новописьменного карельского языка	194
© <i>Жукова О. Ю.</i> «Белая волюшка» – основной объект оплакивания в вепсских свадебных причитаниях	202
© <i>Рогозина В. В.</i> Экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов в вепсском языке	210
© <i>Коробейникова С. В.</i> Современные концепции построения учебников иностранного языка для общеобразовательной школы.....	219
© <i>Богданова Е. Г.</i> Итоги реализации Международного проекта «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия 2005–2007».....	235

Научное издание

**Бубриховские чтения:
Проблемы функционирования и контактирования
языков и культур прибалтийско-финских народов**

Сборник научных статей

Редактор *О. В. Обарчук*

Компьютерная верстка *Т. Г. Рожиной*

Подписано в печать 17.06.2008. Формат 60 x 84 1/16.

Бумага офсетная. Офсетная печать. Уч.-изд.л. 12,0.

Тираж 150 экз. Изд. № 65.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

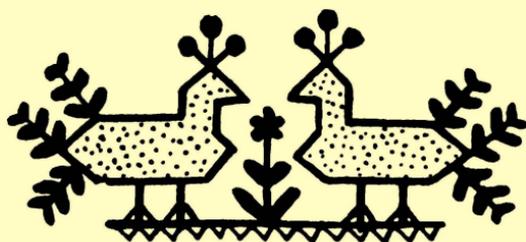
Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-8021-0847-5

9 785802 108475

**Бубриховские чтения:
проблемы функционирования
и контактирования языков и культур
прибалтийско-финских народов**

Петрозаводск 2008